

ВЕСЬ ДЖЕЙМС БОНД

КАЗИНО «РОЯЛЬ»

Йен Флеминг

Йен Флеминг

CASINO
ROYALE
7^F

ВЕСЬ ДЖЕЙМС БОНД

Познакомьтесь – Джеймс Бонд. Безупречный, блестяще образованный красавец. Абсолютно безжалостен и смертельно опасен.

Это первый роман Йена Флеминга об агенте 007. Он повествует о противостоянии Джеймса Бонда и русского шпиона по прозвищу Ле Шиффр, непобедимого профессионала и азартного игрока. Цель Бонда – с треском обыграть Ле Шиффра за столом казино и вывести его из большой шпионской игры. Госпожа Удача благоволит Джеймсу, а его противник попадает в полосу невезения. Но не все любят играть по правилам, и Бонд, увлекшийся прекрасной женщиной-агентом, попадает в ловушку, из которой, кажется, нет спасения?

007

CASINO ROYALE © 2006 Danjaq, LLC.
United Artists Corporation and Columbia
Pictures Industries, Inc. All rights reserved.
A UK - Czech Republic - Germany - US Production

ISBN 5-699-18702-2

9 785699 187027 >

ВЕСЬ ДЖЕЙМС **БОНД**

Йен Флеминг

КАЗИНО «РОЯЛЬ»

МОСКВА

2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Ф 71

Ian Fleming
CASINO ROYALE

Copyright © 1953 by Glidrose Productions Ltd.

Перевод с английского *И. Блошенко, К. Сашина*

Флеминг Й.
Ф 71 Казино «Рояль»: Детективный роман / Йен Флеминг; [пер. с англ. И. Блошенко, К. Сашина]. — М.: Эксмо, 2006. — 288 с. — (Весь Джеймс Бонд).

ISBN 5-699-18702-2

Бонд. Джеймс Бонд. Знаменитый суперагент с лицензией на убийство. Настоящий джентльмен, любимец женщин и объект зависти мужчин всего мира. И о нем же: «...Крутой, много пьет, везде суется, аморальный тип, только и делает, что спасает свою страну и весь мир от кошмарных катастроф».

«Казино «Рояль» — первый роман Йена Флеминга о Джеймсе Бонде. Он же послужил началом и «кинобондианы» — первый фильм с таким названием появился в 1954 году, затем был ремейк 1967 года, и вот наконец в 2006 году вышел на экраны новый блок-бастер, в котором в роли «агента 007» снялся знаменитый английский актер Дэниэл Крэйг.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-699-18702-2

© Перевод. И. Блошенко, К. Сашин, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Секретный агент

Запахи духов, табака и пота в три часа утра в душных помещениях казино могут вызвать тошноту, а кроме того, происходит эрозия души, разъедаемой игрой по высоким ставкам, этой смеси жадности, страха и нервного напряжения. Все это становится невыносимым, чувства пробуждаются и восстают против этого.

Джеймс Бонд неожиданно почувствовал, что устал. Он всегда знал пределы возможностей своего тела и мозга и обычно поступал соответственно этому. Это помогало ему не выдыхаться до конца и избегать притупления чувств, плодящего ошибки.

Он незаметно отодвинулся от стола, за которым играл в рулетку, и на мгновение остановился у медных перил, на высоте груди опоясывавших игорный стол в приватном зале, предназначенном для членов клуба.

Ле Шиффр все еще продолжал играть и, по всей видимости, выигрывал. Перед ним лежала

довольно неопрятная кучка запятнанных фишек достоинством в сто тысяч франков каждая. В тени его крупной левой руки возвышалась еще одна, скромная на вид, кучка окрашенных в желтый цвет фишек, каждая из которых, однако, тянула на полмиллиона франков.

Бонд некоторое время разглядывал его необычный выразительный профиль и затем, передернув плечами, чтобы встряхнуться и оживить свои мысли, отошел в сторону.

Ограждение кассы доходит стоящему человеку до подбородка, и сидящий за ним на высоком стуле кассир, обычно заурядный банковский клерк, поглощен лишь тем, что пересчитывает горы лежащих перед ним банкнот и фишек. Все они аккуратно разложены по полкам по своим номиналам. Полки эти находятся за специальным барьером на уровне бедер. Для большей надежности и защиты от нападений кассир обычно вооружен тяжелой дубинкой и пистолетом. Так что перемахнуть через ограждение и схватить деньги, выскочить обратно и унести ноги из казино, преодолев все преграды и двери, практически невозможно. К тому же кассиры в основном работали парами.

Бонд размышлял над этими вещами, забирая свою пачку банкнот достоинством в сто тысяч франков и несколько пачек десятитысячных

ассигнаций. Мысленно его воображение рисовало картину завтрашнего заседания правления казино, собиравшегося по утрам, чтобы подвести итоги.

Месье Ле Шиффр выиграл два миллиона. Он играл свою обычную игру. Мисс Фэрчайлд всего за один час также выиграла миллион. Она сорвала три «банка» у Ле Шиффра, после чего покинула зал. Играла исключительно хладнокровно. Месье виконт де Виллорин выиграл в рулетку миллион двести тысяч. Максимальные ставки делал на первые и последние фишки. Ему везло. Затем этот англичанин, мистер Бонд, за два дня сумел увеличить свой выигрыш до трех миллионов. Он играл, постоянно увеличивая ставки, за пятым столом.

Похоже, что он упорно будет продолжать ставить по максимуму. Ему явно сопутствует удача. Нервы, кажется, его не подводят. В вечерний сеанс партию в «железку» выиграл Х, в баккара — У, а в рулетку — Z. Опять было немного желающих играть в шары, они все еще приносят убытки.

— Спасибо за доклад, месье Ксавьер.

— Благодарю вас, господин Председатель.

Будет так, или почти так, думал Бонд, покидая через вращающиеся двери приватный зал казино. По пути он кивнул на прощание чело-

веку в вечернем костюме. Тот выглядел усталым, хотя вся работа его состояла в том, чтобы встречать и провожать всех входящих и выходящих. Под ногой у него всегда был наготове электрический выключатель, который автоматически запирает все двери, если возникает хоть малейший намек на непредвиденные неприятности.

А в это время члены правления казино подводят баланс в своих бухгалтерских книгах и отправятся по домам или в кафе обедать.

Что касается возможности ограбления кассы казино, то самого Бонда это мало интересовало. Если не считать простого любопытства, он подумал, что для этого, пожалуй, потребовалось бы с десятков ловких парней, которым наверняка пришлось бы прикончить одного-двух служащих, хотя в любом случае во Франции вряд ли можно найти для такого дела десять надежных убийц, да и в других странах тоже.

Спускаясь вниз по лестнице казино, Бонд вручил привратнику банкноту в тысячу франков и, продолжая раздумывать о Ле Шиффре, окончательно пришел к выводу, что тот ни при каких обстоятельствах не будет пытаться очистить кассу, и с этими мыслями он тут же выбросил из головы всякую возможность ограбления вообще. Вместо этого он стал прислушиваться к своим физическим ощущениям. Под подошвами

его вечерних туфель хрустел жесткий рассыпающийся гравий; во рту он ощущал неприятный привкус; нос заложило; лицо горело, подмышки вспотели. Бонд чувствовал, как что-то тяжело давило на глаза. Он глубоко вдохнул приятный освежающий ночной воздух и сосредоточил все свои мысли и чувства на одном: больше всего ему хотелось узнать, обыскивал ли кто-нибудь его комнату, пока он отсутствовал, а не было его там, считай, с самого обеда.

Бонд пересек широкий бульвар и направился по дорожке парка к гостинице «Спленид». Улыбнувшись швейцару, подавшему ему ключи от его номера — № 45 на втором этаже, — он взял ожидавшую его телеграмму. Она была из Ямайки. Бонд прочитал следующее:

Кингстония

Бонду, «Спленид», г. Рояль, Лез-о-Сэн-Ин-ферьер производство гаванских сигар все фабрики Кубы 1915 десять миллионов; повторяю, десять миллионов. Надеюсь, эта цифра, которую вы запросили, будет достаточной.

Да Сильва.

Это означало, что десять миллионов франков были высланы на имя Бонда. Это был ответ на просьбу Бонда прислать ему еще денег. Теле-

грамму об этом он отправил сегодня через Париж в свою штаб-квартиру в Лондоне. Париж связался с Лондоном, а там Клементс, начальник управления, в котором работал Бонд, переговорил с М. Тот сухо улыбнулся на это и приказал «брокеру» уладить это дело с министерством финансов.

Когда-то Бонду довелось работать на Ямайке, и его прикрытием в г. Рояль служило то, что он выступал там в качестве весьма богатого клиента крупной ямайской экспортно-импортной фирмы, принадлежавшей семейству Кэффери. Поэтому инструкции он получал через Ямайку, где связным у него был неразговорчивый человек по имени Фоссет, возглавлявший отдел иллюстраций и фото в «Дейли Глинер», довольно известной в Карибском регионе газете.

Этот Фоссет когда-то работал бухгалтером на одном из ведущих черепаших промыслов на Каймановых островах. Будучи рядовым жителем на Кайманах, он пошел добровольцем в армию в самом начале войны и закончил ее в качестве мелкого клерка в финансовом отделе небольшого филиала военно-морской разведки на Мальте. В самом конце войны, когда ему предстояло возвращение на Каймановы острова, а думал он об этом с тяжелым сердцем, он случайно попал в поле зрения Секретной службы,

и именно того отдела, который занимался Карибским регионом. Его быстро обучили искусству фотографии и некоторым другим ремеслам, и, с молчаливого согласия одного влиятельного лица на Ямайке, он получил место в отделе иллюстраций и фотографий в газете «Глипер».

В промежутках между отсеиванием фотографий, представляемых крупными агентствами — «Кейстоун», «Уайд-Уолд», «Юниверсал», «Айэнти» и «Рейтер-Фото», — он получал приказы и инструкции по телефону от человека, с которым он никогда не встречался. Эти инструкции касались конкретных несложных операций, требующих только одного — исключительной осторожности, быстроты и точности. За эти нечастые услуги он получал двадцать фунтов в месяц, которые переводились на его счет в Королевский банк Канады от имени вымышленного родственника, проживающего в Англии.

В функции Фоссета входила немедленная передача Бонду полных текстов посланий, которые ему сообщал по домашнему телефону его анонимный связной. Он еще раньше говорил Фоссету, что передача этих текстов для Бонда, независимо от их содержания, не будет вызывать каких-либо подозрений у почтовых работ-

ников Ямайки. Поэтому Фоссет совсем не удивился, когда его неожиданно назначили корреспондентом агентства «Мэритайм пресс и фото эйдженси», снабдив заранее оплаченной линией связи с Францией и Англией и увеличив ежемесячную плату еще на десять фунтов.

Он сразу же почувствовал себя более уверенным и воодушевленным, сделал первый взнос за автомобиль «Моррис-Майнор» и уже видел себя среди награжденных медалью Британской империи. Он купил себе также зеленый защитный козырек для глаз, о котором давно мечтал и при помощи которого произвел сильное впечатление на сотрудников отдела фотографий. После этого они его явно зауважали.

Телеграмма Фоссета настроила Бонда на философский лад. Привыкнув к косвенной опеке, что ему даже нравилось, хотя он и чувствовал, что такое заботливое отношение к нему, возможно, в какой-то степени изнежило его, он позволял себе на час-другой задерживаться с выходом на связь с самим М. Однако Бонд не исключал возможности, что в Руайале мог находиться еще один сотрудник Секретной службы, который независимо от него посылал свои собственные сообщения в Центр. Это и создавало иллюзию, что он был вовсе не по другую сторону Ла-Манша в 150 милях от этого грозного уч-

реждения, расположенного рядом с парком Риджент, и что за ним следят и оценивают его несколько холодных умов, благодаря которым работала и действовала вся система Секретной службы. Точно так же, как и Фоссет с Каймановых островов, сидя в своем Кингстоне, знал, что, если он приобретет автомобиль «Моррис-Майнор», заплатив за него наличными сразу всю сумму, вместо того чтобы купить его в рассрочку, то кто-нибудь в Лондоне, узнав об этом, обязательно заинтересуется, откуда у него взялись эти деньги.

Бонд дважды перечитал полученную им телеграмму. Он вырвал из блокнота, лежавшего у него на столе, телеграфный бланк (зачем оставлять копию на копирке?) и написал заглавными буквами ответ:

СПАСИБО ИНФОРМАЦИИ ДОЛЖНО ХВАТИТЬ —

БОНД.

Он отдал бланк швейцару, а телеграмму, подписанную «Да Сильва», спрятал себе в карман. Хозяева швейцара (если таковые есть) смогут приобрести за взятку копию его телеграммы в местном почтовом отделении, если швейцар уже сам не вскрыл конверт, подержав его над паром, или не прочитал ее текст в перевернутом виде, когда она находилась еще в руках Бонда.

Бонд взял ключи и, пожелав швейцару спокойной ночи, направился к лестнице, кивнув на прощание лифтеру. Бонд знал, какую опасность может представлять собой кабина лифта. Он не рассчитывал, что кто-нибудь будет подниматься с ним на лифте до второго этажа, но он предпочел проявить осторожность. Спокойно и быстро поднимаясь пешком наверх, он запоздало пожалел о том, что направил М. ответ, звучавший несколько высокомерно. Будучи по натуре азартным игроком, он понимал, что нельзя полагаться на такую скромную сумму. Во всяком случае, М. больше не даст ему ни пенса. Он пожал плечами и, свернув с лестницы в коридор, неслышно направился к двери своего номера.

Бонд точно знал, где расположен выключатель, и, сделав всего лишь одно движение, он оказался на пороге своей комнаты. Дверь за ним была распахнута настежь, свет включен, в руке он сжимал пистолет. Комната была пуста.

Не обратив внимания на полуоткрытую дверь ванной комнаты и заперев за собой дверь, он включил ночник и лампочку рядом с зеркалом. Пистолет он бросил на диван, стоявший у окна, после этого нагнулся и проверил, был ли на месте волосок, который он прикрепил, уходя перед обедом из номера, в щель выдвижного ящика письменного стола, также тщательно ос-

мотрел едва заметный слой талька, нанесенный им на внутреннюю сторону фарфоровой ручки платяного шкафа. Порошок оказался неповрежденным. Затем в ванной Бонд поднял крышку бачка унитаза и проверил, не изменился ли уровень воды, который он пометил едва заметной царапиной на медном шаре внутри бачка.

Проделявая все эти манипуляции в качестве мер предосторожности против нежелательных гостей, Бонд не считал, что занимается глупостями. Он был профессиональным тайным агентом и оставался в живых только благодаря тому, что для него не существовало мелочей, не достойных внимания. Все эти меры, какими незначительными они бы ни казались, были для него не менее необходимы, чем меры предосторожности для ныряльщика или летчика-испытателя, или для любого другого человека, зарабатывающего деньги трудом, сопряженным с риском.

Убедившись, что его комнату не обыскивали, пока он находился в казино, Бонд разделся и принял холодный душ. После этого он закурил сигарету, семнадцатую за день, и уселся за письменный стол с толстой пачкой в руках своих и выигранных денег. После двух дней игры в казино денег у него стало больше ровно на три миллиона франков. Он тщательно занес не-

сколько цифр в свою записную книжку. В Лондоне ему первоначально выдали десять миллионов, но он был вынужден попросить еще столько же. Деньги были уже в пути, отправленные из Лондона в местное отделение банка. Таким образом, вместе с имеющейся у него суммой в его распоряжении был капитал в сумму двадцать три миллиона франков, или около двадцати трех тысяч фунтов стерлингов.

Некоторое время Бонд сидел без движения, уставившись в окно на темную поверхность моря, затем решительно сунул кучу банкнот под подушку своей изысканно украшенной кровати. Вычистив зубы, Бонд выключил свет и с облегчением улегся на жесткую французскую простыню, укрывшись точно такой же. Десять минут он лежал на левом боку, припоминая события прошедшего дня, потом повернулся на другой бок и настроился на сон. Уже засыпая, он машинально нащупал глубоко под подушкой холодный ствол своего «кольта» 38-го калибра с нарезным стволом. После этого он безмятежно заснул. Сон погасил теплые искры юмора, светившиеся в его глазах, лицо его обрело вид неподвижной молчаливой маски, ироничной, жестокой и холодной.

Досье для М.

За две недели до этого из резидентуры «С» Секретной службы в адрес М., возглавлявшего, как и ранее, это подразделение при министерстве обороны Великобритании, был отправлен следующий меморандум:

«Кому: М.

От кого: руководитель резидентуры «С».

Основное содержание: Проект уничтожения г-на Ле Шиффра (он же «М-р Намбер», «Герр Нуммер», «Герр Циффер» и т. д.), одного из главных агентов движения оппозиции во Франции, являющегося негласным казначеем руководимого коммунистами профсоюза рабочих и служащих тяжелой промышленности и транспорта «Сэндика дез уоркер д'Альзас» и, как нам известно, возглавляющего пятую колонну на случай войны с «Красной территорией».

Документация: Приложение «А» содержит биографическую справку на Ле Шиффра, составлен-

ную заведующим архивом; Приложение «Б» содержит справку на организацию СМЕРШ.

В последнее время у нас складывается впечатление, что Ле Шиффр пребывает в затруднительном положении. Почти по всем своим данным он остается наиболее ценным агентом для СССР, однако его ахиллесовой пятой являются его низменные привычки и пристрастия, которые нам удавалось время от времени с успехом использовать в своих интересах; кроме того, одной из его любовниц является евразийка (№ 1860), которую контролирует резидентура «Ф». Недавно нам удалось через нее кое-что разузнать о личных делах Ле Шиффра.

Короче говоря, создается впечатление, что он находится на грани финансового кризиса. Отдельные симптомы этого были замечены агентом № 1860. Об этом свидетельствует, в частности, распродажа драгоценностей через подставных лиц, продажа виллы «Антибэ» и вообще стремление воздерживаться от излишних трат, которые всегда были отличительной чертой его образа жизни. С помощью наших друзей из Второго бюро, с которыми мы совместно вели это дело, нам удалось навести еще некоторые справки, в результате чего всплыла довольно любопытная история.

В январе 1946 года Ле Шиффр приобрел контроль над сетью публичных домов, действующих в

Нормандии и Британии и известных как «Кордон Жуан». Он поступил весьма неразумно, истратив на это приобретение около пятидесяти миллионов франков из тех денег, которые были ему переданы III Ленинградским отделом для финансирования упомянутого выше профсоюза.

Вообще-то эта сеть публичных домов могла бы оказаться отличным объектом для помещения капитала, и, возможно, скорее Ле Шиффр руководствовался желанием увеличить финансовую базу своего профсоюза, чем надеждой быстро разбогатеть, используя деньги своих хозяев. Как бы там ни было, ясно одно, что он мог бы изыскать другие способы помещения капитала, не столь сомнительные в сравнении с доходами от проституции, если бы его не соблазняла возможность иметь в своем распоряжении неограниченное количество женщин легкого поведения.

Судьба, однако, не замедлила отомстить ему.

Всего через три месяца, 13 апреля, во Франции был принят Закон № 46685 о закрытии домов терпимости и об усилении борьбы с проксенитизмом».

Когда М. дочитал до этого места, он хмыкнул и включил селекторную связь.

— Это руководитель резидентуры «С»?

— Да, сэр.

— Что означает это чертово французское

слово: «проксенитизм»? — Он прочитал его по буквам.

— Сводничество, сэр.

— Здесь вам не школа Берлица по изучению иностранных языков, резидент «С». Если вы хотите похвастаться своими знаниями труднопроизносимых иностранных слов, то будьте добры сопровождать их переводом. А еще лучше, пишите по-английски.

— Извините, сэр.

М. отключил селектор и продолжил читать меморандум.

«По этому закону, известному в народе как «Закон Марти Ригарда», закрывались все дома, пользующиеся дурной репутацией, запрещалась торговля порнографической литературой и фильмами. В результате этого почти в одночасье Ле Шиффр потерял все свои капиталовложения и оказался перед лицом серьезной прорехи в фондах своего профсоюза. В отчаянии он превратил свои публичные дома в дома для тайных деловых свиданий на грани нарушения закона и продолжал содержать один-два подпольных кинотеатра, но эта смена вывесок не могла покрыть всех его накладных расходов, а все попытки продать эти предприятия, даже с большим убытком, к его несчастью, провалились. Тем временем полиция нравов

уже шла по его следу, и вскоре двадцать или больше его заведений были закрыты.

Конечно, полицию интересовал этот человек только как известный содержатель публичных домов, и только после того, как мы заинтересовались его финансовым положением, сотрудники Второго бюро обнаружили параллельное досье, которое вели их коллеги из полицейского отдела.

Нам и нашим французским друзьям стали очевидными масштабы этого дела, и в течение последних нескольких месяцев была проведена настоящая охота за заведениями «Кордон Жуан», в результате которой на сегодняшний день от первоначальных капиталовложений Ле Шиффра ничего не осталось. Любая рутинная ревизия профсоюзной кассы, казначеем и кассиром которой он был, обнаружит недостачу миллионов на пятьдесят франков.

Казалось, что в Ленинграде еще не возникло подозрений, но, к несчастью для Ле Шиффра, вполне вероятно, что, во всяком случае, в СМЕРШе что-то учуяли. На прошлой неделе надежный источник из резидентуры «П» сообщил, что некое высокопоставленное лицо этого эффективного органа советского возмездия вылетело из Варшавы в Страсбург через Восточный сектор Берлина. Но ни из Второго бюро, ни от властей Страсбурга (вполне надежных) подтверждения этого сооб-

щения не поступило; нет никаких сведений и из штаб-квартиры Ле Шиффра, в котором работает наш проверенный агент (кроме агента № 1860).

Если бы Ле Шиффр знал, что агенты СМЕРШа уже идут за ним по пятам или что у них в отношении его появились малейшие подозрения, то ему не осталось бы никакого выбора, кроме одного: покончить жизнь самоубийством или попытаться скрыться. Но его действия и планы на сегодняшний день свидетельствуют о том, что, хотя он, безусловно, пребывает в отчаянии, он еще не осознал, что жизнь его, возможно, поставлена на карту. И именно эти его широкомасштабные планы навели нас на то, чтобы начать свою собственную контроперацию, которую, хотя и считаем необычной и рискованной, мы берем на себя смелость предложить в конце данного меморандума.

Короче говоря, мы считаем, что Ле Шиффр планирует, как это обычно делает большинство жуликов, ограбивших кассы, и других проходимцев, оказавшихся в безвыходном положении, поправить свои дела и восполнить недостачу при помощи азартных игр. Игра на бирже — результат будет не скоро. Не принесут быстро желаемого результата и такие операции, как незаконный наркобизнес или подпольная торговля редкими ле-

карствами, такими, как стрептомицин и кортизон. То же самое можно сказать и о скачках.

Ставки, которые ему пришлось бы в этом случае делать, не могли бы себе позволить никакие ипподромы, и, если бы он и сорвал большой куш, его скорее бы убили, чем выплатили выигранные деньги.

В любом случае, нам известно, что он забрал последние двадцать пять миллионов из казны своего профсоюза и поселился на небольшой вилле поблизости от Руайаля, к северу в сторону Дьена, и завтра будет уже неделя, как он там живет.

Итак, ожидается, что этим летом в казино «Рояль» игры пойдут по самым высоким ставкам в Европе. Пытаясь привлечь большие деньги из Довиля и Ле-Тонке, «Общество морских сообщений Руайаля» сдало в аренду, как говорят, с намерением получить большие барыши, столы для игры в баккара и два стола для игры в «железку» синдикату Магомета Али. Эта группа крупных египетских бизнесменов и банкиров-эмигрантов в течение многих лет пыталась вклинить в доходы Зографоса и его греческих сообщников, установивших монополию во Франции на игру в баккара по самым высшим ставкам.

С помощью ненавязчивой рекламы они заинтересовали многих крупных бизнесменов в Америке и Европе в том, чтобы они зарезервировали

этим летом места в гостиницах Руайаля, в результате чего этот старинный курорт, возможно, частично вернет свой викторианский облик.

Как бы там ни было, Ле Шиффр постарается — мы в этом уверены — 15 июня или после этой даты заработать на игре в баккара пятьдесят миллионов, располагая капиталом в двадцать пять миллионов франков (и, между прочим, тем самым спасти себе жизнь).

Предлагаемые контрмеры.

Значительный интерес для нашей страны и других стран Организации Североатлантического договора представляло бы проведение операции, целью которой было бы публичное осмеяние и уничтожение этого влиятельного советского агента, а также доведение до банкротства связанного с ним коммунистического профсоюза, создание ему соответствующей репутации так, чтобы эта потенциальная пятая колонна, насчитывающая 5000 человек и способная в случае войны контролировать широкий сектор северной границы Франции, разуверилась во всем и потеряла бы свою сплоченность. Всего этого можно было бы достичь, если бы удалось победить Ле Шиффра за карточным столом. (NB. Организация покушения на него была бы бессмысленной. Ленинград быстро возместит его растрату, а из него самого сделает мученика.)

Таким образом, мы рекомендуем, чтобы самый искусный игрок, находящийся в распоряжении Секретной службы, получил необходимые средства и попытался обыграть этого человека.

Риск очевиден, и возможность финансового ущерба весьма велика. Но другие операции, на которые были выброшены огромные суммы, имели меньше шансов на успех и часто преследовали менее значительные цели.

Если решение будет отрицательным, то единственной альтернативой представляется передача нашей информации и наших рекомендаций в распоряжение Второго бюро или наших американских коллег из ЦРУ в Вашингтоне. Обе эти организации, без сомнения, с готовностью примут наш план.

Подписано «С».

Приложение «А».

Имя: Ле Шиффр

Клички (известен под другими именами): вариации слова «число» или «номер» на разных языках; например, «Герр Циффер».

Происхождение: неизвестно.

Впервые мы столкнулись с ним в июне 1945 года, как с человеком, содержавшимся в концлагере Дахау в советской зоне Германии. Очевидно, он страдал от амнезии и паралича голосовых связок (и то и другое симулировалось?). Немота поддавалась лечению. Однако он продолжал проявлять все признаки пол-

ной потери памяти. Исключение составляли ассоциации, вызываемые Эльзас-Лотарингией и Страсбургом, куда его перевели в сентябре 1945 года по паспорту лица без гражданства № 304—596. Он взял себе фамилию «Ле Шиффр» (так как теперь он был просто только номер в паспорте). Фамилии и имени не имеет.

Возраст: около 45 лет.

Приметы: рост 5 футов 8 дюймов, вес примерно 114 кг. Цвет лица землисто-бледный. Без усов и бороды. Волосы: рыжеватый шатен, подстрижен ежиком. Глаза темно-коричневые, белки выделяются по всей радужной оболочке. Небольшой, довольно женственный рот. Вставные зубы высокого качества. Уши маленькие, с большими мочками, свидетельствующие о наличии европейской крови. Руки небольшие, хорошо ухоженные, волосатые. Ступни ног маленькие. По расовым признакам этот человек, возможно, является потомком выходцев из района Средиземноморья, в нем есть так же немного прусской или польской крови. Одевается тщательно и со вкусом, носит обычные темные костюмы с двубортными пиджаками. Курит постоянно (только марки «Капоралз»), пользуется мундштуком. Довольно часто вдыхает амфетамин. Хорошо владеет немецким. Чувствуется марсельский акцент. Улыбается редко. Не смеется.

Привычки: в основном дорогие, но достаточно

благоразумные. С большим сексуальным аппетитом. Профессионально водит гоночные автомобили. Знаток стрелкового и различных видов личного оружия, включая ножи. Постоянно имеет при себе три бритвенных лезвия фирмы «Эвершарп», спрятанных под лентой шляпы, в каблуке левого ботинка и в портсигаре. Знает бухгалтерское дело и математику. Опытный картежник. Всегда находится в сопровождении двух вооруженных, хорошо одетых охранников, один из которых — француз, другой — немец. (Подробными сведениями о них располагаем.)

Комментарий: Серьезный и опасный агент СССР, деятельностью которого через Париж руководит Ленинградский III отдел.

Подписано: Архивариус.

Приложение «Б».

Объект: СМЕРШ.

Источники: собственные архивные документы и некоторые материалы, представленные Вторым бюро ЦРУ в Вашингтоне.

СМЕРШ — это сокращение от двух русских слов «смерть шпионам».

Является организацией, по своему значению стоящей над МВД (бывший НКВД) и, как полагают, находящейся под непосредственным руководством Берии.

Штаб-квартира: Ленинград (филиал в Москве).

В задачи СМЕРШа входит искоренение всех форм предательства и измены в различных организациях советской секретной службы и тайной полиции как внутри страны, так и за рубежом.

Это самая могущественная организация в СССР, наводящая страх на всех граждан, и, как всеми признается, еще не было случая, чтоб она не выполнила своей миссии отмщения.

Считают, что именно СМЕРШ несет ответственность за убийство Троцкого в Мексике (22 августа 1940 года), и, вероятно, именно после этой удачно проведенной операции (до этого попытки убить Троцкого были предприняты отдельными русскими агентами и даже целыми организациями) эта организация приобрела большую известность.

Затем о СМЕРШе снова заговорили, когда Гитлер совершил нападение на Россию. Тогда, во время отступления советских войск в 1941 году, эта организация быстро росла, чтобы быть в состоянии бороться с изменниками и двойными агентами. В то время она работала как ликвидационная команда в системе НКВД, ее задачи в настоящее время не так четко определены.

После войны в самой организации была проведена тщательная чистка, и теперь, как полагают, в ее состав входит несколько сот оперативных сотрудников весьма высокой квалификации,

подчиняющихся руководству пяти отделов. Отдел I: отвечает за контрразведку в советских организациях, как в стране, так и за рубежом. Отдел II: проведение различных операций, включая казни. Отдел III: административное управление и финансы. Отдел IV: организация и проведение расследований и юридические вопросы. Кадровые вопросы. Отдел V: судебное преследование. Это отдел, который выносит окончательные решения по всем намеченным жертвам.

Со времен войны в наши руки попал только один агент из команды СМЕРШа — некий Гойчев, иначе известный под именем Гаррад-Джоунс. Седьмого августа 1948 года он застрелил в Гайд-парке Петгору, врача посольства Югославии. Во время допроса он покончил с собой, проглотив пуговицу, в которой содержался цианистый калий. Он ничего не рассказал, кроме того, что был сотрудником СМЕРШа, чем он очень гордился.

Мы считаем, что жертвами СМЕРШа были следующие английские двойные агенты: Даповэн, Хартроп-Вейн, Элизабет Дюмон, Вентнор, Мейс, Саварин. (О деталях смотри Мартиролог, чтобы получить как можно больше информации об этой очень могущественной организации и ликвидировать ее агентов.)

Начальник отдела «С» Секретной службы (занимающегося Советским Союзом) настолько был увлечен своим планом ликвидации Ле Шиффра, а это был в основном им лично придуманный план, что он сам забрал полученный меморандум и отправился на верхний этаж мрачного здания, выходящего фасадом на парк Риджент. Он прошел через дверь, окрашенную в цвет зеленого бильярдного сукна, и заспешил по коридору в направлении последнего кабинета.

Он решительным шагом подошел к начальнику штаба, молодому военному инженеру, который быстро продвинулся по служебной лестнице с должности сотрудника секретариата в Комитете начальников штабов после ранения, полученного им во время одной из диверсионных операций в 1944 году, и который, несмотря ни на что, сохранил чувство юмора.

— Послушай, Билл. Я хочу кое-что предложить нашему шефу. Как считаешь, сейчас подходящий момент?

— А что ты думаешь на этот счет, Пенни? — С этими словами начальник штаба обратился к личной секретарше М., которая работала с ним в одной комнате.

Секретаршу, мисс Манипенни, можно было назвать хорошенькой, если бы не ее холодный насмешливый взгляд.

— Думаю, момент должен быть вполне подходящим. Сегодня утром шеф одержал небольшую победу над МИДом и в ближайшие полчаса у него никого не будет.

Девушка подбадривающе улыбнулась руководителю отдела «С», который ей нравился и сам по себе, и из-за важности возглавляемого им отдела.

— Ну что ж, вот здесь та самая особая информация для шефа, Билл.

Он протянул ему черную папку, помеченную красной звездочкой, что означало «Совершенно секретно».

— И, ради бога, когда будешь вручать это шефу, постарайся выглядеть полным энтузиазма. И скажи ему, что я подожду здесь и почитаю шифровальную книгу, пока он обо всем этом поразмышляет. Ему могут понадобиться, види-

мо, еще какие-нибудь дополнительные детали. В любом случае хочу убедиться, что вы оба не будете докучать ему чем-нибудь еще, пока он не закончит изучать мою папку.

— Хорошо, сэр.

Начальник штаба нажал кнопку и склонился над селектором.

— Да? — послышался спокойный, бесцветный голос.

— У начальника отдела «С» для вас есть важные документы, сэр.

— Занесите, — произнес голос.

— Спасибо, Билл, — поблагодарил начальник отдела «С». — Я буду в соседнем кабинете.

Начальник штаба пересек свой кабинет и проследовал через двойную дверь, ведущую в кабинет М. Через мгновение он вышел. Над входом в кабинет загорелась маленькая синяя лампочка, предупреждающая о том, что М. нельзя беспокоить.

Позже торжествующий начальник отдела «С» рассказывал своему заместителю:

— Мы чуть было все не испортили этим своим последним параграфом. Шеф сказал, что это диверсия и шантаж. Он очень серьезно к этому отнесся, но, во всяком случае, план одобрил. Говорит, что идея, конечно, сама по себе безум-

на. Но есть смысл попробовать, если минфин примет участие в этой игре. А он полагает, что примет. Он собирается объяснить им, что лучше рискнуть так, чем тратить деньги на сбежавших русских полковников, которые через пару месяцев, получив убежище здесь, оказываются двойными агентами. А он мечтает накрыть этого Ле Шиффра. В любом случае у него есть на примете подходящий человек, и он хочет попробовать его в этом деле.

— Кто же это? — поинтересовался заместитель.

— Один из обладателей двойных нулей. Думаю, что это 007. Он крепкий парень, хотя М. думает, что с охраной Ле Шиффра могут быть неприятности, и, должно быть, хорошо разбирается в картах, иначе зачем ему нужно было еще перед войной два месяца сидеть в казино Монте-Карло, наблюдая, как одна известная румынская шайка мухлевала с помощью невидимых чернил и темных очков? В конце концов 007 совместно со Вторым бюро разоблачил их и записал на свой счет миллион франков. В те времена это были хорошие деньги.

Разговор Джеймса Бонда с М. был кратким.

— Что вы думаете на этот счет, Бонд? — спросил М., когда тот вошел в его кабинет, что-

бы ознакомиться с меморандумом, подготовленным начальником отдела «С».

Бонд разглядывал в течение десяти минут деревья находящегося в отдалении парка, затем ответил, устремив взгляд через стол в проницательные глаза М.:

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр. Мне бы хотелось выполнить эту работу. Однако я не могу обещать, что наверняка выиграю. Риск в баккара велик, если играть не по мелочам. Мне может и не повезти, и в этом случае я лишусь денег. Игра будет довольно-таки крупной. Думаю, что ставки могут дойти до полумиллиона.

Бонд замолчал на минуту, встретившись с холодным взглядом. М. уже знал обо всем этом. Знал не хуже Бонда о риске при игре в баккара. Это было его работой — знать о любых рисках, знать людей, как своих, так и противника. Бонд пожалел, что заговорил об опасности, которая его подстерегала.

— Ему тоже может не повезти, — проговорил М. — У вас будет достаточно денег. До двадцати пяти миллионов франков, столько же, сколько и у него. Мы для начала выдадим вам десять и еще десять вышлем позже, когда вы осмотритесь на месте. Еще пять вы сможете зарабатывать сами. — М. улыбнулся. — Поезжайте туда за несколько дней до начала большой игры и

потренируйтесь как следует. Обговорите с «Кью» размещение в гостинице, проезд и снаряжение, которые вам могут понадобиться. Деньги получите у кассира. Я собираюсь попросить Второе бюро быть наготове. Это их территория, и в этом отношении нам очень повезет, если, конечно, они не кинутся в амбиции. Я попытаюсь убедить их направить туда Матиса. Кажется, вы с ним хорошо ладили в Монте-Карло, когда выполняли предыдущее задание в казино. Я собираюсь проинформировать обо всем этом Вашингтон, так как это касается также и НАТО. В ЦРУ есть один или два хороших парня в объединенной разведке в Фонтенбло.

Бонд покачал головой.

— Что-то еще? — поинтересовался М.

— Нет. Мне очень нравится, что Матис будет со мной, сэр.

— Хорошо, мы посмотрим. Постарайтесь выполнить задание. Мы будем выглядеть очень глупо, если вам это не удастся. И будьте осторожны. Работа выглядит чем-то вроде развлечения, но я не думаю, что это будет так. Ле Шиффр — серьезный противник. Ну хорошо, желаю удачи.

— Благодарю вас, сэр. — С этими словами Бонд направился к двери.

— Минуточку! — задержал его М. Бонд

обернулся. — Я думаю организовать вам прикрытие, Бонд. Две головы лучше, чем одна, а вам понадобится кто-нибудь для связи. Я подумаю об этом. С вами свяжутся в Руайале. Вам не следует беспокоиться. Я пришлю вам хорошего человека.

Бонд предпочел бы работать в одиночку, но с М. спорить не приходилось. Он покинул кабинет в надежде, что человек, которого ему пришлют, будет лоялен к нему, а также неглуп или, что могло быть еще хуже, не честолюбив.

L'ennem' esonte

Две недели спустя, проснувшись в своем номере в отеле «Сплэндид», Джеймс Бонд проанализировал некоторые моменты своего пребывания здесь.

Он прибыл в Рояль перед завтраком за два дня до начала игры. Никто не попытался выйти на связь с ним, и никто не высказал ни малейшего удивления, когда в книге регистрации гостиницы он расписался как «Джеймс Бонд, Порт Мэрайя, Ямайка».

М. не проявил никакого интереса к его «легенде».

— Когда начнете подбираться к Ле Шиффру во время игры, она у вас появится сама, — сказал он. — А для публики в казино подберите что-нибудь приемлемое сами.

Бонд хорошо знал Ямайку. Поэтому он попросил, чтобы связь с ним поддерживали оттуда. Так он мог сойти за богатого ямайского планта-

тора, отец которого нажил свое состояние на табаке и сахаре, а сынок предпочитает рисковать деньгами игрой на биржах и в казино. Если кто-нибудь стал бы наводить о нем справки, он отослал бы их к Чарльзу Да Сильва, как своему адвокату из фирмы «Гаффери» в Кингстоне. А Чарльз подтвердил бы все, что нужно.

Последние два дня и большую часть ночи Бонд провел в казино, пробуя сложные системы увеличения ставок на «чет-нечет» в рулетку. Если ему предлагали, то по-крупному играл и в «железку». Если проигрывал, пробовал еще раз и прекращал игру в случае второй неудачи.

Так он набрал около трех миллионов франков, а главное — закалил нервы, стал тоньше чувствовать карты и четко представлял себе расположение всех помещений казино. Помимо всего этого, ему удалось вплотную понаблюдать за Ле Шиффром и отметить про себя, что тот в игре был безукоризнен и удачлив.

Бонд обычно любил плотно и со вкусом позавтракать. Приняв холодный душ, он сел за письменный стол, стоящий у окна, и, любясь прекрасным утром, выпил полпинты апельсинового сока со льдом, съел яичницу из трех яиц с беконом и налил двойную порцию кофе без сахара. Он закурил свою первую сигарету из тех, которые специально для него делали по заказу

из смеси балканских и турецких табаков в магазине «Морлендс» на Гросвенор-стрит, и стал наблюдать за тем, как набежавшие волны лениво лизали уходящий вдаль берег. В июньском мареве медленно удалялась в море рыбацкая флотилия из Дьеппа, сопровождаемая белоснежными чайками.

Он пребывал в глубокой задумчивости, когда раздался телефонный звонок. Консьерж снизу сообщил, что его дожидается представитель «Радио Стентор» с радиоприемником, который Бонд заказал из Парижа.

— Да, конечно, — сказал Бонд. — Пусть поднимется.

Этим прикрытием пользовалось Второе бюро для своего связника с Бондом. Бонд устоял на дверь, надеясь, что появится Матис.

Когда в номер с видом респектабельного бизнесмена и с квадратным свертком, который он нес за кожаную ручку, действительно вошел Матис, Бонд широко улыбнулся и готов был его тепло поприветствовать. Но тот нахмурился и, тщательно закрывая дверь, сделал предупредительный жест рукой.

— Я только что из Парижа, месье. Вот ваш приемник, который вы заказывали. Надеюсь, что он вам понравится. Пять ламп. В Англии вы это называете волновый супер. С ним из Руайа-

ля вы сможете принимать почти все европейские столицы, так как горы отстоят отсюда на сорок миль в любом направлении.

— Звучит неплохо, — заметил Бонд, поднимая брови, стараясь угадать причину такой таинственности.

Матис, не обращая внимания на слова Бонда, развернул сверток и поставил приемник на пол рядом с неосвещенной панелью электрического камина.

— Сейчас начало двенадцатого, — произнес он, — и я думаю, что на средних волнах из Рима идет передача концерта вокальной группы. Эта группа совершает сейчас турне по Европе. Давайте посмотрим, как он работает на прием. Его нужно хорошенько проверить.

Матис подмигнул. Бонд заметил, что загорелась красная лампочка индикатора средних волн. Матис включил звук на полную мощность, однако из приемника не раздавалось ни звука.

Матис покопался у задней стенки приемника. Внезапно комната наполнилась скрежетом и треском. Несколько секунд Матис с довольным видом смотрел на приемник, затем выключил его и произнес голосом, полным сожаления:

— Дорогой месье. Пожалуйста, извините. Плохая настройка. — И снова склонился над шкалой. После нескольких попыток Матиса на-

строить приемник в комнату полилась чистая, гармоничная французская мелодия, а Матис подошел к Бонду и изо всех сил хлопнул его по спине и сжал руку так, что у Бонда даже заболели пальцы.

Бонд улыбнулся Матису и спросил:

— Ну и что здесь, черт возьми, происходит?

— Мой дорогой друг! — У Матиса был вид довольного собой человека. — Дело в том, что вас вычислили от и до. Там наверху, — он указал на потолок, — в данный момент или месье Мюнц, или его так называемая жена, которая будто бы лежит с гриппом в постели, оглохли и, я полагаю, заметно психуют. — Матис, не скрывая своего удовольствия, широко улыбнулся, видя недоумение в глазах Бонда.

Он сел на кровать и ногтем распечатал пачку «Капорала». Бонд ждал.

Матис был доволен произведенным им впечатлением.

— Как это случилось, я не знаю, — сказал он с серьезным видом. — Они, должно быть, стали следить за тобой еще за несколько дней до твоего приезда. Надо сказать, что противник подготовился основательно. Над тобой живет чета Мюнц. Он немец, а она откуда-то из Центральной Европы. Вероятнее всего, чешка. Ты живешь в весьма старинной гостинице. За этими

электрическими каминами расположены дымоходы, которыми сейчас не пользуются. Прямо здесь, — он указал на место, расположенное на несколько дюймов выше камина, — находится очень чувствительный микрофон. Провода по дымоходу протянуты до камина в номере Мюнца, и там находится усилитель. У них в комнате есть магнитофон и пара наушников. Мюнцы по очереди прослушивают твою комнату. По этой причине у мадам Мюнц грипп, и она принимает пищу в постели, и поэтому месье Мюнц должен постоянно находиться при ней, вместо того чтобы наслаждаться солнцем и картами на этом очаровательном курорте.

Кое-что мы знали об этом, потому что здесь, во Франции, мы все очень умные. В остальном же мы убедились, когда развинтили камин в твоём номере за несколько часов до твоего приезда сюда.

Бонд подошел к камину и с подозрительным видом осмотрел четыре винта, которыми передняя панель была прикреплена к стене. На шляпках винтов были заметны небольшие царапинки.

— А теперь пора еще немного поразвлечься, — весело проговорил Матис. Он подошел к приемнику, который все еще воспроизводил нежную музыку для нежелательных слушателей.

— Вы удовлетворены, месье? — спросил он. — Вы обратили внимание, как он чисто воспроизводит звук? Не правда ли, выступал первоклассный ансамбль? — Он сделал круговое движение правой рукой, выключая звук, и поднял брови.

— Они так прекрасно поют, — подхватил Бонд, — что мне хотелось бы дослушать эту программку до конца. — Он ухмыльнулся, представив, какими злыми взглядами обменивались при этом оба Мюнца, сидя там, над его головой. — Сам приемник выглядит превосходно. Как раз то, что я искал, чтобы привезти с собой на Ямайку, — громко заявил Бонд.

Матис сделал ехидную гримасу и снова включил приемник.

— Ты и твоя Ямайка, — произнес он и вновь уселся на кровать.

Бонд нахмурился.

— Ну что же, нет смысла размахивать кулаками, — проговорил он. — Мы и не ожидали, что моя легенда удержится долго. Беспокоит лишь то, что они раскрыли ее так быстро. — Бонд задумался, однако его размышления о причинах провала результата не дали. Могли ли русские расшифровать один из их кодов? Если да, то ему просто нужно упаковать чемодан и отправляться домой. Он и вся операция раскрыты.

Казалось, Матис читал его мысли.

— Нет, коды здесь ни при чем, — сказал он. — Во всяком случае, мы сразу же оповестили Лондон, и они должны поменять шифры. Могу тебе сказать, мы подняли большую шумиху. — Он усмехнулся. — Ну а теперь к делу, пока наши друзья-певцы не выдохлись.

Во-первых, — он глубоко затянулся сигаретой, — ты будешь доволен своим помощником. Она очень красивая, на самом деле очень красивая.

Бонд снова нахмурился.

Удовлетворенный реакцией Бонда, Матис продолжал:

— У нее черные волосы, голубые глаза и превосходные... ну, как это выразиться... формы. Спереди и сзади, — добавил он. — И, кроме того, она специалист по радиосвязи, что, хотя с сексуальной точки зрения и менее интересно, делает ее незаменимой сотрудницей «Радио Стентор» и моей помощницей в моем бизнесе по продаже радиотехники здесь, на этом богатом курорте. — Он ухмыльнулся. — Мы оба живем в этой гостинице, и, таким образом, моя помощница будет всегда у вас под рукой, в случае если ваш приемник вдруг потребует ремонта. Все новые аппараты, даже французского производства, имеют неприятную особенность барахлить

первые пару дней. И особенно по ночам, — добавил он, многозначительно подмигнув.

Бонда это отнюдь не развеселило.

— Какого черта они думали там, направляя мне женщину для таких дел? — с раздражением проговорил он. — Они думают, что здесь пикник?

Матис прервал его:

— Успокойся, мой дорогой Джеймс. Она человек серьезный, под стать тебе, и холодна, как ледышка. Она говорит по-французски, как настоящая француженка, и досконально знает свое дело. У нее надежнейшая легенда, и я устроил так, что ее знакомство с тобой пройдет абсолютно естественно. Разве есть что-нибудь противоестественного в том, что ты подцепишь смазливую девушку? Ты же миллионер с Ямайки. — Он уважительно кашлянул. — У тебя горячая кровь и все такое. А без нее ты будешь выглядеть здесь все равно как голый.

Бонд нерешительно хмыкнул.

— Еще сюрпризы есть? — с подозрением спросил он.

— Ничего особенного, — ответил Матис. — Ле Шиффр остановился на вилле милях в десяти отсюда, если ехать берегом. С ним два охранника. Ребята выглядят довольно внушительно. Видели, как один из них посетил небольшой

пансионат в городе. В нем два дня назад поселились три таинственных и довольно отвратительных типа. Должно быть, это часть их команды. С документами у них все в порядке. По всей видимости, они чехи без гражданства. Но один из наших людей проинформировал, что у себя в номере они говорили на болгарском. Здесь их можно редко увидеть. Их используют в основном против турок и югославов. Они глупы, но, судя по всему, исполнительны. Русские дают им самые заурядные, из мокрых, дела и легко жертвуют ими в более серьезных случаях.

— Премного благодарен за информацию. А что мне дальше делать?

— Больше ничего. Приходи в бар «Эрмитажа» до ленча. Пригласим красотку на ужин сегодня вечером. Я организую ваше знакомство. Так ее появление в казино будет выглядеть вполне естественно. Я же буду держаться в тени. У меня есть парочка хороших парней, и мы приглядим за тобой. Да, здесь в гостинице остановился один американец по фамилии Лейтер, Феликс Лейтер. Он — сотрудник ЦРУ, прикомандированный к Фонтенбло. Лондон попросил меня сообщить тебе об этом. Этот парень выглядит вполне нормально. Может пригодиться.

Из приемника, стоявшего на полу, полился поток итальянской речи. Матис выключил ап-

парат, бросил несколько фраз о приемнике и оплате за него. Затем, нарочно громко попрощавшись и еще раз подмигнув, Матис ушел.

Бонд присел у окна, чтобы собраться с мыслями. Ничего обнадеживающего в том, что он услышал от Матиса, не было. Получалось, что он полностью раскрыт и им занимались настоящие профессионалы. Может быть, его постараются убрать еще до того, как он сможет сесть с Ле Шиффром за игровой стол. По части убийств русские лишены глупых предрассудков. Да еще эта морока с этой девицей. Бонд вздохнул. Женщины существуют для отдыха, а на работе они только мешают, добавляя ко всему секс, оскорбительные чувства и всю эту эмоциональную начинку, которая в них заложена природой. За ними нужно следить и их надо оберегать.

— Сукины дети, — выругался Бонд. И, вспомнив о Мюнцах, повторил это слово еще громче и вышел из номера.

Девушка из центра

Когда Бонд вышел из отеля «Спленид», часы на башне мэрии лениво отбивали полдень. Воздух был пропитан густым ароматом хвои и мимозы. Свежеумытый парк напротив казино с его аккуратными цветниками и покрытыми грави-ем дорожками всем своим ухоженным видом напоминал декорацию какого-нибудь балетного спектакля.

Светило солнце, воздух был напоен веселостью и оживленностью, и казалось, что все обещало прекрасное будущее этому маленькому приморскому городку, который после многих превратностей судьбы превратился в преуспевающий модный курорт.

Судьба Руайаля, расположенного в устье Соммы, в том самом месте, где равнинная полоса пляжей южной части Пикардии резко переходит в утесы Бретани, тянущиеся до самого

Гавра, была почти такой же, как и судьба Тувиля.

Как и Тувиль, Рояль когда-то был небольшой рыбацкой деревушкой и во времена Второй Империи неожиданно и стремительно превратился в известный и престижный курорт. Но так же, как и Трувиль, он не выдержал конкуренции Довиля, и после долгого периода упадка Рояль уступил свою былую славу Ле-Туке.

В начале века, когда дела этого маленького приморского городка шли особенно плохо и когда в моду вошло сочетание приятного с полезным, то есть с лечением минеральными водами, в холмистой местности неподалеку от Руайаля был открыт минеральный источник, в котором содержалось достаточное количество растворенной серы, что делало его пригодным для эффективного лечения болезней печени. А поскольку все французы страдают от каких-либо заболеваний печени, то городишко Рояль быстро превратился в «Рояль-на-водах». В рекламах имеющихся в наличии сортов минеральной воды в гостиницах и вагонах-ресторанах появилось название «О Рояль». Минеральную воду «О Рояль» подавали в бутылках, напоминающих по форме торпеды.

Но «О Рояль» не могла долго конкурировать с мощными компаниями «Виши», «Перье» и

«Витель». Возникла серия судебных процессов, многие разорились на этом, и вскоре руайальская минеральная вода стала опять продаваться только на местном рынке. Благополучие Руайаля опять начало зависеть от выручки от потребления этой воды английскими и французскими семьями в летний сезон, от снабжения рыболовных судов в зимний период, а также от тех крох, которые доставались обветшалому местному казино от столов казино в Ле-Туке.

Но что-то притягательное было в оригинальном барокко, присущем казино «Рояль», чем-то напоминавшем изящество и роскошь времен королевы Виктории. В 1950 году Рояль привлек к себе внимание одного парижского синдиката, в распоряжении которого оказались крупные суммы денег, принадлежавшие некогда группе покинувших родину вишистов. Город начал преобразаться.

В послевоенные годы так возродился Брайтон, и то же произошло с Ниццей. Возможно, источником доходов становилась сама ностальгия по тем временам, когда законодателем моды считалась роскошь и позолота.

Казино заново отреставрировали, перекрасив его в изначальный белый цвет с позолотой, комнаты и залы с бледно-серыми стенами украсили бордовыми коврами и занавесями, начис-

тили огромные люстры, привели в порядок сады. Вновь заработали фонтаны, две большие гостиницы — «Спленидид» и «Эрмитаж» — были подновлены, приведены в порядок и стали принимать постояльцев.

Да и весь маленький городишко со своим старым портом постарался изобразить на не очень веселых лицах своих строений приветливую улыбку. На центральной улице Руайаля появились витрины парижских ювелиров и модных лавок, обосновавшихся здесь, несмотря на не очень продолжительный сезон, в результате щедрых обещаний больших возможностей в перспективе и предоставления бесплатных помещений.

Тогда-то и был приглашен в казино синдикат Магомета Али для организации крупной картежной игры, а руайальское «Общество морских ванн» обрело наконец уверенность в том, что Ле-Туке придется поделиться хотя бы частью своих огромных доходов, которыми в течение многих лет этот конкурент Руайаля пользовался безвозмездно.

Бонд стоял и смотрел на сверкающий, залитый солнечным светом городок. Он думал о том, что его миссия не укладывается в привычные здесь рамки, а его мрачная роль, которую ему придется играть, как профессионалу, может

оказаться оскорбительной для всех остальных невольных участников этого спектакля.

Бонд постарался отогнать от себя эти тревожные мысли, вдруг охватившие его. Он завернул за угол гостиницы и направился к гаражу. До условленной встречи в «Эрмитаже» он решил прокатиться на своей машине по побережью, чтобы взглянуть на виллу Ле Шиффра и затем на обратном пути доехать до автострады, ведущей в Париж.

Единственное, что более всего интересовало Бонда помимо его основной работы, был его автомобиль. Машины стали его хобби. Один из своих последних «Бентли» с четырех с половиной литровым двигателем и компрессором фирмы «Амхерст Вилльерс» Бонд купил почти новым еще в 1933-м и всю войну хранил в надежном месте. С тех пор автомобиль ежегодно осматривал бывший механик с завода «Бентли». У этого механика был гараж неподалеку от квартиры Бонда в Челси. К машине Бонда он относился с ревностным вниманием. Бонд считался отличным водителем, но обычно он ездил, не жалея машины, испытывая при этом почти физическое наслаждение. Его «Бентли» стального цвета был с откидным верхом и мог разгоняться до 90 миль в час. При этом еще оставался запас мощности миль примерно на тридцать.

Бонд вывел автомобиль из гаража, проехал по эстакаде, и уже вскоре звук его двухдюймовой выхлопной трубы, похожий на барабанную дробь, громким эхом отозвался в конце бульвара, затем машина выскочила на оживленную главную улицу городка, свернула к песчаным дюнам и направилась к югу. Через час Бонд вошел в бар гостиницы «Эрмитаж» и сел за столик у одного из широких окон.

Бар представлял собой уютный зал, убранный картинами и другими украшениями, подобранными и рассчитанными на мужской вкус. Такое сочетание курительных трубок из верескового дерева с изображением преимущественно жесткошерстных терьеров и полированной мебели из красного дерева, отделанной кожей с медными заклепками, являлось во Франции символом роскоши. Шторы и ковры были голубого цвета. Обслуживали официанты в полосатых жилетах и зеленых суконных фартуках.

Бонд заказал себе коктейль и стал разглядывать посетителей, разодетых без всякого чувства меры. Бонд решил, что большинство из них, должно быть, были парижане. Посетители сидели за столиками, оживленно вели беседы о чем-то, создавая тем самым несколько театральную атмосферу, типичную для всех баров в час аперитива.

Мужчины без конца заказывали шампанское в небольших бутылках, женщины пили сухой martini.

— Я обожаю сухое вино, — пролепетала по-французски симпатичная девушка за соседним столиком, обращаясь к своему спутнику, не по сезону одетому в элегантный твидовый костюм. Он смотрел на нее своими карими с поволокой глазами поверх дорогой складной трости от «Гермеса». — Само собой разумеется, с «Гордоном».

— Согласен, Дейзи. Но, ты знаешь, сюда хорошо идет лимон.

Внимание Бонда привлекла появившаяся на тротуаре за окном высокая фигура Матиса. Он оживленно говорил о чем-то с темноволосой девушкой в сером костюме, держа ее под руку немного выше локтя. Тем не менее их нельзя было принять за пару влюбленных: печать ироничной холодности в профиле девушки наводила на мысль, что это были просто двое знакомых.

Бонд подождал, когда они вошли в бар, но, соблюдая правила игры, продолжал не отрываясь смотреть в окно на прохожих.

— А вот, кажется, и месье Бонд! — услышал Бонд у себя за спиной голос Матиса, полный радостного удивления.

Бонд поднялся из-за стола, тоже изображая неподдельное удивление.

— Неужто вы один? Или вы ждете кого-то? Позвольте представить вам мою коллегу мадемуазель Линд. Дорогая, этот как раз тот самый господин Бонд с Ямайки, с которым сегодня утром я имел удовольствие общаться по делам нашей коммерции.

Бонд радушно, но не без некоторой сдержанности поклонился.

— Мне было бы очень приятно, — сказал он, обращаясь к девушке, — если бы вы делили со мной компанию, я здесь один.

Он пододвинул девушке стул и, пока та усаживалась, подозвал официанта. Несмотря на возражения Матиса, он заказал для него виски с водой и бакарди для мадемуазель Линд.

Матис и Бонд довольно громко стали обмениваться фразами о хорошей погоде в городе, перспективах возрождения былой славы Руайаля. Девушка сидела молча, наблюдая за ними. Она взяла сигарету, предложенную ей Бондом, внимательно осмотрела ее, затем с удовольствием затянулась, наслаждаясь хорошим табаком. Движения ее были плавными, не суетливыми, без всякого намека на какое-либо чувство неловкости.

Бонд все время ощущал присутствие девушки. Пока они разговаривали с Матисом, он то и

дело поворачивался к ней, вежливо вовлекая ее в беседу. И каждый раз он убеждался, что она произвела на него весьма сильное впечатление.

У нее были темные, подстриженные чуть ниже изящного подбородка и едва достигающие до плеч, очень мягкие и густые волосы. Они как бы вторили движениям головы, рассыпались по лицу, но она не обращала на это внимания и не отбрасывала их без конца назад.

Ее ярко-синие, широко поставленные глаза глядели с вызывающей холодной иронией, когда она смотрела на Бонда. К своему неудовольствию, Бонд обнаружил, что ему очень хочется нарушить это вызывающее равнодушие девушки. На ее слегка загорелом лице не было никаких следов косметики, только неяркая помада на губах. Несуетливые движения красивых оголенных рук, коротко подстриженные ногти, лишенные маникюра, — все говорило о внутренней сдержанности их обладательницы. Единственными украшениями на девушке были простая золотая цепочка из плоских звеньев вокруг шеи и широкое кольцо с топазом на безымянном пальце ее правой руки. Линд надела средней длины серое платье из натурального шелка с квадратным вырезом впереди, плотно облегающее и подчеркивающее ее восхитительную

грудь. Низ платья был в складку. Широкому черному ручной работы поясу на узкой талии девушки соответствовала такого же цвета квадратная сумочка, лежащая на стуле рядом с ней, на которую Линд положила шляпку с широкими прямыми полями из золотистой соломки с черной бархатной лентой, завязанной сзади на бант. На ногах у нее были тупоносые туфли из черной кожи.

Бонд был восхищен красотой девушки и заинтригован ее манерой держаться. Перспектива поработать с ней ему показалась весьма привлекательной и приятной. Но одновременно он ощущал внутри какое-то смутное беспокойство. Поддавшись ему, он даже нетерпеливо постучал костяшками пальцев по столу.

Матис заметил озабоченный вид Бонда. Через некоторое время он поднялся из-за стола.

— Прошу извинить меня, — сказал он, обращаясь к девушке, — я должен позвонить в Дуберне, мне нужно договориться о встречах на сегодняшний вечер. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я на сегодня покину тебя?

В ответ она молча кивнула головой.

Бонд понял намек, и, когда Матис направился к телефонной кабине возле стойки бара, он спросил:

— Если вам предстоит провести вечер в одиночестве, то, может быть, вы согласитесь пообедать со мной?

Она улыбнулась, впервые дав понять, что все прекрасно понимает.

— С удовольствием, — согласилась она. — А заодно вы покажете мне и казино. Месье Матис говорил, что вы знаете здесь все как свои пять пальцев. Возможно, я к тому же принесу вам удачу!

Как только ушел Матис, в ее отношении к Бонду вдруг проявилась некоторая теплота. Казалось, она вполне осознала, что работать им предстоит вместе, и, когда они принялись обсуждать время и место встречи, Бонд понял, с ней будет совсем несложно договориться о всех деталях его плана действий.

Ее все это чрезвычайно интересовало, и она с удовольствием была готова выполнить отведенную ей роль. До встречи с ней Бонд опасался, что может возникнуть множество всяких непредвиденных препятствий к установлению должного взаимопонимания со своей партнершей, но теперь он мог сразу же приступить к делу, так как будет общаться с профессионалом. Но в то же время он был совершенно искренен, сознавая, что интерес его к этой женщине выходил за

профессиональные рамки: он с удовольствием бы пообщался с ней ближе, но, конечно, только после того, как задание будет выполнено.

Когда Матис вернулся, Бонд попросил у официанта счет, объяснив, что его ждут в гостинице, где он договорился пообедать с друзьями. Прощаясь с девушкой, он на секунду задержал ее ладонь в своей руке, почувствовав в ее ответном рукопожатии теплоту взаимной симпатии и понимания, о чем он и не помышлял каких-нибудь полчаса назад.

Когда Бонд выходил, девушка проводила его долгим взглядом.

Матис подвинул свой стул к ней поближе и тихо прошептал:

— Это мой очень хороший друг. Я очень рад, что вы познакомились. И я доволен также, что лед на обеих реках уже начал таять. — Он улыбнулся. — Я не думаю, чтобы Бонд вообще когда-либо оттаивал до конца. Это было бы для него чем-то совершенно новым. Да и для тебя тоже.

Она ответила уклончиво:

— Он очень симпатичный, напоминает мне чем-то актера Хоги Кармайкла, но в нем чувствуется какая-то суровость и холодность...

Она не успела договорить. В нескольких фу-

тах от них раздался страшный грохот, соседнее окно со звоном разлетелось вдребезги. Раздавшийся рядом сильный взрыв опрокинул их на пол. На мгновение воцарилась тишина. На улице что-то обрушилось на тротуар. С полки позади стойки бара попадали бутылки. С громкими криками люди бросились из бара на улицу.

— Оставайся здесь, — приказал Матис. Он отшвырнул ногой стул и выпрыгнул через разбитое окно на улицу.

Двое в соломенных шляпах

Как только Бонд вышел из бара, он сразу же направился по бульвару, затененному растущими по обе стороны тротуара платанами, к своей гостинице. До отеля было всего несколько ярдов.

Бонд испытывал чувство голода.

День был великолепный, хотя к этому часу солнце жгло нестерпимо. Поэтому особенно приятно было находиться в тени платанов, дававших прохладную тень.

На бульваре было немногочисленно. Поэтому двое мужчин, стоявших под деревом на противоположной стороне, не могли не обратить на себя внимания.

Бонд заметил их, когда до них оставалось еще около ста ярдов. И приблизительно на таком же расстоянии от них находился вход в гостиницу «Сплэндид».

Внешность этих мужчин показалась Бонду весьма необычной, даже странной. Оба они бы-

ли небольшого роста и одеты в одинаковые темные, не по погоде плотные костюмы. Они были похожи на артистов мюзик-холла, ждущих автобуса, который должен отвезти их в театр на представление. Оба они были в соломенных шляпах с широкой черной лентой — возможно, чтобы соответствовать вальяжной атмосфере города-курорта. Поля их шляп и тень деревьев, под которыми они стояли, скрывали их лица. У обоих на плечах висели фотоаппараты в футлярах: у одного — ярко-красный, у другого — голубой. Эти фотоаппараты резко выделялись на темном фоне плотных темных костюмов и совершенно не вязались с обликом мужчин.

Бонд отметил про себя все эти детали, приблизившись к этим типам на расстояние пятидесяти ярдов. Он шел и лихорадочно прикидывал в уме радиус действия различных видов оружия, а также — куда можно было бы укрыться на крайний случай. И именно в этот момент случилось то, чего он меньше всего ожидал.

Человек с красным фотоаппаратом едва заметно кивнул тому, у кого был голубой фотоаппарат. Тот в свою очередь наклонился и что-то стал делать со своим фотоаппаратом. Бонду не удалось увидеть, что именно он делал там, так как помешало дерево. И в тот же миг появилась ослепительная вспышка и раздался оглушитель-

ный взрыв. Несмотря на то что Бонда отделяло от этих типов могучее дерево, мощная взрывная волна отбросила его на тротуар, и он ощутил на своем лице и теле обжигающий поток воздуха.

Бонд лежал, уставившись в небо, а воздух (по крайней мере, так ему казалось) продолжал гудеть от взрыва, как будто кто-то неистово бил кувалдой по басовым струнам рояля.

Когда, оглушенный, в полубессознательном состоянии, он, пытаясь подняться, встал на одно колено, на него посыпался град каких-то ошметок, куски окровавленной одежды вперемешку со сломанными ветками и камнями. И на все это дождем осыпались листья с деревьев. Со всех сторон слышался звон падающих осколков выбитых стекол. Высоко в небе поднимался грибовидный столб черного дыма. В воздухе стояла отвратительная вонь, какая бывает после взрыва фугасной бомбы, перемешанная с запахом обгоревшего дерева и еще чего-то, да с запахом горелого мяса. Деревья на расстоянии пятидесяти футов вдоль бульвара стояли обгоревшие и совершенно без листьев. Два дерева были вырваны с корнем и лежали, перегораживая дорогу. Между ними все еще дымилась воронка. Два типа в соломенных шляпах исчезли. Лишь на тротуаре, на мостовой и высоко на деревьях остались какие-то красные ошметки.

Бонд почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Первым к Бонду подоспел Матис. Бонд уже стоял на ногах, обхватив руками дерево, которое спасло ему жизнь.

Оглушенный, но невредимый, Бонд позволил Матису отвести себя в гостиницу «Сплендид», откуда с воплями выскакивали постояльцы и обслуживающий персонал. Вдалеке слышался звук сирены приближающихся машин «Скорой помощи» и пожарных. Бонд и Матис протиснулись через толпу, поднялись по лестнице и прошли по коридору к номеру Бонда.

Матис тотчас же включил радиоприемник, стоявший перед камином, а затем, пока Бонд стаскивал с себя забрызганную кровью одежду, стал задавать ему вопросы.

Когда Бонд закончил описывать, как выглядели те двое типов, Матис бросился к телефону, стоящему на столике у кровати Бонда, и начал кому-то названивать.

— ...и передайте полиции, — сказал он под конец разговора, — что я сам займусь этим англичанином с Ямайки, которого отбросило взрывной волной. Он сильно пострадал, и им не надо его беспокоить. Я все им объясню через полчаса. Репортерам нужно сказать, что скорее всего

два болгарских коммуниста сводили между собой счеты и что один из них убил другого с помощью бомбы. О третьем, который, должно быть, находился где-то поблизости, им говорить ничего не надо, но поймать его необходимо во что бы то ни стало. Он, конечно, направился в Париж. Надо заблокировать все дороги. Вы меня поняли? — И Матис добавил по-французски: — Ну, желаю удачи.

Он повернулся к Бонду.

— Черт побери, вам здорово повезло. Совершенно ясно, что эта бомба предназначалась вам. Что-то у них не сработало. Они собирались бросить ее в вашу сторону, а сами спрятаться за деревьями. Но все получилось не так, как они планировали. Ну ничего. Мы во всем разберемся. — Помолчав, он продолжал: — Уж очень это необычное дело. Но, кажется, эти люди взялись за вас всерьез. — Лицо Матиса выражало недоумение. — Но как эти болгары могли уйти от полиции незамеченными? И почему фотоаппараты у них были в красном и голубом футлярах? Надо обязательно поискать, не осталось ли что-нибудь от красного футляра.

Матис явно нервничал, глаза его блестели, от волнения он даже кусал ногти. Дело принимало для него неприятный и драматический

оборот. Теперь он уже был лично вовлечен в планируемую операцию: больше его роль уже не сводилась лишь к тому, чтобы негласно опекать Бонда, пока тот будет играть один на один с Ле Шиффром в казино.

— А теперь вам надо что-нибудь выпить, перекусить и отдохнуть, — настоятельно посоветовал он Бонду. — А я должен сам разобраться во всем на месте, прежде чем полиция успеет затоптать своими сапожищами все следы.

Матис выключил радио и помахал на прощание рукой. Дверь за ним захлопнулась, и в комнате воцарилась тишина. Некоторое время Бонд неподвижно сидел у окна, радуясь тому, что он все же остался жив.

Позже, когда Бонд в своем номере допивал первую порцию виски со льдом и разглядывал только что принесенные официантом салаты и холодного лангуста, в номере зазвонил телефон.

— Это говорит мадемуазель Линд. — Голос ее звучал тихо и взволнованно. — С вами все в порядке?

— Да, вполне.

— Я очень рада. Пожалуйста, поберегите себя. — И она повесила трубку.

Некоторое время Бонд стоял, не двигаясь,

как бы в оцепенении, потом он взял нож и выбрал самый толстый кусок поджаренного хлеба.

Неожиданно в голову ему пришла мысль: «У них уже двое мертвых, а в моем лагере на одного бойца стало больше. Это явное преимущество».

Он опустил нож в стакан с горячей водой, стоявший рядом с горшочком из страсбургского фарфора, и отметил про себя, что надо бы не забыть удвоить чаевые официанту за этот великолепный обед.

Красное и черное

Бонд был полон решимости как следует отдохнуть и быть в хорошей форме, чтобы подготовиться к предстоящей игре, которая может затянуться и на всю ночь. К трем часам он вызвал массажиста. После того как он позавтракал и посуду убрали, он устроился у окна, любуясь морем, пока в дверь не постучали. Это пришел массажист, швед по национальности.

Он молча принялся за работу, разминая тело Бонда от шеи до пят. Бонд чувствовал, как постепенно расслабляются мышцы и мускулы и успокаиваются нервы. Затихать стала даже ноющая боль в левом плече и левом боку, которые были покрыты ссадинами и синяками. И как только швед ушел, сделав свое дело, Бонд мгновенно погрузился в глубокий сон без сновидений.

Вечером он проснулся совершенно отдохнувшим, принял холодный душ и отправился в

казино. Со вчерашнего вечера острота восприятия игры в нем несколько притупилась. Необходимо было восстановить этот пробел: в карточной игре одинаково важны и математический расчет, и интуиция. А если игрок намерен только выигрывать, то к этому надо добавить и полное душевное спокойствие, при котором даже пульс бьется в замедленном темпе, ну и, конечно, сангвинический темперамент.

Бонд всегда был азартным игроком. Ему нравился сухой шелест карт и извечное, не передаваемое словами внешнее спокойствие сидящих вокруг стола с зеленым сукном людей. Ему нравился солидный, хорошо продуманный комфорт казино и карточных салонов, мягкие подлокотники кресел, бокалы с шампанским или виски, стоящие рядом с каждым игроком, внимательные и хорошо вышколенные слуги. Его забавляли непредсказуемость рулетки и вечная предвзятость. Ему нравилось быть одновременно и участником, и зрителем этого спектакля и, сидя в своем кресле, принимать также участие в драмах других людей, влиять на их решения, пока не наступит его очередь при совершенно равных шансах проиграть или выиграть, произнести эти сакраментальные слова «да» или «нет».

Более всего ему нравилось то, что здесь только ты сам мог винить себя в своем проигры-

ше, а в случае выигрыша мог хвалить только самого себя. За все ты отвечал сам. Удача могла лишь помочь — ее нужно было либо принимать как случайное везение, либо использовать до конца. Но важно уловить этот момент, когда приходила эта удача, нужно вовремя распознать ее, а не принимать ее за якобы оправдавшийся расчет, так как в карточной игре смертельный грех принять за невезение собственные ошибки. А что касается удачи, то, как бы она себя ни проявила, надо любить ее, а не бояться. Бонд смотрел на удачу, как на женщину, которую следует либо осторожно завоевывать, либо овладевать ею решительно, но никогда не идти у нее на поводу и никогда за ней не гнаться. Сам себе Бонд честно признавался, что он еще никогда не страдал ни из-за женщин, ни из-за карт. Но когда-нибудь, и он уже смирился с этим, любовь к женщине или карты поставят его на колени. Он знал также, что, когда это произойдет, спрятать этого не удастся, как не удавалось это и другим: он не раз наблюдал, как некоторые игроки клятвенно обещали заплатить все еще до того, как они проигрывали, и тем самым обрекали себя на проигрыш.

В этот же июньский вечер Бонд прошел через «кухню» в приватный игровой зал, обменял один миллион франков на фишки и сел за пер-

вую рулетку рядом с крупье с чувством уверенности и приятного ожидания.

Бонд попросил у крупье карточку и внимательно изучил, как протекала игра с самого начала, когда не было еще и трех часов дня. Он вчера с этого начинал, хотя и знал, что каждый поворот колеса рулетки, каждое попадание шара в ту или иную ячейку никак не связано с тем, что было в других партиях. Он понимал, что игра начиналась заново каждый раз, когда крупье брал в правую руку шар из слоновой кости, правой же рукой умело поворачивал одну из четырех рукояток колеса рулетки по часовой стрелке, а потом той же рукой легким щелчком отправлял шар по внешнему краю колеса, но уже против часовой стрелки.

Было совершенно очевидно, что весь этот отлаженный ритуал запуска рулетки, сам механизм колеса, пронумерованные ячейки и цилиндр за многие годы были настолько доведены до совершенства, что ни уловки крупье, никакие отклонения в положении колеса не могли повлиять на движение шара. И тем не менее среди игроков в рулетку существовал обычай, и Бонд строго придерживался его, согласно которому каждый игрок обычно предварительно тщательно изучал, как проходит игра до его появления в зале, с тем чтобы учесть малейшие

особенности вращения рулетки. Например, нельзя было не взять на заметку, если одно и то же число выпадало более двух раз или более четырех раз появлялось сочетание, например, только четных чисел.

Нельзя сказать, что Бонд считал такую практику необходимой, но он был убежден в том, что тем с большей изобретательностью ведется игра, чем больше становится шансов на выигрыш.

За столом, за который сел Бонд, за три часа игры ничего особо интересного для него не произошло, если не считать, что за это время ни разу не выпадал ни один из номеров последней дюжины. Бонд делал ставки на номера, которые обычно объявлялись чаще всего, и только тогда, когда шар замирал на отметке «ноль», он менял свою тактику. Поэтому он решил сыграть в своей излюбленной манере — перекрыть две дюжины номеров самыми высокими ставками. Сегодня это были два первых, и на них он поставил по сто тысяч франков. Таким образом, он перекрыл две трети всех номеров (за исключением «ноля»), и, поскольку такие ставки оплачивались по принципу «два к одному», он выигрывал по сто тысяч всякий раз, когда выпадал любой номер из первых двадцати пяти.

Из семи первых ставок он взял шесть. На

седьмой выпало тридцать, и Бонд проиграл. Чистый выигрыш составил четыреста тысяч франков. Он воздержался от восьмой ставки, когда шар попал на «ноль». От такой удачи Бонд решил играть дальше, и, когда шар попал на отметку «тридцать», он воспринял это как знак, что нужно ставить на последнюю дюжину. Бонд продолжил игру, делая ставки на первую и последнюю дюжины, пока дважды не проиграл. После десяти ставок шар дважды попал на вторую дюжину, что обошлось ему в четыреста тысяч франков, но от стола он отошел, имея в кармане миллион.

Как только Бонд начал играть по максимальным ставкам, он стал центром всеобщего интереса. И так как казалось, что ему везло, то, образно говоря, вокруг акулы стала виться целая стая рыбешек-лоцманов. Один из игроков, сидевших прямо напротив Бонда, американец, вел себя более чем дружелюбно и как-то подчеркнуто радовался деньгам, которые перепали ему от выигрыша Бонда. Пару раз он через стол улыбнулся Бонду, словно вкладывая какой-то смысл в свои заходы, повторяя ставки Бонда своими двумя скромными жетонами достоинством по десять тысяч франков. Когда Бонд поднялся из-за стола, американец тоже отодви-

нул свой стул и весело произнес, обращаясь к Бонду:

— Спасибо вам, мы, кажется, здорово сыграли. Я ваш должник и хотел бы вас угостить. Не выпьете со мной?

У Бонда было ощущение, что это тот самый человек, которого должны были прислать из ЦРУ. Это чувство переросло в уверенность, когда они направились в бар после того, как Бонд небрежно бросил крупье десяти тысячный жетон и вручил тысячную банкноту официанту, отодвинувшему его стул.

— Меня зовут Феликс Лейтер, — представился американец. — Рад с вами познакомиться.

— Очень приятно. Джеймс Бонд.

— Хорошо, — кивнул его новый знакомый. — А теперь давайте решим, что будем пить, чтобы отпраздновать наш выигрыш?

Бонд попросил виски «Хейч-энд-Хейс» со льдом. Лейтер заказал себе сухой мартини в большом бокале.

Отпив виски, Бонд внимательно посмотрел на бармена и произнес:

— Три порции джина «Гордон», одну порцию водки и полпорции «Кины Лилле». Все это хорошенько взболтайте, пока не растворится лед, а затем положите большую, тонко нарезанную дольку лимона. Вы меня поняли?

— Слушаюсь, месье, — услужливо ответил бармен. Казалось, ему понравилась эта идея.

— Боже, вот это смесь! — изумился Лейтер.

Бонд рассмеялся.

— Когда я... ну, скажем... сосредотачиваюсь на каком-то деле, — объяснил он, — то не пью до обеда больше одного бокала, хотя тогда в нем должен быть очень крепкий и очень холодный, а также хорошо приготовленный напиток. Я ненавижу маленькие порции, особенно если у содержимого бокала к тому же отвратительный вкус, а этот напиток — мое изобретение. Когда я придумаю ему название, то, возможно, запатентую его.

Бонд внимательно наблюдал, как стенки бокала покрывались легкой изморозью от налитого в него напитка и как мелкие пузырьки воздуха поднимались вверх, потом взял бокал в руку и сделал большой глоток.

— Отлично, — сказал он бармену. — Но добавь вы пшеничную водку, а не эту картофельную, то вкус напитка значительно бы улучшился.

Бармен ухмыльнулся.

— Однако не будем вдаваться в чрезмерные тонкости, — улыбнулся Бонд.

Но Лейтер, который все еще был удивлен рецептом Бонда, произнес:

— Вы действительно все продумываете до

мелочей. — А, когда они направились со своими стаканами в угол бара, понизив голос, добавил: — Вам бы следовало назвать его «коктейль Молотова», после того, что вам пришлось испытать сегодня днем.

Они присели, и Бонд рассмеялся.

— Я видел, что это место огородили и полицейские направляют машины в объезд. Надеюсь, это не спугнет состоятельных людей.

— Люди поверили в версию коммунистов о том, что произошел выброс газа, в результате которого последовал взрыв. Все обгоревшие деревья сегодня вечером уберут, и если здесь работают, как в Монте-Карло, то к утру там не останется даже следов происшедшего.

Лейтер вытряхнул сигарету из пачки «Честерфилда».

— Я рад, что меня подключили к этому заданию вместе с вами, — сказал он, разглядывая свой бокал. — И особенно радуюсь я тому, что вы сегодня утром не вознеслись на небеса. У наших людей в этом есть определенный интерес. Они, как и ваши друзья, считают это дело очень важным и поэтому не находят в этом чего-то ненормального. В действительности в Вашингтоне явно переживают, что не они правят бал, но вы же знаете, что с большим начальством всегда

так. Думаю, ваши ребята в Лондоне поступают так же.

Бонд кивнул.

— У них всегда присутствует склонность ревностно относиться к таким делам.

— Во всяком случае, я в вашем распоряжении и должен оказывать вам любую помощь, которая может понадобиться вам. Матис и его парни здесь предусмотрели почти все. Но в любом случае я здесь.

— Очень рад этому, — произнес Бонд. — Противник вычислил меня и, вероятно, вас, а также Матиса. У них все спланировано заранее, им кажется, что ничто не сможет их остановить. Я рад, что Ле Шиффр, как представляется, влип в безнадежное положение. Боюсь, у меня нет никаких особых просьб к вам, но я был бы вам признателен, если бы вы сегодня вечером побывали в казино. У меня есть помощница, некто мисс Линд, и мне хотелось бы, чтобы вы взяли ее на свое попечение, когда я сяду играть. Вам будет приятно с ней общаться. Она очень симпатичная девушка. — Бонд улыбнулся. — А также вы проследите за двумя телохранителями Ле Шиффра. Я не могу представить себе, что они попытаются что-нибудь сотворить сегодня, но кто их знает.

— Я в состоянии помочь, — произнес Лей-

тер. — Перед тем, как попасть на эту каторжную работу, я служил в морской пехоте, если вам это говорит что-нибудь. — Он посмотрел на Бонда с некоторым чувством собственного превосходства.

— Да, безусловно говорит, — ответил Бонд.

Оказалось, что Лейтер был родом из Техаса. Пока он рассказывал о своей службе в Объединенном управлении разведки НАТО и о том, как трудно было обеспечивать безопасность этой организации, состоявшей из представителей многих национальностей, Бонд подумал, что эти американцы прекрасные люди и что большинство из них родом из Техаса.

Тридцатипятилетний Лейтер был высок и худощав. Его легкий, цвета весеннего загара, костюм небрежно свисал с его плеч, как у певца и актера Синатры. Его движения и речь были медленными, но в голосе чувствовались скрытые энергия и сила, которые говорили о том, что этот человек может быть в случае необходимости жестким и безжалостным бойцом. Сидя склонившись над столом, он был похож чем-то на хищного сокола. Это сходство усиливалось благодаря заостренному подбородку и резко очерченным скулам, а также широким искривленным губам. Его серые, с кошачьим прищуром глаза словно убегали от прямого взгляда, а

манера американца наблюдать за дымом сигарет, которые он курил одну за другой, подчеркивала это впечатление. Морщинки, образовавшиеся из-за этой привычки в уголках глаз, создавали эффект, что он больше улыбался глазами, нежели ртом. Челка из соломенных волос придавала его лицу несколько мальчишеское выражение, но при более близком знакомстве с ним это впечатление исчезало. И хотя, как казалось, Лейтер говорил совершенно открыто о своей работе в Париже, Бонд вскоре заметил, что он совсем не упоминает о своих американских коллегах в Европе или Вашингтоне, и понял, что американец ставит интересы своего собственного ведомства гораздо выше общих интересов своих североатлантических союзников. В целом Лейтер понравился Бонду.

К тому моменту, когда Лейтер допил еще один бокал виски, а Бонд закончил свой рассказ о Мюнцах и о своей короткой вылазке утром на побережье, чтобы разведать обстановку, на часах было семь тридцать, и они решили вместе отправиться в гостиницу пешком. Прежде чем покинуть казино, Бонд сдал на хранение в кассу весь свой наличный капитал, равный двадцати четырем миллионам, оставив себе на карманные расходы несколько банкнот по десять тысяч франков.

По дороге в отель «Сплэндид» они увидели, что на месте взрыва уже хлопотала бригада рабочих. Несколько деревьев были извлечены из земли вместе с корнями, а мостовую и тротуар мыли из шлангов припаркованных тут же цистерн муниципалитета. Воронка от взрыва исчезла. За ходом работ наблюдало всего несколько зевак. Бонд заметил, что фасад «Эрмитажа» был также уже отремонтирован, как и витрины нескольких магазинов, лишившихся стекол.

В теплых голубоватых сумерках Рояль вновь казался мирным, добропорядочным городком.

Когда они подходили к гостинице, Лейтер спросил:

— Интересно, а на кого работает консьерж?

— Не знаю. Матис не смог выяснить о нем ничего конкретного, — ответил Бонд. — Хотя нужно полагать, что он куплен кем-то. Все консьержи продажны. И это не их вина. Их воспитали так — всех постояльцев, кроме магараджей, они считают потенциальными мошенниками и жуликами. И ваше благосостояние и удобства их занимают не больше, чем это волновало бы крокодилов.

При их появлении в отеле консьерж участливо поинтересовался, оправился ли Бонд от дневной неприятности. Бонд решил, что лучше сказать, будто все еще чувствует легкую сла-

бость. Он надеялся, что если эти сведения будут переданы кому надо, то Ле Шиффр в любом случае начнет сегодняшнюю игру, находясь в заблуждении относительно физического состояния своего противника. С застывшей улыбкой консьерж пожелал ему скорейшего выздоровления.

Комната Лейтера находилась на одном из верхних этажей, и они распрощались в лифте, договорившись встретиться в казино в половине одиннадцатого или в одиннадцать вечера — в обычный час, когда в казино игра начинает идти по-крупному.

Розовые абажуры и шампанское

Бонд поднялся в свою комнату. Никаких признаков того, что здесь кто-то побывал, не было. Он сбросил с себя одежду, принял горячую ванну, а затем ледяной душ и лег в постель. В его распоряжении был еще час, чтобы отдохнуть и привести свои мысли в порядок, после чего он должен был встретиться с Линд в баре отеля «Спленидид». За этот час ему предстояло в деталях проанализировать свой план игры и того, что могло произойти после нее, учитывая любую ситуацию как в случае выигрыша, так и проигрыша. Он должен был спланировать и роль каждого из своих помощников — Матиса, Лейтера и девушки — и представить себе реакцию противника при возникновении самых невероятных обстоятельств. Бонд закрыл глаза и стал мысленно рисовать в своем воображении одну за другой детально выписанные картины возможных ситуаций, как если бы он смотрел в

калейдоскоп на сменяющие друг друга орнаменты из осколков цветного стекла.

Когда часы показывали без двадцати девять, Бонд исчерпал свое воображение.

Он поднялся, оделся и постарался больше не думать о предстоящем.

Стоя перед зеркалом, он повязал на шею черный сатиновый галстук, на минуту задержал взгляд на своем отражении, тщательно оглядывая себя с ног до головы. Его серо-голубые глаза смотрели на него спокойно и с оттенком ироничного любопытства. Непослушная прядь, напоминающая запятую, коротких темных волос, как всегда, спадала на лоб над правым глазом, тонкий вертикальный шрам через всю правую щеку делал Бонда чем-то слегка похожим на пирата. «Не очень-то много общего с Кармайклом», — подумал Бонд, беря в руки плоский стального оттенка портсигар и укладывая в него пятьдесят сигарет «Морлэнд» с тройным золотым ободком. Матис уже передал ему слова мисс Линд о нем.

Бонд сунул портсигар в задний карман брюк, шелкнул зажигалкой «Ронсон», проверяя, не нужно ли ее дозаправить.

Положив в карман тонкую пачку десяти тысячных банкнот, он выдвинул ящик стола, вытащил из него легкую кобуру из замши и закре-

пил ее с левой стороны таким образом, чтобы она находилась сантиметров на десять ниже подмышки. Затем из-под рубашек в другом ящике он извлек автоматический пистолет «беретту» 25-го калибра с плоской рукояткой, вытащил обойму, несколько раз проверил, как работает затвор, и опустил курок. Затем он перезарядил пистолет, поставил на предохранитель и сунул его в кобуру. Внимательно оглядев комнату, чтобы убедиться, что ничего не забыто, он надел поверх шелковой вечерней рубашки однобортный смокинг. Он почувствовал себя спокойно и уютно. Посмотрев на себя в зеркало, он убедился, что его плоского пистолета под мышкой совершенно не заметно. Бонд еще раз поправил галстук, вышел из комнаты и запер дверь.

Когда Бонд спустился по лестнице и повернул уже было в сторону бара, он услышал, как открылась дверь лифта и кто-то спокойным голосом произнес:

— Добрый вечер.

Это была мисс Линд. Она стояла у лифта и ждала, когда он подойдет к ней.

Бонд прекрасно помнил, как его поразила ее красота, и не удивился, что вновь ощутил волнение при виде девушки.

На ней было черное бархатное платье про-

стого покроя, но в этой простоте как раз и угадывались то великолепие и совершенство, создать которое было под силу лишь очень немногим портным с мировым именем. На шее у нее было тонкое бриллиантовое ожерелье, а у основания глубокого выреза, который слегка приоткрывал ее великолепную грудь, была приколата бриллиантовая брошь. Рукой она придерживала у бедра небольшую черную вечернюю сумочку. Ее прямые черные, как смоль, волосы были слегка подкручены на концах и спускались чуть ниже подбородка.

Она выглядела столь безупречно, что сердце Бонда забилося чаще.

— Вы сегодня абсолютно обворожительны. Должно быть, дела в мире радиотехники идут хорошо, — сказал он.

Она взяла его под руку.

— Вы не будете возражать, если мы сразу же отправимся ужинать? — спросила она. — Я хочу произвести впечатление, когда войду в зал, по правде говоря, у этого черного бархата есть одна тайна: он мнется, когда садишься, и на нем все отпечатывается. Между прочим, если сегодня вы услышите, что я вскрикнула, значит, я села на плетеный стул.

— Конечно, идем прямо в ресторан, — за-

смеялся Бонд. — Пока будем заказывать ужин, можем выпить по рюмке водки.

Она с удивлением взглянула на Бонда, и он тотчас же поправил себя:

— Или по коктейлю, если вы предпочитаете коктейль, конечно. Кухня здесь самая лучшая во всем Руайале.

На какое-то мгновение он почувствовал себя задетым ироничностью в ее взгляде, с которой она восприняла его поспешную решительность согласиться на коктейль. Но это длилось лишь одно мгновение, и, когда метрдотель вел их через заполненный посетителями зал, Бонд забыл об этом и думать, видя, как посетители за столиками провожали взглядами его спутницу.

Самые престижные места в ресторане располагались в застекленной части зала, выступающей над зимним садом отеля, словно корма корабля. Но Бонд выбрал столик в украшенной зеркалами нише в противоположной стороне огромного зала. Эти ниши остались еще со времен короля Эдуарда VII. Их украшали светильники в стиле позднего ампира со старинной позолотой и с красными шелковыми бра и такие же абажуры на столах. У сидящих за столиками в этих нишах возникало ощущение полного уединения от остального зала.

Пока девушка разбиралась в меню, напи-

санном красными чернилами на развороте большого листа, Бонд подозвал официанта.

— Вы уже решили, что заказать? — обратился он к своей спутнице.

— Я бы выпила рюмку водки, — ответила она, продолжая изучать меню.

— Небольшой графинчик водки, хорошо охлажденной, — попросил Бонд. И, помедлив, обратился к мисс Линд: — Я не могу пить за ваше новое платье, не зная вашего имени.

— Веспер, — представилась она. — Веспер Линд.

Бонд не смог скрыть своего удивления:

— Веспер, вечерняя заря?

— Увы, мне каждый раз приходится объяснять, что, по словам моих родных, я родилась вечером. Вечером, когда была сильная буря. Вероятно, они хотели увековечить этот факт. — Она улыбнулась. — Некоторым мое имя нравится, некоторым — нет. Я к своему имени привыкла.

— По-моему, это прекрасное имя, — произнес Бонд. И вдруг в голову ему пришла идея. — Могу я позаимствовать ваше имя? — спросил он. — Я уже давно ищу подходящее имя для мартини, который изобрел сам. Веспер — звучит великолепно и очень подходит для вечернего часа, когда во всем мире будут пить мой коктейль. Так могу я позаимствовать ваше имя?

— Только после того, как я сама попробую этот коктейль. Похоже, что таким коктейлем можно будет действительно гордиться.

— Мы попробуем его вместе, когда все закончится, — сказал Бонд. — И независимо от того, будет ли это победой или поражением. Ну а теперь, вы уже выбрали себе блюдо? Только, пожалуйста, не скромничайте, — добавил он, почувствовав ее нерешительность. — Надо, чтобы все соответствовало вашему замечательному платью.

— Я выбрала сразу два блюда, — засмеялась она. — И оба они просто великолепны, но уж если вести себя как подобает миллионерам, а это истинное наслаждение, и если вы уверены в себе... Ну, ладно. Я бы хотела начать с икры, а затем телячью вырезку на гриле с картофелем фри. А после этого я бы хотела отведать земляники с большим количеством сливок. Наверное, это просто бессовестно, что я так расточительна? — Она посмотрела на Бонда и вопросительно улыбнулась.

— Наоборот, это очень положительные качества, тем более если речь идет о хорошей здоровой пище.

Бонд обратился к метрдотелю:

— И еще принесите побольше гренков. Сложность всегда не в том, чтобы получить достаточ-

но икры, — пояснил он Веспер, — а в том, чтобы хватило для нее гренок. Итак, — он опять взял в руки меню, — я составлю, пожалуй, компанию мадемуазель и тоже закажу себе икру, но затем я хотел бы небольшой бифштекс с кровью из говяжьего филе под соусом «Борнез» и с артишоками. А пока мадемуазель будет наслаждаться земляникой, я бы съел половинку авокадо с французским соусом. Вы одобряете наш выбор?

Метрдотель поклонился.

— Прекрасный выбор, мадемуазель и месье. Месье Жорж, — обратился он к официанту, — примите заказ.

— Будет исполнено, — учтиво отозвался официант и протянул Бонду винную карту в кожаном переплете.

— Если вы ничего не имеете против, — сказал Бонд, — я бы выпил сегодня шампанского. Это игристое вино очень подходит для нашего сегодняшнего вечера. По крайней мере, я надеюсь, что это так, — добавил он.

— Да, я тоже не откажусь от шампанского, — подхватила девушка.

Держа палец на нужной странице, Бонд обратился к официанту:

— Что вы думаете насчет «Тэттинджера» сорок пятого года?

— Прекрасное вино, месье, — ответил официант. — Но если месье позволит, — и официант указал карандашом на другую строчку, — «Блан де Блан Брю» сорок третьего года несравнимо ни с чем другим.

Бонд улыбнулся.

— Пусть так и будет, — кивнул он. — Это не очень известная марка вина, — объяснил Бонд своей спутнице, — но, пожалуй, это лучшее шампанское в мире.

Тут он рассмеялся, поняв претенциозность своего замечания.

— Вы должны извинить меня, — сказал он, — но я нахожу огромное удовольствие в том, что я ем и пью. Это даже может выглядеть несколько смешным, однако это происходит частично из-за того, что я холостяк, но главным образом из-за привычки уделять большое внимание всяким мелочам. Моя щепетильность в еде выглядит, возможно, странной, но надо учесть, что, когда я работаю, обычно мне приходится принимать трапезу одному, и поэтому я обращаю внимание на всякие мелочи, чтобы скрасить свое одиночество за столом.

— Мне это тоже нравится, — улыбнулась Вesper. — Я люблю доводить все, что делаю, до конца и извлекать максимум возможного из всего. Я считаю, что именно так и следует жить.

Но, возможно, это звучит слишком нравоучительно, — добавила она, будто извиняясь.

Принесли графинчик с водкой в ведерке со льдом, и Бонд наполнил рюмки.

— Ну что ж, во всяком случае, я с вами согласен, — сказал он, — а теперь ваше здоровье, Веспер, за то, чтобы сегодняшний вечер принес нам удачу.

— За удачу, — повторила Линд тихо и подняла свою рюмку, глядя Бонду прямо в глаза. — Надеюсь, все будет хорошо сегодня. — Бонду показалось, что она слегка поежилась, когда произносила эти слова. — У меня для вас новость от Матиса. — Девушка непроизвольно склонилась к нему. — Он очень хотел сам сообщить ее вам. Это касается той самой бомбы, которая взорвалась сегодня. Совершенно фантастическая история.

Игра называется «Баккара»

Бонд огляделся, чтобы убедиться в том, что их нельзя подслушать. Икру принесут только после того, как на кухне поджарят тосты.

— Рассказывайте! — В его глазах появилось выражение заинтересованности.

— Они взяли третьего болгарина по дороге в Париж. Он ехал на «Ситроене», подсадив в машину для маскировки двух английских туристов. На одном из контрольных пунктов он так плохо изъяснялся на французском, что его попросили предъявить документы. Вместо этого он вытащил наган и выстрелил в патрульного мотоциклиста. Но другой полицейский скрутил его. Он не дал возможности этому болгарину покончить с собой. Его доставили в Руан и там, я думаю, в обычной французской манере заставили «разговориться».

Очевидно, он принадлежит к банде, задержанной во Франции за подобные дела — сабо-

таж, убийства и все в этом духе. Друзья Матиса сейчас заняты поисками остальных. Они должны были получить два миллиона франков за ваше убийство. Человек, который дал им это задание, говорил, что если они будут точно выполнять все его инструкции, то им не грозит быть пойманными. — Девушка сделала глоток водки. — Но самое интересное заключается в следующем — этот человек дал им два футляра от фотоаппаратов, которые вы видели, и объяснил, что яркая окраска футляров облегчит им задачу. По его словам, в голубом футляре находилась очень мощная дымовая шашка, а в красном — взрывное устройство. В тот момент, когда один из них бросит красный футляр, другой должен будет нажать на кнопку в голубом футляре, и они смогут скрыться под прикрытием дымовой завесы. В действительности дымовая шашка была чистой выдумкой, чтобы убедить террористов, что им удастся скрыться. В обоих футлярах находились идентичные взрывные устройства большой мощности. Никакой разницы между синим и красным футлярами не было. Идея заключалась в том, чтобы уничтожить и вас, и бомбометателей, не оставляя улик. С третьим болгаринном поручатели, очевидно, собирались разделаться каким-то другим способом.

— Продолжайте, — попросил Бонд, восхищенный таким остроумным двойным ходом.

— Ну, вероятно, болгары подумали, что все нормально, но, чтобы не рисковать, решили схитрить и сначала взорвать дымовую шашку, а потом уже из облака дыма метнуть в вас бомбу. Вы видели, как один из них нажимал на кнопку якобы дымовой шашки. Конечно, оба заряда взорвались вместе. Третий болгарин ждал их за гостиницей «Сплэндид», чтобы увезти своих друзей.

Увидев, что случилось, он подумал, что те что-нибудь напутали. Но полиция обнаружила некоторые части от бомбы в красном футляре и показала их ему. Когда он понял, что их подставили и его друзья должны были погибнуть вместе с вами, он начал говорить. Я думаю, что сейчас он еще не замолчал. Но в этом деле нет ничего, что можно было бы связать с именем Ле Шиффра. Задание они получили от какого-то посредника. Вероятно, от одного из его охранников. И тому, кто остался в живых, имя Ле Шиффра абсолютно ничего не говорит.

Она закончила свое повествование как раз в тот момент, когда появились официанты с икрой, горкой горячих тостов, маленькими блюдечками с мелко нарезанным луком и испечен-

ными яйцами, белки которых лежали на одной тарелочке, а желтки на другой.

Икру разложили по тарелкам, и они в молчании принялись за еду.

Через некоторое время Бонд нарушил молчание:

— Мне нравится быть трупом, которому удалось поменяться местами со своими убийцами. В их случае с этой же хлопушкой они влетели в собственную западню. Матис должен очень гордиться результатами сегодняшней работы — за двадцать четыре часа нейтрализовано пять противников. — И Бонд рассказал девушке, как удалось разоблачить чету Мюнцев.

— Кстати, — спросил он, — каким образом вы получили это задание? Вы в каком отделе работаете?

— Я личный помощник начальника резидентуры «С», — ответила Веспер. — Так как это он составил план этой операции, то ему хотелось бы, чтобы его отдел принял в ней участие, и попросил М., чтобы мне разрешили участвовать в этом деле. Поскольку мне вменялось в обязанность быть только связной, то М. дал согласие, хотя сказал моему начальнику, что вы придете в ярость из-за того, что для работы к вам прикомандируют женщину. — Линд замолчала и, когда Бонд не отреагировал на ее слова,

продолжила: — Я должна была встретиться с Матисом в Париже и вместе с ним приехать сюда. У меня есть подруга, которая работает продавщицей у «Диора», и ей как-то удалось одолжить для меня этот наряд и платье, в котором я была утром. В противном случае я не смогла бы составить конкуренции всем этим людям, — и она жестом указала на зал. — Все в моем отделе мне очень завидовали, хотя и не знали характера моей предстоящей работы. Все, что было известно, — это то, что мне предстоит работать с одним из агентов с двумя нулями. Такие люди для нас, конечно, настоящие герои. Мне это льстило.

Бонд нахмурился.

— Если ты готов убивать людей, — произнес он, — то получить два нуля к своему порядковому номеру не составляет труда. В этом заключается смысл этих нулей. Особенно здесь гордиться нечем. И получил я эти нули благодаря тому, что оставил позади себя трупы японского специалиста по шифрам в Нью-Йорке и норвежского двойного агента в Стокгольме. Возможно, что они были весьма приличными людьми. Их просто засосал водоворот мирской суеты, как и того югослава, которого ликвидировал Тито. Очень неприятное дело, но, если это твоя про-

фессия, ты должен делать то, что тебе приказывают. Как вам нравится яйцо с икрой?

— Изумительное сочетание, — ответила девушка. — Чудесный ужин. Мне стыдно... — Она осеклась, увидев, что в глазах Бонда появилось холодное выражение.

— Если бы не работа, нас бы здесь не было, — произнес он. Неожиданно для себя Бонд пожалел, что за ужином сложилась интимная обстановка, хотя планировалась рабочая встреча, и что он сказал лишнее. — Давайте подумаем, что нужно сделать, — произнес он деловым тоном. — Я вам расскажу лучше, что я хочу попробовать сделать, и мы обсудим, сможете ли вы мне в этом помочь. Боюсь, что не очень, — добавил он. — Вот основные факты. — С этими словами Бонд начал набрасывать план действий и перечислять все непредвиденные случайности, с которыми они могут столкнуться.

Метрдотель лично проследил за подачей второго блюда, и после того, как они справились с великолепной едой, Бонд продолжил деловой разговор.

Веспер слушала его с холодным, но почти-тельным вниманием. Его резкость обескуражила ее, но про себя она подумала, что ей следовало бы обратить больше внимания на предупреждение начальника ее отдела.

— Этот человек абсолютно предан своей работе, — предупредил тогда ее шеф, давая ей задание. — Не подумайте, что вас ожидают развлечения. Когда перед ним ставят задачу, он думает только о том, как ее решить, и отдает этому все свои силы. Он специалист каких мало, и вам не придется скучать с ним. Он очень симпатичный, но не влюбляйтесь в него. Я не думаю, что он может отвечать на проявление чувств. Во всяком случае, всего вам наилучшего и чтобы с вами ничего не случилось.

Во всем этом был какой-то вызов, и ей было приятно, когда она интуитивно почувствовала, что для Бонда она оказалась привлекательной и заинтересовала его. И при малейшем намеке, что и ей приятно находиться рядом с ним, который выражался обычной фразой благодарности, он вдруг охладел и резко отшатнулся от нее, как будто теплота отношений стала для него ядом. Она оскорбилась и почувствовала, что попала в глупое положение. Однако, подумав, она сконцентрировала все свое внимание на том, что он говорил. Больше она не повторит подобной ошибки.

— ...основная надежда у нас на молитвы о том, чтобы мне повезло или не повезло ему, — говорил в этот момент Бонд, объясняя, как играют в баккара. — Она очень похожа на осталь-

ные азартные игры. Возможность выиграть или проиграть более или менее одинакова как у банкующего, так и у играющего. Один ход может стать решающим для того, чтобы сорвать банк или проиграть.

Сегодня вечером Ле Шиффр, как нам известно, купил право банковать в баккара у египетского синдиката, который заправляет здесь игрой по крупным ставкам. За это он заплатил миллион франков, и его наличность уменьшилась до двадцати четырех миллионов. У меня приблизительно столько же. Я ожидаю, что играющих будет человек десять. Сидеть мы будем вокруг банкмета за овальным столом.

Обычно этот стол делится на две части. Банкомет ведет две игры — по одной против каждой половины стола слева и справа от него. В этой игре банкомет при помощи очень сложных расчетов должен суметь выиграть у одной половины стола, играя против другой. Но пока еще достаточного количества игроков в баккара в «Рояль» не подъехало. И Ле Шиффр попытается испытать свое счастье, играя против только одной половины стола. Такая игра весьма необычна, так как шансы у банкмета в таком случае не очень высоки. Но у него есть и преимущества, конечно, так как он контролирует размер ставок.

В этом случае банкомет садится в центре стола. Рядом с ним располагаются крупье, который собирает карты и объявляет сумму, находящуюся в банке, а также ведущий партию игры, который исполняет роль третейского судьи. Я попытаюсь сесть как можно ближе к Ле Шиффру. Перед ним будет находиться футляр с шестью колодами хорошо перетасованных карт. Возможность шельмовать при этом с футляром исключена полностью. Карты тасуются крупье, подснимаются одним из играющих и помещаются в футляр на виду у всех. Мы проверили сотрудников казино — с ними все в порядке. Можно попробовать воспользоваться крапленными картами, но и это практически исключено, так как в этом случае здесь должен участвовать по крайней мере крупье. Во всяком случае, мы за этим вариантом тоже присмотрим.

Бонд пригубил шампанского и продолжал:

— Далее в этой игре происходит следующее. Банкомет объявляет первую ставку в пятьсот тысяч франков, что по нынешнему курсу равно пятистам фунтам стерлингов. Каждое место нумеруется вправо от банкомета, и игрок, сидящий рядом с ним, или № 1, может принять ставку и передвинуть свои деньги к центру стола или спасовать, если ставка покажется ему очень высокой или если он вообще не согласен с раз-

мером ставки. Тогда в игру имеет право вступить № 2. А если и он отказывается, то № 3, и так далее по кругу. Если никто из игроков не принимает ставку, то она предлагается всем игрокам сразу целиком, и они скидываются по мелочи, включая иногда зрителей, собравшихся вокруг стола, пока не наберется необходимая сумма.

Это небольшие деньги и их можно быстро собрать. Но когда ставка доходит до миллиона или двух, часто бывает трудно найти желающего и даже группу желающих поставить деньги, если банкомету до этого везло. В такие моменты я всегда буду стараться вступить в игру и принять ставку. В действительности я буду нападать на Ле Шиффра в любой момент, когда мне представится возможность, до тех пор, пока или я разорю его банк, или он разорит меня. На это может уйти некоторое время, но в конечном итоге один из нас должен выиграть, невзирая на других играющих, хотя и они могут, конечно, сделать его в это время или богаче, или беднее.

Будучи банкометом, он имеет небольшое преимущество в игре. Но, догадываясь, что у меня весьма серьезные намерения в отношении его, и не зная, надеюсь, какой суммой я располагаю, он начнет немного нервничать. Поэтому

мы будем вести игру примерно в равных условиях.

Он замолчал, пока подавали клубнику и авокадо.

В течение некоторого времени они молча поглощали десерт, затем стали говорить о посторонних вещах, пока им разливали кофе. Линд закурила. Никто из них так и не притронулся ни к бренди, ни к ликеру. Наконец Бонд почувствовал, что настало время объяснить девушке все детали игры.

— Это довольно простое дело, — произнес он, — и вы сразу все поймете, если вы когда-нибудь играли в «очко», где вашей целью является постараться набрать у банкующего столько карт, чтобы в общей сложности количество очков у вас было ближе к двадцати одному, чем у банкомета. В баккара и я, и банкомет получаем по две карты, и если кто-то не выигрывает сразу, то можно взять еще по одной карте. Целью игры является набрать две или три карты, на которых количество очков должно равняться девяти или очень близко к этому. Картинки и десятки не стоят ничего. Туз идет за одно очко. Все другие карты — по своему номиналу. В ваших картах учитывается только последняя цифра. Таким образом, девятка плюс семерка равняются шести очкам, а не шестнадцати.

Побеждает тот, у кого больше очков. В случае их равенства игра переигрывается.

Веспер внимательно слушала и одновременно наблюдала за выражением скрытого азарта на лице Бонда.

— Теперь, — продолжал Бонд, — когда банкир сдает мне две карты и они в сумме составляют восемь или девять, то это то, что нужно. Я откидываю их и выигрываю, кроме тех случаев, когда у него столько же или больше. Если у меня очков будет меньше, я могу остановиться на семи или шести очках. При пяти очках я могу попросить или не попросить еще одну карту. Но в моем случае я должен попросить еще одну карту, если у меня меньше пяти очков. Пятерка является поворотным моментом в игре. Если у вас на руках пятерка, то согласно теории случайностей шансы улучшить или ухудшить ваше положение абсолютно равны.

Только тогда, когда я прошу еще одну карту или постучу пальцем по своим картам, показывая таким образом, что останавливаюсь на том, что у меня есть, банкующий может посмотреть в свои карты. Если у него на руках подходящие карты, он открывает их и выигрывает. В других случаях он сталкивается с теми же проблемами, что и я. Но его решение взять или не взять третью карту облегчается моими действиями. Если

я не взял карту, то он должен предположить, что у меня пять, шесть или семь очков. Если я взял еще карту, то он будет знать, что у меня было меньше шести очков, и я смогу улучшить свое положение той картой, которую он мне сдаст. Но эта карта сдается открытой. Зная ее номинал и чувствуя все шансы, он будет решать, брать ли ему еще одну карту или остаться с тем, что у него есть на руках. Поэтому у него есть небольшое преимущество передо мной. Но в этой игре всегда есть проблема с одной картой, с пятеркой. Тогда труднее принять решение, брать или не брать еще одну карту, ведь неизвестно, что будет делать ваш оппонент в случае, если у него пятерка. Некоторые игроки в таких случаях всегда берут карту, другие нет. Я же действую по интуиции.

Но в конечном итоге, — Бонд придавил сигарету и жестом попросил принести счет, — значение имеют только восьмерки и девятки, и я должен постараться, чтобы у меня их было больше, чем у него.

Стол для игры по-крупному

Когда Бонд рассказывал о правилах игры в баккара, предвкушая предстоящие баталии за карточным столом, его лицо вновь просветлело. Перспектива схлестнуться с Ле Шиффром возбуждала Бонда и заставила его пульс биться чаще. Казалось, он забыл о мимолетной отчужденности, возникшей было между ними, и Веспер с облегчением уловила эту перемену в настроении Бонда.

Он оплатил счет и щедро одарил официанта чаевыми. Веспер поднялась и, сопровождаемая Бондом, направилась к выходу. Огромный «Бентли» стоял у входа гостиницы. Бонд усадил Веспер в машину и, проехав немного, припарковал автомобиль как можно ближе к входу в казино. Взглянув на Бонда, Линд заметила, что у него слегка расширились ноздри. Следуя за девушкой через богато декорированные помещения, он казался беззаботным, весело отзывался на

приветствия служащих казино. У дверей частного зала у них даже не спросили членских карточек. Игра по-крупному снискала Бонду всеобщее почтение служащих и завсегдатаев, и его спутница по достоинству разделила с ним эту славу.

Прежде чем они углубились в зал, от одного из рулеточных столов оторвался Феликс Лейтер и поприветствовал Бонда как старого приятеля. После того как представили Веспер и они перекинулись с Бондом несколькими фразами, Лейтер попросил:

— Так как вы сегодня вечером играете в баккара и будете заняты, то не разрешите ли мне показать мисс Линд, как в рулетку срывают банк? У меня есть три счастливых номера, которые скоро должны наверняка выиграть, и я думаю, что и у мисс Линд тоже найдутся такие номера. Мы, может быть, сможем подойти к вам и понаблюдать за вашей игрой, когда она начнет оживляться.

Бонд вопросительно посмотрел на Веспер.

— Я бы с удовольствием, — произнесла она, — но не поделитесь ли и вы одним из ваших счастливых номеров, на который бы я могла поставить?

— У меня нет счастливых номеров, — без улыбки ответил Бонд. — Я рассчитываю всегда

только на равные шансы и стараюсь, насколько это возможно, приблизиться к ним. Ну, я пошел. — Подойдя к Веспер ближе, добавил: — Вы попали в отличные руки моего друга Феликса Лейтера.

Извинившись и одарив всех мимолетной улыбкой, Бонд не спеша направился к кассе.

Лейтер несколько сник.

— Бонд очень серьезно относится к карточной игре, мисс Линд, — пояснил он. — Да он и должен быть именно таким. Теперь пойдемте со мной и посмотрим, насколько номер 17 отвечает моим экстрасенсорным прогнозам. Вы почувствуете себя на седьмом небе, когда ни за что получите кучу денег.

Бонд облегченно вздохнул, когда его оставили в покое. Теперь он мог целиком сосредоточиться на предстоящей игре. Он остановился у кассы и получил под выданную днем расписку свои двадцать четыре миллиона франков. Он разделил банкноты на две равные пачки и разложил их по карманам пиджака. Затем он медленно пошел между сгрудившихся столов к месту, где, огражденный медными перилами, его ожидал широкий стол для игры в баккара. Стол постепенно заполнялся игроками. На зеленом сукне рубашками вверх лежали карты, и крупье медленно тасовал их. Прodelывал он это тем

особым способом, при котором менее всего его можно было заподозрить в нечестности.

Ведущий снял обтянутую бархатом цепочку и открыл проход к столу.

— Я зарезервировал для вас шестое место, месье Бонд, как вы пожелали.

Три места за столом оставались еще не занятыми. Бонд прошел через ограждение и сел в отодвинутое для него кресло. Удобно устроившись на нем, он кивнул игрокам, сидевшим справа и слева от него, затем достал свой широкий отшлифованный портсигар и черную зажигалку и аккуратно положил их на зеленое сукно справа от себя. Подошедший привратник быстро протер тряпкой пепельницу из толстого стекла и поставил ее рядом с портсигаром. Бонд закурил сигарету и откинулся в кресле.

Кресло банкомета, стоявшее напротив него, было свободным. Бонд огляделся вокруг. Лица игроков были ему знакомы, но по именам он знал не многих. На седьмом месте справа от него сидел некто месье Сикст — богатый бельгиец, у которого в Конго были какие-то дела с металлом. На девятом месте устроился лорд Денверс — с благородным, но нездоровым лицом человек. Деньги на игру ему, вероятнее всего, выдавала жена — богатая, средних лет, с хищным ртом барракуды американка, сидевшая тут

же, на третьем месте. Бонд отметил про себя, что они нервничали, наверно, станут хитрить и в конечном счете останутся в проигрыше в числе первых. На первом месте, справа от банкомета, сидел хорошо известный картежник-грек, который владел, как подсказывал Бонду опыт, как и все в Восточном Средиземноморье, одной из прибыльных пароходных компаний. Этот будет играть хладнокровно и уверенно и продержится, видимо, долго.

Бонд попросил у привратника карточку, написал на ней оставшиеся номера 2, 4, 5, 8, 10, поставил рядом аккуратный вопросительный знак и попросил передать ее ведущему.

Вскоре эта карточка вернулась обратно к Бонду с именами всех принимающих участие в игре.

На втором месте, все еще пустом, должна была сидеть Кармел Дилейн — американская кинозвезда, которая тратила алименты, полученные с трех предыдущих ее мужей, и которая может, как посчитал Бонд, так же снять деньги с любого, кто сопровождал ее сейчас в Руайале. С ее темпераментом, выдававшим явного сангвиника, она будет, видимо, играть весело и с пижонством, и ей может повезти, подумал Бонд.

Затем следовала леди Денверс. За ней числилось место номер три. Четвертое и пятое мес-

та были за мистером и миссис Дюпон, внешний вид которых давал возможность предположить, что к ним могли иметь отношение деньги настоящих Дюпонов. Бонд допускал, что они будут играть до победного конца. Оба имели весьма деловой вид. Они легко и весело переговаривались между собой. Создавалось впечатление, что, играя по-крупному, они чувствовали себя на своем месте. Бонд был весьма рад, что они сидели рядом с ним, чувствуя, что готов войти с ними и месье Сикстом в долю, если у тех возникнут осложнения со слишком большими ставками.

Восьмое место было зарезервировано на магараджа какого-то небольшого индийского штата, который, вероятно, прихватил с собой для игры все свои денежные запасы, накопленные за годы войны. Опыт Бонда подсказывал ему, что не многие представители азиатских рас оказывались на поверку храбрыми игроками. Даже хваленые китайцы теряли подчас головы, если их дела начинали идти плохо. Но магараджа, вероятно, будет играть до конца и сможет пережить крупный проигрыш, если он только не обрушится на его голову разом.

В десятом кресле восседал процветающего вида молодой итальянец, синьор Томелли, у которого, очевидно, была куча денег, заработан-

ных рэкето́м в Милане, и который, по всей видимости, будет играть рискованно и глупо. Такие, как он, могут терять самообладание и устраивать сцены.

Не успел Бонд закончить свой краткий обзор присутствующих за столом игроков, как с медлительностью крупной рыбыны к столу беззвучно приблизился Ле Шиффр. Холодно улыбнувшись сидящим за столом, он занял место прямо напротив Бонда в кресле банкмета.

Таким же неторопливым движением он вскрыл упаковку с колодами карт, которую крупье положил перед ним на стол. Затем, когда крупье принялся раскладывать все шесть колод в деревянный футляр, отделанный металлом, Ле Шиффр что-то тихо прошептал ему на ухо.

— Дамы и господа, — произнес крупье по-французски, — в банке шестьсот тысяч. — И когда грек, сидевший на первом номере, постучал пальцем по столу, где рядом с ним высилась солидная стопка фишек не менее чем на сто тысяч франков, добавил: — Ставка принята.

Ле Шиффр наклонился к футляру, постучал по нему ладонью, чтобы подровнять колоды, и из прорези футляра извлек первую карту. Толстым указательным пальцем он выдвинул ее из футляра приблизительно на фут в сторону гре-

ка. Затем он вытащил карту для себя, потом еще одну для грека и еще одну для себя.

Он сидел, не двигаясь и не прикасаясь к своим картам, изучая выражение лица грека.

Плоской деревянной лопаточкой, похожей на мастерок каменщика, крупные аккуратно подцепил карты грека и быстрым движением пододвинул их к нему поближе. Они легли прямо перед волосатыми руками грека, напоминавшими двух розовых притаившихся крабов.

Крабы зашевелились одновременно. Грек широкой ладонью левой руки взял обе карты и осторожно наклонил голову, чтобы посмотреть нижнюю из них. Затем указательным пальцем правой руки он сдвинул нижнюю карту в сторону так, чтобы можно было посмотреть и верхнюю карту.

Лицо его было абсолютно бесстрастным. Он опустил ладонь на стол, затем отодвинул ее, оставив лежать на сукне две розовые карты, не раскрывая их секрета.

Помедлив, он поднял голову и посмотрел на Ле Шиффра.

— Достаточно, — произнес грек бесцветным голосом. Из того, что грек решил остаться со своими картами и не брать еще одну, было ясно, что у него были пятерка, шестерка или семерка. Для выигрыша банкомету надо было открыть

восьмерку или девятку. Если у него этих карт не было, то за ним оставалось право взять еще одну карту, которая могла добавить ему очков. Но этого могло и не произойти.

Ле Шиффр сидел, сцепив перед собой руки. Его две карты лежали на расстоянии нескольких дюймов от него. Правой рукой он поднял карты и легким щелчком перевернул их.

У него была четверка и пятерка — беспроигрышная девятка.

Он выиграл.

— Девять, — спокойно объявил крупье. Своей лопаткой он перевернул карты грека. — Семь, — бесстрастным голосом сказал он, поднимая битую даму и семерку и опуская их в широкую прорезь на столе рядом со своим креслом, куда сбрасывались отыгравшие карты. За ними с легким шелестом последовали карты Ле Шиффра.

Грек отсчитал пять фишек по сто тысяч, которые крупье добавил к фишке Ле Шиффра достоинством в полмиллиона, лежащей в центре стола.

С каждой ставки казино берет небольшой процент, но обычно, когда играют по-крупному, банкующий расплачивается с казино сам, заранее оговаривая сумму или выделяя для этого деньги в конце каждой партии, но так, чтобы

в банке всегда находилась крупная сумма. Ле Шиффр выбрал последний вариант.

Крупье опустил несколько фишек в специальное углубление на столе и ровным голосом объявил:

— В банке один миллион.

— Продолжим игру, — пробормотал грек, имея в виду использовать свое право отыграть проигрыш.

Бонд закурил сигарету и поудобнее устроился в кресле. Началась затяжная игра, и установившийся ритуал произносимых фраз будет соблюдаться до самого конца, пока игроки не разойдутся. Затем задававшие столько волнения и загадок карты будут публично преданы огню или порваны, стол будет накрыт чехлом, а зеленое сукно поля ожесточенной битвы, впитывая кровь своих жертв, будет набираться сил для следующих баталий.

Грек, взяв третью карту, не смог перебить семерку банкомета.

— В банке два миллиона, — вновь объявил крупье.

Игроки слева от Бонда замерли в молчании.

— Играю ва-банк, — произнес Бонд.

Момент истины

Ле Шиффр бесстрастно посмотрел на него. Выпуклые белки его глаз придавали лицу какое-то безразличное кукольное выражение.

Он медленно оторвал от стола свою пухлую руку и, засунув ее в карман смокинга, вытащил оттуда небольшой металлический цилиндр. Отвинтив крышку цилиндра и довольно вальяжным движением вставив горлышко в ноздри, Ле Шиффр несколько раз втянул в себя пары бензедрина. Неторопливо возвратив ингалятор на прежнее место, он снова резко ударил по футляру с картами.

Во время этой вызывающей пантомимы, разыгранной Ле Шиффром, Бонд хладнокровно смотрел ему в глаза, разглядывая его широкое белое лицо, обрамленное щеткой коротеньких рыжих волос. Борода оттеняла его неулыбающиеся влажные красные губы. Впечатляющей

была также ширина его плеч, скрытых под смокингом свободного покроя.

Если бы не свет от люстры, падающий на сатиновые лацканы фрака, Ле Шиффра можно было бы принять за мощный бюст одетого в черную шкуру Минотавра, развалившегося на зеленом травяном поле.

Бонд, не считая, выложил на стол пачку банкнот. В случае проигрыша крупье сам отсчитывает необходимую сумму. Но та легкость, с которой он бросил эту пачку денег, демонстрируя, что с деньгами у него все в порядке, предполагала, что Бонд не собирался проигрывать.

Остальные игроки сразу почувствовали напряженность, возникшую между Бондом и банкометом, и, когда Ле Шиффр сдал четыре карты, над столом нависло тягостное молчание. Кончиком лопатки крупье подвинул карты поближе к Бонду. Тот, продолжая в упор смотреть в глаза Ле Шиффру, протянул руку к картам, быстро взглянул на них, а затем небрежным жестом перевернул их.

Четверка и пятерка — безусловный выигрыш!

Над столом пронесся легкий завистливый шепот, и игроки слева от Бонда обменялись взглядами сожаления от того, что они не решились принять участие в дележе двух миллионов.

Слегка пожав плечами, Ле Шиффр медленно перевернул свои карты и ногтем отодвинул их от себя. Два проигрышных бесполезных вала.

— Баккара, — произнес крупье, передвигая лопаточкой большую стопку фишек в сторону Бонда.

Бонд положил их в правый карман вместе с неиспользованной пачкой денег. Лицо его оставалось бесстрастным, хотя он и радовался своему выигрышу в первой же партии, в этой безмолвной схватке людей сильной воли.

Женщина, сидящая слева, американка миссис Дюпон, повернулась к нему с кислой улыбкой.

— Я не должна была пропускать этот ход, — сказала она. — Как только сдали карты, я сразу же пожалела об этом.

— Игра только начинается, — ответил Бонд. — В следующий раз вы можете и пожалеть о том, что не пропустили хода.

Мистер Дюпон наклонился с другой стороны.

— Если бы все были правы, рассчитывая каждый ход, то нас бы здесь давно никого не было, — философски заметил он.

— А я буду, — со смехом возразила его жена. — Не думай, что я нахожусь здесь лишь ради своего удовольствия.

Игра продолжилась. Бонд внимательно оглядел зрителей, склонившихся над высокими медными перилами вокруг стола. Он быстро вычислил двух охранников Ле Шиффра. Они стояли сзади по обе стороны от него. Вид у них был довольно респектабельный, но не настолько, чтобы остаться незамеченными в толпе.

Стоявший по правую сторону позади Ле Шиффра был высокого роста, в смокинге, более подходящем для похорон. Лицо у него было землистого цвета и совершенно невыразительное. Блестящие глаза бегали из стороны в сторону, как у заговорщика. Его удлинненное тело все время изгибалось и дергалось, и он беспрестанно поводил руками по медным перилам. Бонд решил, что этот тип будет убивать кого угодно и без всяких переживаний, ради чего он это делает, а всем способам убийства он предпочитает удушение. В нем было что-то от Ленни из повести «О мышах и о людях», но его ярко выраженная бесчеловечность была результатом не столько инфантилизма, сколько поглощения наркотиков. Скорее всего марихуаны, решил Бонд.

Второй телохранитель был похож на корсиканского лавочника. Он был небольшого роста и смуглый, с плоской головой и сильно набриолиненными волосами. Казалось, что он был

хром на одну ногу, так как рядом с ним на перилах висела короткая и толстая тростниковая палка с резиновым наконечником. Чтобы пронести сюда с собой трость, он должен иметь разрешение на это, отметил про себя Бонд. Согласно общепринятым правилам трости и другие подобные предметы приносить в игральные залы запрещено. Это было вынужденной мерой предосторожности, чтобы избежать актов насилия. Этот парень выглядел весьма холеным и хорошо упитанным. Однако сквозь полуоткрытые губы было видно, что зубы у него требовали основательного ухода. Он носил густые черные усы, а тыльную сторону ладоней, которыми он опирался на перила, покрывали черные волосы. Бонд подумал, что и все его тело тоже заросло такой же шерстью. В обнаженном виде он, вероятно, должен представлять отвратительное зрелище.

Игра шла без особых происшествий, но с небольшими убытками для банкомета.

Третья партия при игре в «железку» и баккара обычно является своего рода «звуковым барьером». Удача может отвернуться от вас в первой и во второй партиях, но если она отворачивается от вас и в третьей, то это уже может служить признаком катастрофы. И каждый раз именно в этот момент вы можете обнаружить,

что какая-то сила вас снова вернула на спасительную землю. Именно такая ситуация сложилась к настоящему моменту. Ни игроки, ни банкомет не решались рисковать, но после двух часов игры обозначился стабильный и угрожающий отток денег из банка, который насчитывал уже десять миллионов франков. Бонд не знал, сколько за последние два дня мог выиграть Ле Шиффр. Он оценивал его выигрыши примерно в пять миллионов и предполагал, что в данный момент у Ле Шиффра в наличии было не более двадцати миллионов.

В действительности же сегодня днем Ле Шиффр крупно проиграл, и к этому моменту у него оставалось всего десять миллионов.

Бонд же, напротив, к часу ночи уже выигрывал четыре миллиона, пополнив свои денежные запасы до двадцати восьми миллионов.

Бонд был рад этому обстоятельству, но не показывал вида. Ле Шиффр также старался не проявлять никаких эмоций и продолжал играть, как заведенный автомат, не произнося ни слова, за тем исключением, когда он тихим голосом давал распоряжения крупье, начиная новую игру.

За пределами стола был слышен постоянный гул голосов, доходивший сюда из глубины зала, где шла игра в «железку», рулетку и «три-

дцать-сорок». Иногда в этот хор вклинивались громкие выкрики крупье и случайные взрывы хохота, сопровождаемые возбужденными возгласами из различных уголков огромного зала.

Где-то на заднем фоне глухо стучал невидимый метроном, отсчитывающий с каждым ударом причитающийся казино процент за каждый поворот колеса рулетки, за каждую открытую карту. Этот звук напоминал мурлыкающего толстого кота, у которого вместо сердца была пустота.

Часы Бонда показывали десять минут второго, когда за их столом обстановка неожиданно изменилась.

Греку, сидящему в первом кресле, продолжало устойчиво не везти. В первой и второй партиях он проиграл до полумиллиона. Третью партию грек пропустил, оставляя на кону два миллиона. Кармел Дилейн, сидящая во втором кресле, тоже пропустила ход. Так же поступила и леди Денверс, сидящая в третьем кресле.

Дюпоны разом посмотрели друг на друга.

— Банк, — решительно произнесла миссис Дюпон и моментально проиграла, так как у банкира оказалось восемь очков.

— В банке четыре миллиона, — объявил крупье.

— Играю ва-банк, — вновь спокойно произ-

нес Бонд, бросая пачку банкнот и глядя прямо в глаза Ле Шиффру. Взглянув на свои карты, он отказался от третьей. У него была пятерка, а это был предел, и его положение стало довольно опасным.

Ле Шиффр открыл валета и четверку. Он стукнул по футляру и вытащил третью карту.

— У банкира семерка, — произнес крупье. — И пятерка, — добавил он, переворачивая карты Бонда. Он пододвинул к себе деньги Бонда, отсчитал четыре миллиона, а оставшиеся деньги вернул обратно.

— В банке восемь миллионов.

— Продолжаю играть, — объявил Бонд и снова проиграл девятке банкира.

В двух партиях он проиграл в общей сложности двенадцать миллионов франков. Если порыться в карманах, то можно было, конечно, наскрести еще шестнадцать миллионов. Но это была ровно та сумма, которая требовалась для того, чтобы внести в банк в последующей игре.

Внезапно Бонд почувствовал, что от напряжения у него вспотели ладони. Его деньги растаяли, как снег на солнце. С алчным видом Ле Шиффр пальцами правой руки выбивал по столу дробь. Бонд посмотрел через стол в немигающие серые глаза Ле Шиффра, в которых угады-

вался иронический вопрос: «Ну что, хочешь, чтобы тебя обслужили по первому разряду?»

— Продолжаю играть, — тихо произнес Бонд.

Он вытащил деньги и фишки из правого кармана и всю пачку оставшихся денег из левого и пододвинул их вперед. В его движениях не было никакого намека на то, что это была его последняя ставка.

Внезапно он почувствовал, что во рту у него все пересохло и небо стало неподатливым, как шершавые обои. Он поднял глаза и увидел Веспер и Феликса Лейтера, стоявших на том самом месте, где раньше располагался охранник с тростью. Он не знал, как долго они уже там стояли. Лейтер выглядел слегка взволнованным, но Веспер ободряюще улыбалась Бонду.

Он почувствовал слабый скрип от прикосновения к перилам за своей спиной и, повернув голову, увидел приоткрытый неряшливый рот с двумя рядами гнилых зубов, чуть прикрытых черными усами.

— Ставки сделаны, — произнес крупье, и в сторону Бонда по зеленому сукну скользнули две карты.

Зеленое сукно казалось Бонду уже не гладким ковром, а шершавым и твердым асфальтом и действовало на него удушающе, как увядающая трава на свежей могиле.

Когда он посмотрел свои карты, ему показалось, что свет от большого сатинового абажура, который до этого момента был таким уютным и приятным, вдруг неожиданно поблек, окрасив его руки в темные тона. Он еще раз взглянул на карты. Более худшую комбинацию было трудно придумать: король червей и туз, пиковый туз. Бонд глядел на него как на смертельно опасного ядовитого паука.

— Еще карту! — Ему еще удавалось сдерживать и скрывать свои эмоции.

Ле Шиффр внимательно разглядывал свои карты. У него была дама и черная пятерка. Он посмотрел на Бонда и указательным пальцем выдавил еще одну карту. За столом стояла мертвая тишина. Он открыл ее и отбросил в сторону. Крупье осторожно поднял ее лопаткой и передал Бонду. Карта была хорошей — пятерка червей, но Бонду она показалась неприятным впечатком пальца, сделанным из засохшей крови. Теперь у него было шесть очков против пяти Ле Шиффра. Но банкующий, у которого на руках была пятерка и который сдал также пятерку своему противнику, должен неизбежно взять еще одну карту и постараться улучшить свое положение за счет единицы, двойки, тройки или четверки. Если он вытащит какую-либо другую

карту, то это значит, что он безнадежно проиграл.

Все шансы были на стороне Бонда, но Ле Шиффр, едва взглянув на свою новую карту, открыл ее и бросил на стол. Он мог бы обойтись и без нее, но она выпала именно ему — самая лучшая карта — четверка. В сумме с его пятеркой она дала ему девять очков, и он, почти не напрягаясь, выиграл.

Бонд был сражен и потерял все.

Смертоносная трость

Бонд сидел неподвижно, оглушенный проигрышем. Он открыл портсигар и достал сигарету. Щелкнув крышкой «Ронсона», он прикурил и положил зажигалку обратно на стол. Затем глубоко затянулся и с легким присвистом выпустил дым между зубами.

Что же ему теперь делать? Вернуться в гостиницу и лечь спать, чтобы не видеть сочувствующих взглядов Матиса, Лейтера и Веспера? Потом позвонить в Лондон и завтра же улететь домой. Взять такси и добраться на нем до парка Риджент, пройти по всем этим лестницам и коридорам и встретиться с холодным взглядом М. Бонд почувствовал, как ему будут вежливо сочувствовать и скажут, что в следующий раз ему наверняка повезет больше. Но, конечно, такой случай, как сейчас, больше уже вряд ли представится.

Он оглядел сидящих за столом и поднял глаза на притихших зрителей. На него почти никто не обращал внимания. Все ждали, пока крупье подсчитывал деньги и складывал фишки в аккуратные стопки. Кто же осмелится бросить вызов банкомету, сорвавшему при помощи потрясающего везения такой огромный банк в тридцать два миллиона франков.

Лейтер куда-то исчез. «Наверное, не хочет смотреть мне в глаза после такого нокаута», — промелькнула мысль в голове Бонда. В то же время Веспер оставалась на удивление спокойна и даже ободряюще улыбнулась ему. «Наверное, это происходит оттого, — подумал Бонд, — что она ничего не соображает в этой игре». Она, вероятно, даже не представляет себе, каким горьким для него был этот проигрыш.

За перила прошел служащий казино. Он направился к Бонду и остановился с ним рядом. Наклонившись над столом, он положил перед Бондом пухлый, размером с книгу конверт, что-то произнес ему шепотом о кассе и удалился.

Сердце Бонда глухо забилося. Он положил тяжелый неподписанный конверт на колени и ногтем указательного пальца вскрыл его, отметив, что клей, которым был запечатан конверт, еще не успел как следует просохнуть. Не веря себе, но все же понимая, что это ему не присни-

лось, он нащупал в конверте толстые пачки банкнот. Он быстро распахнул деньги по карманам и задержал в руке листок бумаги, который был прикреплен к верхней пачке. Опустив его ниже уровня стола, чтобы никто не видел, он прочел единственную написанную на нем строчку: *«Помощь по плану Маршалла. Тридцать два миллиона франков. Адмирал шлет вам свои наилучшие пожелания».*

Бонд сглотнул и посмотрел на Веспер. Рядом с ней вновь появился Лейтер, на его губах играла легкая улыбка. Бонд в знак благодарности чуть приподнял руку. Затем он попытался сосредоточиться, чтобы освободиться от всех своих переживаний, которые обрушились на него всего несколько минут назад после такого сокрушительного проигрыша. Он словно получил отсрочку от исполнения смертного приговора, но только отсрочку. Чудес больше ждать не придется. В этот раз он должен обязательно выиграть, если только Ле Шиффр не успел уже набрать свои пятьдесят миллионов, если он только продолжит игру!

Крупье закончил подсчет денег, которые причитались казино в качестве комиссионных, поменял деньги Бонда на фишки и сложил из них в центре стола гигантскую стопку.

В ней было тридцать две тысячи фунтов

стерлингов. «Наверное, — подумал Бонд, — для достижения цели Ле Шиффру необходимо сыграть еще одну партию, даже не на всю сумму, а просто поставить на кон пару миллионов. Тогда в целом у него будет пятьдесят миллионов, и он закончит игру. К завтрашнему дню он все уладит со своими долгами, и его положение станет прочным».

Ле Шиффр сидел, не двигаясь, и Бонд с облегчением понял, что он некоторым образом переоценил финансовые возможности противника.

В данном случае единственной надеждой Бонда было немедленно разгромить Ле Шиффра. Не делить банк со всеми игроками, не играть на часть банка, а забрать его весь. Это будет потрясением для Ле Шиффра. Тот вряд ли обрадуется, если в банк добавят больше десяти-пятнадцати миллионов, но он, очевидно, и не ожидает, что кто-нибудь решится пойти ва-банк. Он, конечно, не может знать, что Бонд остался без денег, но должен понимать, что у того кое-что еще осталось. Он не мог также знать о содержимом конверта, так как если бы знал, что там находится, то наверняка забрал бы все свои деньги и начал затяжную игру по новой, набирая необходимую ему сумму со ставки в пятьсот тысяч франков.

Расчет Бонда оказался правильным.

Ле Шиффру не хватало еще восьми миллионов.

Но он согласился продолжить игру.

— В банке тридцать два миллиона.

В тишине, воцарившейся в зале, голос крупье прозвучал как удар грома.

— В банке тридцать два миллиона, — повысив голос и с некоторым оттенком гордости, повторил ведущий партию в надежде привлечь побольше участников с других столов. Кроме всего прочего, это была отличная реклама. Подобную ставку разыгрывали только однажды в казино в Дювилле в 1950 году. А их конкурент — казино «Де ля Форс» в Ле-Туке — никогда и не слышал о таких ставках.

В этот момент Бонд слегка наклонился к столу.

— Продолжим игру, — тихо произнес он.

За столом послышался возбужденный гул голосов. Эта новость сразу же облетела все казино. Количество зрителей стало быстро увеличиваться. Тридцать два миллиона! Для большинства присутствующих это было намного больше того, что они могли заработать за всю свою жизнь. Столько они могли накопить, пожалуй, лишь вместе со всеми своими родственниками

и домочадцами. Образно говоря, это было целое состояние. Не самое, конечно, крупное, но состояние.

Один из управляющих казино о чем-то шептался у стола с ведущим партию. Тот с извиняющимся видом обернулся к Бонду.

— Извините меня, месье, какова ваша ставка?

В действительности это означало, что Бонд на самом деле должен предъявить доказательства того, что у него достаточно наличных денег, чтобы продолжать игру. Они, конечно, знали, что он был весьма богатым человеком. Но все-таки речь шла о тридцати двух миллионах! Иногда случалось, что отчаянные люди, не имея за душой ни гроша, делали подобные ставки и в случае проигрыша беззаботно отправлялись в тюрьму.

— Извините меня, месье Бонд, — подобострастно добавил ведущий.

Тогда Бонд вывалил на стол огромную кипу денег, и крупье принялся пересчитывать сколотые пачки банкнот достоинством в десять тысяч франков каждая — самые крупные из выпускаемых во Франции, и в этот момент Ле Шиффр и его телохранитель, стоявший за спиной Бонда, обменялись быстрыми взглядами.

И тут же Бонд почувствовал, как что-то твер-

дое уперлось ему ниже спины, и услышал, как чей-то писклявый голос с южно-французским акцентом тихо, но властно произнес у него над правым ухом:

— Это оружие, месье. Стреляет абсолютно беззвучно. Может разнести вдребезги ваш позвоночник. Все подумают, что вы просто потеряли сознание, а меня уже здесь не будет. Пока я досчитаю до десяти, снимите вашу ставку. Будете звать на помощь, я выстрелю.

Голос звучал уверенно, и Бонд поверил, что угроза реальна. Эти люди уже не раз доказывали, что могут без колебаний преступить любые границы.

Ему стало теперь понятно появление в зале трости, которую он видел. Бонду был знаком этот тип оружия. Внутри трости находился ствол, обмотанный каучуковыми глушителями.

На прохождение пули по стволу они не влияли. Это оружие было изобретено во время войны и использовалось для проведения террористических актов. Бонд и сам не раз пользовался им.

— Раз, — произнес голос.

Бонд повернул голову. Сзади него, чуть наклонившись и широко улыбаясь в свои черные усы, как бы желая всем своим видом удачи Бон-

ду, стоял низкорослый человек. Собравшаяся вокруг толпа делала его практически неуязвимым.

Почерневшие зубы сомкнулись.

— Два, — проговорил он, ухмыляясь.

Бонд посмотрел на своего врага. Ле Шиффр наблюдал за ним с полуоткрытым ртом и тяжело дыша. Он ждал, ждал, что Бонд поднимет руку и подаст знак крупье или что Бонд внезапно вдруг откинется на спинку своего кресла с искаженным гримасой лицом.

— Три.

Бонд посмотрел на Веспер и Феликса Лейтера. Они разговаривали друг с другом и улыбались. Где же Матис? Где же его прославленные ребята?

— Четыре.

А что же зрители? Толпа трепливых идиотов! Что, никто не видит, что происходит? Ведущий партию, крупье, служащие казино?

— Пять.

Крупье разравнивал пачки банкнот. Ведущий партию с заискивающей улыбкой поклонился Бонду. Как только закончат с деньгами и он объявит: «Ставки сделаны», прозвучит выстрел. И неважно, досчитает ли убийца до десяти.

— Шесть.

Бонд решился. Это был хоть какой-то шанс. Он осторожно положил руки на край стола, крепко за него ухватился и со всей силы прижался спиной к спинке кресла, чувствуя, как острый прицел впивается ему в кобчик.

— Семь.

Ведущий партию обернулся к Ле Шиффру. Брови у него были приподняты в ожидании сигнала банкомета о начале игры.

Внезапно Бонд изо всех сил откинул свое тело назад.

Сила инерции была такова, что при падении верхняя перекладина спинки кресла мгновенно зажала смертоносную трость, прежде чем убийца успел нажать на курок.

Бонд, задрав ноги вверх, рухнул на пол рядом со зрителями. От падения спинка кресла с громким треском переломилась. Послышались испуганные крики. Толпа откачнулась от него, а потом, успокоившись, снова обступила стол. Кто-то помог Бонду встать на ноги и отряхнуть одежду. Служащие казино кинулись к ведущему партию. Скандала нужно было избежать любой ценой.

Бонд вцепился в перила руками. Вид у него был смущенный и растерянный. Он потер руками лоб.

— Мимолетная слабость, — объяснил он. — Пустяки, это пройдет. Это от возбуждения и жары.

Послышались ободряющие возгласы:

— Конечно, при такой игре! Может быть, месье предпочитает отложить игру и немного полежать или пойти домой? Не вызвать ли врача?

Ему принесли новое кресло, он сел в него и перевел свой взгляд на Ле Шиффра. Кроме пережитого облегчения, что он остался жив, Бонд испытывал также огромное наслаждение от того, что на жирном бледном лице врага он увидел страх.

За столом оживленно высказывали различные предположения. Соседи, сидевшие по обеим сторонам от Бонда, наклонились к нему и наперебой озабоченно говорили о жаре, о том, что уже поздно, что здесь накурено и что помещение зала плохо проветривается. Бонд, не переставая вежливо отвечать, обернулся и оглядел зрителей, стоящих за его спиной. Никаких следов присутствия убийцы не было видно, но служащие казино ходили по залу, пытаясь найти владельца злополучной трости. Она казалась неповрежденной, только на конце ее не было резинового наконечника. Бонд подозревал привратника и попросил:

— И не могли бы вы передать эту трость вон тому джентльмену. — И он указал на Лейтера. — Он вернет ее по назначению. Она принадлежит одному его знакомому.

Привратник поклонился.

Бонд мрачно подумал, что уже после беглого ознакомления с этой тростью Феликс поймет причину состоявшегося представления, которым он так шокировал публику.

Он повернулся к столу и постучал пальцем по сукну, показывая, что готов начать игру.

Шепот любви и шепот ненависти

— Игра продолжается, — торжественным голосом объявил ведущий. — В банке тридцать два миллиона.

Зрители как по команде придвинулись ближе. Ле Шиффр изо всех сил хлопнул ладонью по футляру. Немного подумав, он достал свой ингалятор и, поднеся к носу, втянул в себя живительные пары.

— Грязная скотина, — буркнула слева от Бонда миссис Дюпон.

Чудом избежав смертельной опасности, Бонд вновь ощутил ясность мысли, но от воспоминаний о пережитом чувствовал, как пот продолжал струиться по его телу. Прodelав спасительный трюк с креслом, он начисто забыл о мрачной полосе неудач, через которые ему пришлось пройти.

Он, правда, выставил себя на посмешище своим якобы неловким падением и задержал иг-

ру на целых десять минут. В уважаемых казино такие вещи не допускаются, но тем не менее карты его ждали. Они не должны подвести его на этот раз, и от предчувствия того, что должно было произойти, сердце его учащенно билось.

Было уже два часа ночи, но игровой зал жил полной жизнью, и, помимо их стола, карточные баталии продолжались еще за тремя столиками в «железку» и еще за столькими же в рулетку.

В тишине, нависшей над их столом, Бонд прислушивался к голосу крупье.

То, что он говорил, было хорошим предзнаменованием. Но для кого?

По зеленому полю в его сторону скользнули две карты.

Ле Шиффр, сидя по другую сторону стола, наблюдал за Бондом. Он был похож на осьминога, затаившегося в расщелине скалы. Бонд спокойно взял свои карты и выложил их перед собой. Что там? Девятка или восьмерка? Иначе с чего бы у него так сильно забилося сердце?

Он накрыл карты ладонями, сжал зубы, скулы его сводило. Все его тело, как бы подчиняясь защитной реакции, задеревенело.

У него оказались две дамы, две дамы красной масти, которые с лукавой улыбкой смотрели на него из-под ладоней. Самый худший ва-

риант, ибо они не давали ни одного очка. Ноль. Баккара.

— Еще карту, — потребовал Бонд, с трудом сдерживая нотки отчаяния в голосе. Он чувствовал, как Ле Шиффр буравил его глазами, пытаясь разгадать ход его мыслей.

Банкомет медленно открыл свои карты.

У него было три очка — король и черная тройка.

Бонд медленно выдохнул струюку табачного дыма. Какой-то шанс у него все же оставался. Для него пробил час великого испытания. Ле Шиффр шлепнул рукой по футляру, достал карту, от которой зависела судьба Бонда, и медленно открыл ее. Девятка! Прекрасная девятка червей, которую цыганки, загадывая чью-то судьбу, называют «шепотом любви и шепотом ненависти». Это была именно та карта, которая наверняка обеспечивала ему выигрыш.

Крупье осторожно пододвинул ее к Бонду. Однако Ле Шиффру эта карта не говорила ничего, так как у Бонда могло быть еще одно очко. Тогда с девяткой получалось десять, а это было ничто — баккара, как это называется. А если Бонду выпала двойка, тройка, четверка или даже пятерка, то в данном случае в сочетании с девяткой это означало максимум четыре очка.

Имея на руках три очка, как это было у Ле

Шиффра, и сдав девятку противнику, тот попал в весьма неопределенную ситуацию, ибо шансы улучшить свое положение или его ухудшить были примерно равными. Бонд предоставил возможность банкомету основательно попотеть над этой задачкой. В обычной игре с друзьями он бы открыл свои карты, так как его девятку могла перебить только шестерка, если бы она досталась банкомету.

Карты Бонда оставались лежать перед ним на столе — две безликие с розовым узором картонки и открытая девятка червей. Последняя могла бы поведать всю правду, но и увести в сторону.

Разгадка находилась на скрытой сейчас от взоров лицевой стороне двух розовых карт, на которых были изображены две дамы, возлежащие на зеленом сукне стола.

По крючковатому носу банкующего обильно струился пот. Языком он торопливо слизывал капли, нависшие на кончике его рыжих усов. Он бросил взгляд на карты Бонда, потом на свои собственные и вновь впился глазами в карты Бонда.

Вздвогнув всем телом, он наконец вытащил себе еще одну карту.

Все присутствующие напряженно вытянули шею. Карта была великолепной — пятерка.

— У банкира восемь, — объявил крупье.

Бонд сидел неподвижно. Ле Шиффр неожиданно по-волчьи оскалился, видимо решив, что он, должно быть, выиграл эту партию.

Крупье с извиняющимся видом протянул лопаточку к картам Бонда. За столом никто не сомневался, что Бонд проиграл.

Лопаточка крупье перевернула розовые карты. В лучах люстры веселой улыбкой сверкнули две дамы красной масти.

— И девять! — воскликнул крупье.

Над столом пронесся громкий вздох, и все враз загалдели.

Бонд не отрываясь смотрел на Ле Шиффра. Его огромное тело откинулось назад, как будто с ним случился сердечный приступ. Он несколько раз открыл рот, как бы намереваясь произнести что-то, затем схватился рукой за горло и весь сжался. Губы у него посинели.

В тот момент, когда к Бонду пододвигали огромную гору жетонов, Ле Шиффр быстрым движением сунул руку во внутренний карман своего смокинга и кинул на стол пачку банкнот.

Пересчитав деньги, крупье объявил:

— В банке десять миллионов. — Он пододвинул в центр стопку жетонов достоинством в миллион франков каждый.

«Это самоубийство для Ле Шиффра, — по-

думал Бонд. — Этот человек дошел до той точки, откуда нет возврата. Это все, что у него осталось. Этот парень попал в ту же ситуацию, что и я час назад. И он повторяет все, что делал я. Но если он проиграет сейчас, то никто не придет к нему на помощь и никакое чудо его не спасет».

Бонд откинулся в кресле и закурил. На столике рядом с ним словно из воздуха возникли бутылка «Клико» и бокал. Не спрашивая, кому он был этим обязан, Бонд до краев наполнил бокал и опорожнил его двумя большими глотками. Затем он снова откинулся на спинку кресла, скрестив перед собой на столе руки.

Игроки слева от Бонда промолчали.

— Банк, — произнес он, обращаясь непосредственно к Ле Шиффру.

Ему еще раз сдали две карты, только на этот раз крупье положил их в треугольник, обозначенный на зеленом сукне скрещенными руками Бонда.

Бонд мельком взглянул на карты и, открыв их, бросил в центр стола.

— Девять, — объявил крупье.

Ле Шиффр вперил взгляд в своих двух черных королей.

— Баккара, — проговорил крупье и передвинул к Бонду солидную стопку жетонов.

Ле Шиффр проследил, как они перемести-

лись к остальным миллионам, лежавшим слева от Бонда, затем медленно поднялся и, не произнося ни звука, прошаркал мимо играющих к проходу в ограждении. Он снял цепочку, отделявшую стол от зрителей, и, не закрыв за собой вход, тяжелой походкой направился через коридор, образованный расступившейся публикой. На него смотрели с любопытством и даже с каким-то испугом, как будто он нес на себе печать смерти.

Затем он исчез из поля зрения Бонда. Бонд поднялся, взял фишку достоинством в сто тысяч и передал ее ведущему партию. Прервав его излишества в благодарности, Бонд попросил отнести свой выигрыш в кассу. Остальные игроки начали покидать свои места. Без банкомета игра продолжаться уже не могла, да к тому же было уже половина третьего ночи. Бонд обменялся любезностями с соседями справа и слева и нырнул под перила к поджидавшим его Веспер и Феликсу Лейтеру.

Вместе они направились к кассе. Бонда пригласили в личный кабинет дирекции казино. На письменном столе лежала громадная груда выигранных им жетонов, к которой он добавил еще изрядное количество находившихся у него в карманах.

Все вместе это составило чуть больше семидесяти миллионов франков.

Бонд взял сумму, одолженную ему Феликсом Лейтером, наличными, а на оставшиеся сорок с небольшим миллионов попросил выписать чек на банк «Лионский кредит». Администрация тепло поздравила Бонда с крупным выигрышем и выразила надежду увидеть его сегодня вечером снова за игрой. Однако он дал уклончивый ответ и направился в бар, где вручил Лейтеру его деньги. Некоторое время они провели за дружеской беседой за бутылкой шампанского, обсуждая детали только что закончившейся игры. Затем Лейтер вытащил из кармана пулю 45 калибра и положил ее на стол перед Бондом.

— Я передал оружие Матису, — сказал он. — Он забрал его с собой. Его, как и меня, сильно озадачил тогда ваш кульбит с креслом. Когда все это случилось, он с одним из своих парней стоял сзади зрителей. Тому мерзавцу, который нападал на вас, удалось скрыться без осложнений. Можете представить себе, как они ругали себя, когда обнаружили, что представлял собой этот самопал. Матис попросил передать вам эту пулю на память, чтобы вы знали, чего вам удалось избежать. Головка пули имеет крестооб-

разную насечку, как у пули «дум-дум». Вам грозила очень серьезная опасность. Но с Ле Шиффом это связать не удалось. Тот человек пришел в казино сам по себе. Ребята забрали анкету, которую он заполнил при входе. В ней, конечно, сплошное вранье. Ему дали разрешение пронести с собой трость, так как у него было удостоверение инвалида войны. Эта публика, конечно, хорошо организована. Мы сняли с трости отпечатки его пальцев. Они сейчас уже на пути в Париж, и к утру, вероятно, мы сможем узнать о нем что-нибудь новое. — Лейтер достал еще одну сигарету. — Во всяком случае, все хорошо, что хорошо кончается. Вы здорово выпотрошили Ле Шиффра, хотя нам временами казалось, что все кончено. Вам, наверное, тоже так казалось.

Бонд улыбнулся.

— Этот конверт, который я получил тогда, был самым прекрасным подарком в моей жизни. Я действительно думал, что мне приходит конец. Ощущение было не из приятных. Воистину друзья познаются в беде. Как-нибудь я попробую оказать вам такую же любезность.

Он поднялся.

— Я сейчас отправлюсь прямо в гостиницу и спрячу это, — сказал он, похлопав себя по кар-

ману. — Мне не хотелось бы носить с собой смертный приговор, подписанный Ле Шиффром. У него могут возникнуть разные идеи. А потом мне хотелось бы отметить свой выигрыш. Что вы думаете по этому поводу? — Он обернулся к Веспер, которая с момента окончания игры не произнесла еще ни слова. — Не выпить ли нам по бокалу шампанского в ночном клубе, прежде чем мы отправимся спать? Я знаю преутонейший клуб. Он называется «Галантный король». Очень симпатичное место.

— Думаю, что с удовольствием составлю вам компанию, — охотно согласилась Веспер. — Пока вы прячете ваш выигрыш, я приведу себя в порядок. Встретимся у входа.

— А что вы думаете на этот счет, Феликс? — Бонд втайне надеялся побыть с Веспер наедине.

Лейтер посмотрел на Бонда и прочел это в его глазах.

— Я лучше немного отдохну перед завтраком, — сказал он, — сегодня выдался трудный денек. Я думаю, что завтра из Парижа меня попросят прояснить кое-какие детали. Есть несколько неясных моментов, но я займусь этим сам, без вас. Я провожу вас до гостиницы, а заодно присмотрю, чтобы каравелла с золотом дошла до гавани.

Держа руки на рукоятках пистолетов, они направились к себе по залитым лунным светом улицам. Было уже три часа ночи, но навстречу все еще попадались одинокие прохожие, а на стоянке у казино было припарковано много машин.

Короткое путешествие прошло без приключений. В гостинице Лейтер настоял на том, чтобы проводить Бонда до номера. В номере все вещи пребывали в том же порядке, в каком Бонд оставил их шесть часов назад.

— Обошлось на сей раз без красной дорожки и толпы встречающих, — пошутил Лейтер. — Но думаю, что вряд ли они на этом успокоятся. Нельзя исключать, что они попробуют еще что-нибудь затеять. Может быть, мне следует остаться с вами на ночь и составить вам компанию?

— Отдыхайте, — ответил Бонд. — Не беспокойтесь за нас. Без денег я для них не представляю большого интереса. У меня на всякий случай есть идея, как обезопасить их. Спасибо вам за все. Надеюсь, что мы еще поработаем с вами.

— Меня это вполне устраивает, — сказал Лейтер, — но при условии, что в нужный момент вы снова вытащите девятку и прихватите с

собой Веспер, — добавил он. С этими словами он вышел, закрыв за собой дверь.

Бонд остался один. После многолюдного казино и нервного напряжения, которое он испытывал в течение трех часов, играя против Ле Шиффра, он был рад побыть в одиночестве. Он с удовольствием разглядывал свою пижаму, лежавшую на кровати, щетку для волос на туалетном столике и другие вещи, действующие умиротворяюще на его возбужденные нервы. Затем он зашел в ванную, плеснул на лицо холодной воды и долго полоскал горло. Давали себя знать ссадины на затылке и на правом плече. Он с содроганием вспомнил, как ему дважды за сегодняшний день едва удалось избежать смерти. А теперь его ожидало сидеть всю ночь в номере и ждать, когда они опять явятся? А может быть, Ле Шиффр уже в пути, направляясь в Гавр или Бордо, чтобы сесть на корабль, который отвезет его куда-нибудь подальше от глаз и пуль СМЕРШа?

Бонд пожал плечами. Хорошенького понемножку. Он посмотрел на себя в зеркало, размышляя о том, как обстоят дела у Веспер с моральным кодексом. Ему хотелось растопить ее холодность и самоуверенность, увидеть в ее глубоких глазах слезы. В нем проснулось желание ощутить аромат ее черных волос и обладать ее

стройным телом. Он посмотрел в зеркало. В нем отразились прищуренные глаза, в которых светился сексуальный голод. Отвернувшись, он достал из кармана чек на сорок миллионов франков и сложил его вчетверо. Затем, выглянув в коридор и оставив дверь открытой, он, прислушиваясь к малейшему звуку, с помощью маленькой отвертки принялся за работу.

Пять минут спустя он еще раз внимательно осмотрел плоды своего труда, добавил в портсигар сигарет и, закрыв за собой на замок дверь, через коридор и холл вышел на залитую лунным светом улицу.

Жизнь в розовом свете?

Вход в клуб «Галантный король» был обрамлен семифутовой позолоченной рамой, в которую, по всей видимости, в свое время было вставлено огромное полотно с изображением какого-нибудь знатного европейца. Дверь находилась в дальнем углу зала, известного под названием «кухня», где размещались столы для игры в рулетку, доступные широкой публике. На некоторых столах игра все еще продолжалась. Помогая Веспер перешагнуть через порог, Бонд подавил в себе желание одолжить немного денег в кассе и сделать крупные ставки на одном из ближайших столов. Он решил, что это сочтут за дешевый жест со стороны безрассудного буржуа. Кроме того, выигрыш или проигрыш на этот раз был бы явным вызовом той удаче, которая пришла к нему волею судьбы.

Зал ночного клуба был небольшим и полутемным. Его освещали только свечи, вставлен-

ные в позолоченные подсвечники, пламя которых отражалось в развешанных на стенах зеркалах, украшенных золотыми рамами. Стены были затянуты темно-красным шелком, а кресла и банкетки обиты такого же цвета плюшем. В дальнем углу приглушенно звучала нежная мелодия популярной песни «Жизнь в розовом свете», исполняемая трио в составе пианиста, электрогитары и ударника. Обстановка была настолько уютной и располагающей, что Бонду казалось, что все находящиеся в зале испытывают возвышенные чувства.

Их проводили до столика, стоявшего в углу рядом с дверью. Бонд заказал бутылку «Мадам Клико» и яичницу с беконом.

Они сидели молча, слушая музыку. Повернувшись к Вesper, Бонд шепнул:

— Мне приятно находиться здесь с вами и сознавать, что мы успешно справились с нашим заданием. По-моему, этот вечер — прекрасное завершение сегодняшнего дня. Это словно заслуженная награда для нас обоих.

Он ожидал, что она улыбнется в ответ, но она произнесла довольно сухо и безразлично:

— Да, конечно.

Казалось, девушка была вся поглощена музыкой. Она сидела, упершись подбородком в ладони, и Бонд заметил, что у нее побелели паль-

цы, как это бывает, когда с напряжением сожмешь кулак.

Веспер сосредоточенно курила предложенную Бондом сигарету, зажав ее между большим и указательным пальцами, как это делают обычно художники, держа в руках карандаш. Она постоянно стряхивала пепел даже тогда, когда его не было на кончике сигареты.

Отмечая все эти детали, Бонд испытывал желание поближе узнать эту девушку, вызвать в ней ответные чувства, почувствовать, что и она разделяет с ним то ощущение приятного тепла и непринужденности, которые он испытывал сам в этот вечер. Вместе с тем он не торопил ее и мирился с ее сдержанностью, полагая, что она пытается тем самым защититься от его чар или, во всяком случае, достойно отреагировать на его нарочитую холодность, проявленную накануне, которая не прошла для нее бесследно.

Они выпили шампанского, немного поговорили о событиях дня, посудачили о Матисе и Лейтере и обсудили возможные последствия сокрушительного проигрыша для Ле Шиффра. О последнем он высказывался осторожно, стараясь не сообщить ей всего, что ему было известно об этом типе, сверх того, о чем ей рассказывали во время инструктажа в Лондоне. Она

призналась, что она тоже, конечно, заметила телохранителей Ле Шиффра, но ни у нее, ни у Лейтера тогда не возникло каких-либо подозрений, когда человек с тростью встал за спиной у Бонда. Она не могла даже представить себе, что кто-нибудь может даже попытаться выкинуть что-нибудь подобное в казино. После того как Бонд с Лейтером ушли в гостиницу, она позвонила в Париж представителю М. и проинформировала его о результатах игры. Ей пришлось докладывать об этом полупонамеками, как это предусматривалось полученной ею инструкцией, независимо от результата игры. М. приказал, чтобы его информировали лично в любое время дня или ночи. Однако связной, с которым она разговаривала, никак не отреагировал на ее звонок.

Изредка посматривая на Бонда, девушка маленькими глотками отпивала шампанское. Вид у нее был серьезный и сосредоточенный. Бонд подумал с досадой, что его радужным надеждам на интимный вечер сбыться сегодня не суждено. И хотя он уже довольно много выпил за сегодняшний вечер, тем не менее он заказал еще одну бутылку шампанского. Принесли мясо и яичницу, и они молча принялись за еду.

Около четырех часов, когда Бонд уже соби-

рался попросить принести счет, у столика вдруг возник метрдотель и, обратившись к мисс Линд, вручил ей записку. Она тут же взяла записку из его рук и быстро прочла, не показывая Бонду.

— О, это всего-навсего привет от Матиса, — произнесла она безразличным тоном. — Он просит меня подойти к выходу. У него для вас есть сообщение. Видимо, он не одет должным образом или еще что-нибудь. Я отлучусь на минутку, а затем мы отправимся по домам. — Девушка через силу улыбнулась: — Боюсь, что сегодня вечером я была не очень хорошим компаньоном для вас. День был довольно нервный и напряженный. Я очень извиняюсь за это.

Бонд небрежно что-то ответил на это и, отодвинув стул, поднялся.

— Я возьму счет, — сказал он, наблюдая, как она направилась к выходу.

Затем он снова присел и задумчиво закурил сигарету. Он почувствовал себя вконец опустошенным и внезапно поймал себя на мысли, что здорово устал. Духота в зале, которую он до этого не замечал, подействовала на него так же удручающе, как и накануне в казино. Бонд попросил принести счет и сделал последний глоток шампанского. Оно почему-то немного горчило. Бонду чертовски захотелось вдруг увидеть при-

ветливое лицо Матиса, узнать о последних новостях и даже услышать от него заслуженные слова поздравлений.

Размышляя об этом, он вдруг подумал о том, что записка, полученная Веспер, выглядела несколько странной. Матис так поступить не мог. Он бы наверняка пригласил их обоих в бар казино или же присоединился к ним сам в ночном клубе, даже если он и был бы одет самым неподобающим образом. Они бы могли вместе здорово повеселиться. У Матиса, видимо, было много чего рассказать Бонду. Например, об аресте болгарина, который, вероятно, дополнил детали происшествия. Интересно было также послушать, как Матис пытался задержать того человека с тростью и каков был маршрут Ле Шиффра после того, как тот покинул казино.

Бонд быстро расплатился и, не ожидая сдачи, торопливо направился к выходу, пропустив мимо ушей пожелание доброй ночи метрдотеля и швейцара у входа в ресторан.

Он пересек игровой зал и внимательно оглядел холл передней. В холле находилось несколько человек сотрудников казино и две или три пары мужчин и женщин в вечерних туалетах, которые получали свои вещи в гардеробной.

Ни Веспер, ни Матиса там не было. Бонд

выругался про себя и ускорил шаги. Он почти бежал. Достигнув входа, он огляделся. На стоянке было запарковано несколько автомашин, но в них никого не было.

Подошедший швейцар спросил:

— Желаете такси, месье?

Бонд жестом отстранил его и побежал по ступенькам вниз, обшаривая глазами затемненные места.

Он уже пробежал почти половину лестницы, как откуда-то справа раздался сдавленный женский крик и звук захлопнувшейся дверцы автомобиля. С оглушительным ревом из темноты вылетел, пробуксовывая на гальке, похожий на черного жука «Ситроен». Автомобиль раскачивался на мягкой подвеске, и казалось, что там, внутри, происходила отчаянная борьба. С ревом машина промчалась сквозь широкие ворота. Из приоткрытого окна «Ситроена» вылетел какой-то предмет и упал на цветочную клумбу. Послышался визг покрышек, когда машина свернула налево, потом скрежет переключаемого рычага скоростей, и шум мотора стал быстро удаляться по направлению центральной улицы, ведущей к прибрежному шоссе.

Бонд был уверен, что в цветочной клумбе он непременно найдет сумочку Веспер. Подхватив

ее, он подбежал к ярко освещенной лестнице и, не обращая внимания на стоящего рядом швейцара, стал лихорадочно рыться в ее содержимом.

Среди обычных предметов женского туалета он обнаружил смятую бумажку.

«Не могли бы вы на минутку выйти в холл? У меня есть новости для вашего компаньона.

Рене Матис».

Черный заяц и серая гончая

Это была грубейшая подделка.

Бонд прыжком метнулся к своему «Бентли», благословляя то мгновение, когда он решил поехать на нем в клуб, и вдавил педаль газа в пол до отказа. Мотор завелся сразу же, и его рев заглушил возмущенные выкрики отпрянувшего в сторону швейцара, когда на его отутюженные брюки из-под задних колес брызнул поток песка и гальки.

Выехав из ворот и свернув налево, Бонд стал разыскивать глазами мчавшийся впереди «Ситроен».

Включив самую большую скорость, Бонд пустился в погоню, прислушиваясь к звукам своего двигателя, которые отражались мощным эхом от стен зданий, расположенных на коротенькой центральной улице города.

Вскоре он очутился на приморском шоссе. Оно извивалось широкой лентой среди песча-

ных дюн и было знакомо ему после его утренней поездки. Покрытие дороги было великолепным, и все повороты были оборудованы ограждениями. Бонд увеличил скорость до восьмидесяти, затем до девяноста миль в час. Огромные фары фирмы «Маршалл», вгрызаясь в ночную тьму, освещали дорогу почти на километр вперед.

Он был уверен, что «Ситроен» должен был поехать именно по этой дороге. Он слышал его отдаленный рев где-то впереди и видел, что на поворотах еще оседала поднятая им пыль. Бонд надеялся, что вскоре увидит лучи фар догоняемой им машины. Ночь была тихой и ясной. Только где-то вдали от берега поднимался легкий летний туман. Иногда были слышны приглушенные гудки идущих судов.

Все убыстряя движение, он мысленно ругал Веспер и М. за то, что тот прислал ее и что она так легко согласилась на это.

Случилось то, чего он больше всего боялся. Эти проклятые женщины всегда воображают, что могут справиться с мужской работой. Какого черта они не могут оставаться дома и заниматься своими кастрюлями и сковородками? Или тряпками и сплетнями, и оставить мужчинам то, что те должны делать сами. И надо же, все это свалилось теперь на него, после того как он так великолепно выполнил задание! Чтобы

Веспер так попалась на старом трюке и позволила похитить себя, как какую-нибудь красотку из примитивного мультфильма. И, наверное, теперь за нее потребуют приличный выкуп. Глупая башка.

Бонд кипел от злости, что попал в такую непростительную ситуацию.

Они, конечно, возлагают надежды на прямой обмен — девица против чека на сорок миллионов. Ну, тут его голыми руками не возьмешь. Никаких обменов. Она работает в Секретной службе и знала, на что шла. Он даже не будет сообщать М. о случившемся. Задание важнее, чем она.

Однако все обстоит слишком плохо. Веспер, конечно, чудесная девушка, но он не даст поймать себя на такие детские трюки. Никаких игр. Он попробует догнать этот «Ситроен» и расстрелять его со всеми его пассажирами. Конечно, если при этом пострадает и девушка, то это будет не очень здорово. Он сделает, однако, все, что только от него зависит, чтобы попытаться спасти Веспер, прежде чем «Ситроену» удастся скрыться. Но если вдруг он не догонит похитителей, то он вернется в гостиницу, ляжет спать и больше об этом не будет даже вспоминать. Утром он лишь поинтересуется у Матиса, что с ней произошло, и покажет ему записку. Если Ле

Шиффр затеял все это для того, чтобы обменять девушку на деньги, то Бонд не будет ничего предпринимать. Она должна будет смириться со своей судьбой. Если швейцар попытается кому-нибудь рассказать о том, что видел, то Бонд объяснит, будто он в пьяном виде просто поссорился с девушкой.

Огромный автомобиль Бонда мчался по прибрежной дороге. Вписываясь в повороты и стараясь не задеть попадающиеся навстречу повозки и велосипедистов, направляющихся в Рояль, Бонд судорожно обдумывал возникшую ситуацию. На прямых отрезках дороги, когда он включал форсаж, двигатель его машины издавал резкий звук, напоминавший болезненный крик. В эти моменты скорость доходила до 110 и 120 миль в час. Бонд настигал «Ситроен» довольно быстро. С такой нагрузкой «Ситроен» вряд ли мог выжать больше восьмидесяти миль в час, даже по такой безупречно ровной дороге. По какому-то наитию Бонд снизил скорость до семидесяти миль в час, включил противотуманные фары и притушил основной свет. Так он мог бы легче заметить огни впереди идущей машины. Из укромного места Бонд извлек длиннотвольный пистолет 45 калибра, который положил на сиденье рядом с собой. С его помощью, если повезет и дорога будет ровной, он

сможет без труда попасть в покрывающие «Ситрое-на» или его бензобак с расстояния уже около сотни ярдов.

Затем он вновь включил дальний свет и снова рванулся в погоню. Бонд постепенно успокоился и почувствовал себя легче. Опасения за жизнь Веспер больше его не волновали. Выражение его лица, освещаемого голубоватым светом приборов, было мрачным и в то же время безмятежным.

А впереди, в «Ситроене», как можно было разглядеть, находилось трое мужчин и одна девушка.

Вел машину сам Ле Шиффр. Его огромное тело наклонилось вперед, но руль он держал легко и даже свободно. Сбоку от него сидел коротышка, который принес тогда смертоносную трость в казино. Левой рукой он что-то сжимал, — вероятно, рукоятку для регулировки сиденья водителя.

На заднем сиденье находился высокий и тощий телохранитель. Он расслабленно откинулся на спинку сиденья, уставившись в потолок, и, очевидно, не обращал никакого внимания на скорость, с которой мчался автомобиль. Правая его рука похотливо дотрагивалась до обнаженного бедра Веспер, лежавшей рядом с ним. Длинная черная бархатная юбка девушки была задра-

на выше головы и завязана наверху веревкой. На уровне лица Веспер было проделано отверстие, чтобы она не задохнулась. Девушка тихо лежала на сиденье, перекатываясь из стороны в сторону на поворотах.

Ле Шиффр внимательно наблюдал за дорогой и за светом фар догонявшей их машины, которую он видел в зеркале заднего вида. Казалось, ему было совершенно безразлично, что расстояние между ними быстро сокращалось и что зайца от гончих отделяла всего лишь одна миля. Он даже снизил скорость до шестидесяти миль в час, а преодолев очередной поворот, снизил скорость еще больше. В сотне ярдов впереди стоял щит с рекламой фирмы «Мишелин», рядом с которым находился съезд на проселочную дорогу.

— Внимание, — резко бросил он, обращаясь к человеку, сидевшему рядом с ним. Рука того еще крепче вцепилась в рукоятку. Чуть не доехав до пересечения дорог, Ле Шиффр снизил скорость до тридцати миль в час. В зеркале он видел свет фар машины Бонда, приближавшейся к повороту.

Казалось, что Ле Шиффр решился на что-то.

— Открыть! — крикнул он.

Сидящий рядом с ним человек резко дернул рукоятку на себя. Открылась крышка багажни-

ка, словно огромный кит разинул свою пасть. Затем послышалось звонкое металлическое лязгание чего-то по поверхности дороги. Казалось, что за машиной тащилась длинная цепь.

— Закроить, — вновь приказал Ле Шиффр.

Человек резко опустил рукоятку вниз, и звуки прекратились.

Ле Шиффр опять посмотрел в зеркало. Машина Бонда только начала входить в поворот. Ле Шиффр, как заправский гонщик, резко бросил машину влево и перешел на узкую боковую дорогу, потушив одновременно фары.

Затем резко остановил машину, и вся троица быстро выскочила на обочину. Они спрятались за небольшой насыпью, огораживающей проселочную дорогу, которую в этот момент ярко осветили фары «Бентли». У всех троих в руках блеснули револьверы, а тощий зажал в правой руке что-то напоминающее большое черное яйцо. «Бентли» летел в их сторону со скоростью экспресса.

Мурашки по коже

Входя в поворот и стараясь удержать машину от заноса, Бонд обдумывал план действий, когда расстояние между машинами уменьшится. Он предположил, что водитель противника попытается свернуть на боковую дорогу, если у него появится такая возможность. Поэтому, проехав поворот и не увидев никаких огней впереди, он инстинктивно убрал ногу с педали газа и приготовился притормозить у рекламного щита.

Спидометр «Бентли» указывал скорость около шестидесяти миль в час, когда Бонд увидел темную полосу поперек дороги, которую он сначала принял за тень от стоящего справа на обочине дерева. Если бы это было не так, то у него все равно уже не оставалось времени, чтобы спастись. Внезапно перед ним блеснула похожая на коврик лента из блестящих стальных щипов. И в следующее мгновение передние колеса «Бентли» наехали на нее.

Бонд молниеносно нажал на тормоз и изо всех сил постарался удержать машину, но это ему не удалось. Через несколько секунд раздался громкий скрежет ободов содранных колес, и тяжелый автомобиль с ходу занесло юзом поперек дороги. От страшного удара об ограждение дороги Бонд очутился на полу. Затем автомобиль вернулся в исходное положение, его бешено вращающиеся передние колеса медленно оторвались от земли, и мощные фары осветили небо. Какое-то мгновение машина стояла вертикально вверх, напоминая огромного богомола с поднятыми вверх лапками, затем медленно завалилась назад, со страшным грохотом рухнув на землю. Раздался скрежет сминаемого кузова и звон разбивающихся стекол.

В наступившей оглушающей тишине переднее колесо со скрипом сделало еще несколько стремительных оборотов и остановилось.

Ле Шиффр со своими людьми находился в нескольких шагах от этого места.

— Спрячьте свои пушки и общитесь его, — грубо приказал он. — Я прикрою вас. Будьте с ним осторожны. Мне не нужен труп. И поторопитесь, уже светает.

Двое мужчин встали на колени. Один из них достал длинный нож, прорезал матерчатую крышу автомобиля и взял Бонда за плечи. Тот поте-

рял сознание и был недвижим. Другой, с трудом протиснувшись между перевернутой машиной и ограждением, проник внутрь машины через разбитое окно. Он освободил ноги Бонда, зажатые между рулем и смятой крышей. Затем они медленно вытащили его наружу и уложили на асфальт. Пот лил с них градом, и они все перемазались пылью и маслом.

Тощий пощупал пульс Бонда и сильно несколько раз ударил его по щекам. Бонд застонал и пошевелил рукой. Тощий снова ударил его.

— Хватит! — резко прикрикнул на тощего Ле Шиффр. — Свяжите ему руки и суньте в мою машину. — С этими словами он протянул ему моток электрического провода. — Обыщите его и дайте мне его пушку. У него может быть и другое оружие, но с этим мы разберемся позже.

Он взял все предметы, извлеченные тощим из карманов Бонда, и, не разглядывая их, разложил по своим широким карманам. Туда же он отправил и пистолет Бонда.

Оставив Бонда на своих подручных, он направился к машине. На его лице не отражалось никаких эмоций — ни удовольствия, ни разочарования.

Боль от впившейся в кисти рук проволоки привела Бонда в чувство. У него ныло и болело все тело, как будто его избили деревянной ду-

бинкой. Но когда его поставили на ноги и потащили к боковой дороге, где стоял с работающим двигателем «Ситроен», он понял, что кости, к счастью, целы. Но сил, чтобы попытаться освободиться, у него не было, и он без сопротивления дал уложить себя в машину.

У него не было абсолютно никаких сил — ни духовных, ни физических. Слишком многое ему пришлось выдержать за прошедшие двадцать четыре часа, и этот последний удар, подло нанесенный противником, казался ему почти фатальным. На этот раз надеяться на чудо не приходилось. Никто не знал, где он находится, никто не хватится его до утра. Разбитую машину найдут, видимо, сразу, но, чтобы определить, кто ее владелец, потребуется немало часов.

А что с Веспер? Он посмотрел вправо, на откинувшуюся на заднем сиденье фигуру с закрытыми глазами. Сначала он разозлился на нее. Чертова дурочка. Так попасться на глупый трюк, как цыпленок. И еще эта юбка, задранная на голову, которая делала ее похожей на свернутый ковер из спальни. Но затем, увидев ее по-детски беспомощно раскинутые ноги, ему стало жаль девушку.

— Веспер, — тихонько позвал он ее.

Бонд почувствовал, что внезапно он похолодел, когда из свертка, лежавшего в углу, не

раздалось ни звука, но затем он увидел, что девушка слегка пошевелинулась.

Но тут же тощий нанес ему в грудь сильнейший удар, целясь в самое сердце.

— Молчать! — заорал он.

Бонд согнулся от боли и попытался увернуться от следующего удара. Но на этот раз резкий удар пришелся по основанию шеи. Его тело откинулось назад, дыхание вырывалось со свистом.

Тощий бил профессионально. Даже в том, как он наносил эти удары, безо всяких усилий и так точно, заключалось нечто устрашающее. Он был одним из тех, кого нужно было остерегаться больше всего. Он был по-настоящему опасен. Бонду смертельно захотелось, чтобы у него появилась когда-нибудь возможность убить этого негодяя.

Внезапно крышка багажника резко откинулась назад, и вновь послышался металлический клацающий звук. Бонд догадался, что бандиты поджидали третьего, который убирал с дороги ленту с шипами. Он решил, что они использовали приспособление, сделанное из гвоздей, которое применялось во время войны французским Сопротивлением против немецких штабных автомобилей.

И снова он подумал о профессионализме

этих бандитов и оригинальности снаряжения, которое они использовали. До конца ли М. оценил их изобретательность? Но он тут же подавил в себе желание взвалить всю вину на Лондон. Это ему следовало бы все самому предвидеть, не упускать из виду любую мельчайшую деталь, быть более во всем осторожным. От воспоминания о том, как он купался в шампанском в ночном клубе в то время, как противник готовил свой контрудар, ему стало не по себе. Он ругал себя, что поверил в то, будто победа в этом сражении осталась за ним и враг бежал.

За все это время Ле Шиффр не произнес ни слова. Сразу же, как только закрылся багажник, третий человек — Бонд узнал его с первого взгляда — залез в кабину и уселся рядом с Ле Шиффром. Тот мгновенно вывел машину на основную дорогу и, набрав скорость, помчался вниз к побережью.

Наступил рассвет. Было уже около пяти часов утра, как полагал Бонд. Он вспомнил, что через пару миль будет поворот к вилле Ле Шиффра. Как он не подумал, что Веспер была для них лишь мелкой рыбешкой, которую использовали для поимки макрели. Теперь ему все стало ясно. Картина получилась не очень привлекательной. Впервые с момента своего пленения Бонд испытал разливавшийся по телу страх.

Десять минут спустя «Ситроен» резко свернул влево и, проехав еще около сотни ярдов по узкой, частично заросшей травой дороге и миновав арку из двух ветхих гипсовых колонн, въехал на неухоженный двор, окруженный высокой стеной. У обшарпанных белых дверей автомобиль остановился. Чуть выше заржавевшей кнопки звонка к дверной раме была прибита небольшая деревянная табличка с оцинкованными буквами, гласившая — «Полуночники», и ниже — «Просьба звонить».

Вилла, которую увидел Бонд, была обычным домом, какие часто можно встретить на французском побережье. Он представил себе, как из него торопливо выбрасывали пустые, из синего стекла, бутылки, перед тем как сдать его на лето, и как уборщица, присланная агентами по недвижимости из Руайаля, срочно проветривала затхлые комнаты. Побелка комнат один раз в пять лет и наружная покраска деревянных деталей — и в течение нескольких недель вилла улыбается миру своим обновленным фасадом. Затем за работу примутся зимние дожди, так же как и оставшиеся в доме на зиму мухи, и очень быстро вилла приобретает свой заброшенный вид.

«Но, — подумал Бонд, — этот дом сегодня прекрасно послужит Ле Шиффру». Интересно,

что его тут ожидает? По дороге сюда они не встретили ни одного дома, а после своей утренней разведки Бонд знал, что в нескольких милях отсюда располагалась одна-единственная во всей округе ферма.

Резким ударом локтем под ребра ему дали знак выйти из машины, и Бонд понял, что в течение нескольких часов Ле Шиффр займется им лично и ему никто не сможет помешать. И снова у него по телу пробежали мурашки.

Ле Шиффр открыл ключом дверь и исчез в ее проеме. Вечер в свете начинающегося дня выглядела невероятно несчастной. Человек, которого Бонд про себя прозвал «корсиканец», потоком отборной французской брани заставил девушку войти в дом вслед за Ле Шиффром. Бонд проследовал сам, не давая возможности тощему подтолкнуть его.

В замке парадной двери щелкнул ключ. Ле Шиффр стоял в дверях, ведущих в комнату направо. Скрюченным пальцем он паучьим жестом поманил Бонда к себе. Вечер в это время повели по коридору в дальний конец дома.

Так как руки Бонда были крепко связаны проводом, единственным его оружием оставались ноги, но у Бонда не было никакого специального плана действий. Ему просто хотелось нанести наибольший урон телохранителям и

быстро обменяться с девушкой парой слов, посоветовать ей не поддаваться этим бандитам. И все же Бонд решил действовать. Резко развернувшись, он сильно ударил ногой тощего в бедро, от чего тот громко вскрикнул и бросился бежать по коридору вслед за Веспер.

Когда «корсиканец» обернулся на шум, Бонд уже стремительно летел к нему, целясь правой ногой ему в пах. С быстротой молнии «корсиканец» отпрыгнул к стене коридора и в момент, когда нога Бонда приблизилась к нему, быстро и ловко левой рукой поймал Бонда за лодыжку и резко вывернул ее.

Потеряв устойчивость, Бонд оторвался от пола. В воздухе его тело по инерции развернулось, и, ударившись о стену, Бонд рухнул поперек коридора. От удара у него перехватило дыхание, и какое-то мгновение он лежал недвижимо. Затем к нему подошел тощий и, схватив за воротник, прислонил его к стене. В руке у него был пистолет. Тощий вопросительно смотрел Бонду в глаза. Затем не спеша наклонился и изо всех сил ударил Бонда стволом пистолета по голени.

Застонав, Бонд упал на колени.

— Попробуешь еще, получишь по зубам, — рывкнул тощий на плохом французском языке.

Хлопнула дверь, и Веспер с «корсиканцем»

исчезли. Бонд повернул голову вправо. Ле Шиффр на несколько шагов продвинулся по коридору и снова поманил Бонда пальцем. И тут он заговорил в первый раз:

— Пойдемте со мной, мой дорогой друг. Мы теряем время.

Он говорил на английском без всякого акцента. Голос у него был низким, тихим и неторопливым, без каких-либо эмоций. Он был похож чем-то даже на врача, вызывающего из приемной нервного и возбужденного пациента, который только что разругался с медсестрой.

Бонд вновь почувствовал себя слабым и беспомощным. Никто другой, кроме специалиста по джиу-джитсу, не мог так обработать его, как это сделал «корсиканец».

Почти смирившись, Бонд побрел по коридору. Его неуклюжее сопротивление этим людям ничего не принесло ему, кроме пары лишних синяков.

Шагая впереди тощего, он понял, что полностью находится в их власти.

«Мой дорогой мальчик»

Они вошли в большую полупустую комнату, меблированную в дешевом французском «новом» стиле. По обстановке было трудно судить о ее предназначении — то ли это была гостиная, то ли столовая. У противоположной от двери стены, закрывая ее почти всю, стоял хлипкий буфет с зеркалами вместо стекол, на котором высились стеклянная ваза для фруктов и два деревянных раскрашенных подсвечника. У стены напротив помещалась софа, обтянутая выцветшей розовой материей, которая абсолютно не гармонировала с буфетом. Посредине комнаты под фарфоровой люстрой лежал на полу заляпанный пятнами какого-то футуристического рисунка в коричневых тонах небольшой коврик.

Дальше у окна стояло несуразное, похожее на трон кресло со спинкой из резного дуба и красным бархатным сиденьем. Рядом располо-

жился низенький столик с пустым графином и двумя стаканами. К столику было придвинуто легкое плетеное кресло.

Полуопущенные жалюзи закрывали вид из окна на улицу, хотя и пропускали лучи утреннего солнца, освещавшие невзрачную мебель, стены, обклеенные яркими обоями, и обшарпанный паркет.

Ле Шиффр указал на плетеное кресло.

— Это, пожалуй, нам подойдет наилучшим образом, — сказал он, обращаясь к тощему. — Быстро подготовь его. Будет сопротивляться, дай ему, но не сильно.

Он повернулся к Бонду. Лицо его было бесстрастным, и круглые глаза ничего не выражали.

— Снимите одежду, — приказал он. — За каждую попытку оказать сопротивление Базиль будет ломать вам по одному пальцу. Мы серьезные люди, а состояние вашего здоровья нас абсолютно не интересует. Останетесь ли вы в живых или умрете, будет зависеть от результатов предстоящего нам с вами разговора.

Он подал знак тощему и вышел из комнаты. Но то, за что первым делом принялся этот тощий тип, вызвало у Бонда большое удивление. Открыв складной нож, которым тощий резал брезент на крыше машины Бонда, он схватил плетеное кресло и быстрым движением вырезал

из него сиденье. Затем он направился к Бонду, засовывая нож в нагрудный карман, словно это была авторучка. Развернув Бонда к свету и развязав проволоку на его запястьях, тощий быстро отскочил в сторону. В руке у него вновь оказался нож.

— Живее, — взвизгнул он.

Бонд стоял, растирая опухшие руки и сообщая про себя, сколько времени он смог бы выиграть, затягивая дело. Однако продолжалось это всего один миг. Свободной рукой тощий схватил Бонда за воротник фрака и резким движением стянул его вниз, лишив таким образом свободы руки. Бонд попытался было увернуться от этого старого полицейского приема, упав на одно колено, но тощий проделал то же самое и, приставив нож к спине Бонда, полоснул им сверху вниз. Бонд чувствовал, как острое лезвие движется вдоль его позвоночника, и слышал треск разрезаемой материи. Рукам сразу же стало свободно, и две половины фрака разлетелись в стороны.

Он выругался и поднялся на ноги. Тощий опять стоял и держал наготове нож. Бонд стряхнул с себя обе половинки фрака.

— Давай, давай, — с оттенком нетерпения в голосе прошипел тощий. Бонд с презрением по-

смотрел на него и начал медленно расстегивать рубашку.

В комнате неслышно вновь появился Ле Шиффр. В руках он держал чайник. Запахло кофе. Он поставил чайник на маленький столик у окна, а рядом с ним положил метровой длины плетеную выбивалку для ковров и массивный нож для разделки мяса.

Удобно усевшись в похожее на трон кресло, он налил себе кофе в один из стаканов и ногою пододвинул к Бонду плетеное кресло с вырезанным сиденьем.

Бонд стоял посреди комнаты, обнаженный, весь покрытый огромными синяками. Лицо его выглядело изможденным и посеревшим.

— Садитесь. — И Ле Шиффр кивком головы указал на кресло, стоявшее перед ним.

Бонд подошел и сел.

Тощий достал электрический шнур и прикрутил им запястья рук Бонда к ручкам кресла. Затем он проделал то же самое с ногами Бонда, привязав их к передним ножкам, и, пропустив шнур под мышками, стянул его крепким узлом за спинкой кресла. Сделал он все это весьма профессионально. И узлы, и сама проволока глубоко врезались в тело Бонда, оставляя кровавые рубцы. Раскачать кресло Бонд никак не мог, связанный по рукам и ногам и лишенный опо-

ры. Нижняя часть его тела провалилась в дыру кресла. Он был полностью у них в руках — голый и беззащитный.

Ле Шиффр кивнул тощему, и тот не спеша вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

На столе лежала пачка сигарет «Галуаз» и зажигалка. Ле Шиффр закурил и сделал большой глоток кофе. Затем, поудобнее взяв в руку плетеную выбивалку, верхняя часть которой была выполнена в виде трилистника, он засунул ее под кресло Бонда. Внимательно, почти ласково глядя в глаза Бонду, он внезапно резко нажал на лежавшую у него на коленях рукоятку выбивалки. Результат был ошеломляющим.

Тело Бонда изогнулось от непроизвольной судороги. Лицо искривилось в ужасной гримасе, рот открылся от безмолвного крика. Голова откинулась назад, на шее вздулись вены. На какое-то мгновение все мышцы Бонда напряглись от невыносимой боли, так что проволока еще глубже врезалась в тело. Кулаки Бонда крепко сжались, пальцы рук побелели. Затем он обмяк, по всему телу заструился пот, и Бонд издал протяжный стон.

Ле Шиффр ждал, когда Бонд откроет глаза.

— Теперь тебе все ясно, дорогой мальчик? — Он широко улыбнулся. — Ситуация тебе понятна?

Капли пота падали на грудь Бонда.

— Теперь займемся делом и посмотрим, как побыстрее вызволить вас из того неприятного положения, в которое вы попали.

Ле Шиффр с ухмылкой затаился сигаретой и предупреждающе постучал по полу под креслом Бонда своим инструментом пытки.

— Мой дорогой мальчик, — Ле Шиффр говорил отеческим тоном, — игра в индейцев окончена, окончена навсегда. Вам не повезло, вы решили сыграть во взрослые игры. Теперь, я надеюсь, вы понимаете их печальные последствия? Вас не подготовили должным образом, мой дорогой мальчик, как играть со взрослыми. Было очень глупо со стороны вашей няни в Лондоне прислать вас сюда с ведерком и лопаткой для игры в песочнице. Несомненно, это было очень глупо и очень неудачно для вас. Но, мой приятель, давайте кончим эти шуточки, хотя я и уверен, что вы хотели бы послушать и продолжение моей поучительной сказочки.

Вдруг он резко сменил свой добродушный тон и бросил на Бонда резкий, ненавидящий взгляд.

— Говори, где деньги? — прорычал он.

Налитые кровью глаза Бонда смотрели в пустоту. И снова последовал резкий выпад Ле Шиффра, и все тело Бонда вновь свело от боли. Ле

Шиффр терпеливо ждал, когда жертва придет в себя и сможет открыть глаза.

— Мне, вероятно, следует объяснить вам, — осклабился Ле Шиффр, — что я собираюсь продолжать воздействовать на чувствительные части вашего тела до тех пор, пока вы не ответите на мой вопрос. У меня нет никакого чувства жалости, и я не дам вам передышки. Здесь никого нет, кто бы смог спасти вас в последнюю минуту, и у вас нет шансов сбежать отсюда. Здесь не приходится рассчитывать на сказку со счастливым концом, когда злодей наказан, а герой получает медаль и женится на красотке. К сожалению, в реальной жизни такие истории не происходят.

Если вы будете продолжать молчать, то я доведу вас до грани помешательства, а потом мы приведем еще сюда вашу подругу и займемся также и ею в вашем присутствии. Если и это не поможет, то вы оба погибнете мучительной смертью и я с неохотой оставлю здесь ваши тела, а сам уеду за границу, где меня дожидается уютный домик. Там я займусь каким-нибудь полезным и прибыльным делом и доживу до глубокой и мирной старости в окружении своей семьи, которую я, несомненно, создам. Таким образом, мой мальчик, как вы видите, я ничем не рискую.

Вернете деньги — очень хорошо. А если нет, то я только пожму плечами и займусь своим делом.

Он замолчал и шевельнул лежащей на колене рукояткой. Бонд сжался, когда плетеное оружие пытки вновь врезалось в его тело.

— Но, мой дорогой друг, у вас есть единственная надежда прекратить ваши страдания и сохранить жизнь. Кроме этой надежды, у вас ничего нет. Абсолютно ничего. Ну и как?

В ожидании боли Бонд закрыл глаза. Он знал, что самое худшее — это когда тебя начинают пытать. Агония нарастает по параболической кривой. Она доходит до пиковой отметки, затем нервы реагируют все меньше и меньше, пока не наступает беспамятство и смерть. Все, что он мог сделать в этой ситуации, это молиться о том, чтобы боль достигла наивысшей отметки, чтобы у него хватило духа дотерпеть до этого момента и скатиться вниз к полному беспамятству.

Коллеги рассказывали ему — те, которым удалось перенести пытки у немцев и японцев, что к концу наступает изумительный период, когда тебе становится тепло и все безразлично, наступают какие-то сексуальные сумерки, и боль оборачивается удовольствием, а ненависть и

страх превращаются в мазохистскую страсть. И, как ему говорили, способность скрыть это состояние является наивысшим проявлением силы воли. Ибо, как только мучители понимают, в каком состоянии ты находишься, они или немедленно убивают свою жертву, чтобы не заниматься больше бессмысленным делом, или дают возможность прийти в себя, чтобы нервы вернулись в исходную точку параболы, после чего они могут снова приняться за дело.

Он на мгновение приоткрыл глаза.

Ле Шиффр ждал этого момента. Выбивалка в его руках подпрыгнула, как гремучая змея, и стала наносить один удар за другим до тех пор, пока Бонд не закричал, а тело его не задергалось в кресле, как марионетка.

Ле Шиффр прекратил пытку только тогда, когда заметил, что Бонд стал слабее реагировать на боль. Он на время откинулся в своем кресле и сидел, отхлебывая кофе, слегка нахмурившись, как хирург, наблюдающий за кардиографом во время сложной операции.

Когда веки Бонда дрогнули и он открыл глаза, Ле Шиффр вновь заговорил с ним, но в этот раз с ясными признаками нетерпения.

— Мы знаем, что деньги находятся где-то в вашей комнате, — произнес он. — Вы выписали

чек на сорок миллионов франков, и я знаю, что вы отправились в гостиницу, чтобы спрятать его.

На какое-то мгновение Бонд удивился, откуда у него такая уверенность.

— Сразу после того, как вы отправились в ночной клуб, — продолжал Ле Шиффр, — четверо моих молодцов обыскали ваш номер.

Бонд подумал, что в этом им, вероятно, помогли Мюнцы.

— Мы обнаружили массу интересных вещей в ваших тайниках, рассчитанных, видно, на детей. В поплавке сливного бачка мы нашли очень интересную книжечку с кодами и кое-какие ваши бумаги — приклеенными к задней стенке ящика письменного стола. Всю мебель мы разобрали по кусочкам, вся ваша одежда и занавески с простынями были тщательно изрезаны. Мы исследовали каждый дюйм поверхности вашей комнаты, развинтили все соединения, но, к нашему большому несчастью, мы не обнаружили чека. Если бы мы его нашли, вы бы сейчас спокойно спали, может быть, даже с прекрасной мисс Линд, а не находились бы здесь. — Он снова нанес Бонду сильный удар снизу вверх.

Сквозь красный туман Бонд подумал о Веспер. Он мог представить, что с ней сейчас дела-

ли те двое. Прежде чем Ле Шиффр пошлет за ней, они успеют многое сотворить с ней. Ему представились толстые мокрые губы «корсиканца», неторопливая расчетливая жестокость тощего. Жаль, что она попала в эту историю. Бедняжка!

Ле Шиффр снова заговорил.

— пытки — ужасная вещь, — проворчал он, прикуривая новую сигарету. — Но для того, кто пытается, они значительно облегчаются, если пациент, — он улыбнулся, произнося это слово, — настоящий мужчина. Видите ли, мой дорогой Бонд, с мужчиной не обязательно быть галантным. С помощью этого простого инструмента или почти любого другого предмета мужчине можно причинить боль сколько угодно или необходимо. Не верьте тем историям, о которых вы читали в книгах и романах о войне. Хуже того, что делаю я, не может быть. Вы не только начинаете сразу же агонизировать, но к вам приходит мысль о том, что постепенно вы, если не сознаетесь, перестанете быть мужчиной.

А это, мой дорогой Бонд, очень печальная и ужасная мысль. Вы долго агонизируете душой и телом, но в конце наступает такой момент, когда вы начнете упрашивать меня убить вас. И это неизбежно, если вы не скажете, где деньги.

Он налил себе еще кофе и, не торопясь, выпил. В уголках губ остались коричневые следы.

Губы Бонда свело от боли, когда он попытался произнести что-то. Наконец ему удалось выдавить звук из пересохшего горла.

— Пить, — только и смог произнести он, облизывая языком растрескавшиеся губы.

— Конечно, мой дорогой мальчик, как я мог забыть об этом. — Ле Шиффр налил немного кофе во второй стакан. Капли пота образовали круг вокруг кресла, на котором сидел Бонд.

— Конечно, нам нужно смазать язык. — Ле Шиффр положил выбивалку на пол и поднялся с кресла. Подойдя к Бонду со спины, он взял его мокрые от пота волосы и резко запрокинул голову назад. Он лил кофе в горло Бонду маленькими глотками, чтобы тот не подавился. Затем отпустил его голову, и она бессильно упала на грудь.

Ле Шиффр вернулся на место.

Бонд поднял голову и хриплым голосом произнес:

— Вы ничего не сможете сделать с этими деньгами. Полиция вас с ними вычислит.

Обессиленный от разговора, Бонд снова уронил голову на грудь. Он переоценил свое физическое состояние, но очень ненадолго, чтобы вы-

играть несколько минут и оттянуть момент наступления пронзительной боли.

— Да, мой дорогой друг, я совсем забыл сказать вам, — Ле Шиффр по-волчьи оскалился, — мы снова с вами встретились после нашей игры в казино, и вы, как порядочный человек, согласились сыграть со мной еще раз. Это был благородный жест, присущий английскому джентльмену.

К сожалению, вы проиграли, и это так расстроило вас, что вы сразу же решили уехать из Руайаля в неизвестном направлении. А будучи джентльменом, вы любезно передали мне записку с объяснением всех обстоятельств для того, чтобы у меня не возникло трудностей при получении денег по вашему чеку. Видите, дорогой мальчик, мы обо всем подумали, и вам не нужно беспокоиться за меня. — Он радостно захихикал. — Ну что, продолжим? У меня масса времени, и, по правде говоря, мне очень интересно посмотреть, как долго мужчина может выдержать такую форму, как бы сказать... поощрения. — И он заколотил выбивалкой по полу.

«Вот что он затеял», — подумал Бонд, и сердце у него окончательно упало. «В неизвестном направлении» означает под землю или в во-

ду, или самое легкое — под разбитую машину. Ну, если и придется умереть, то, во всяком случае, он должен попробовать несколько осложнить им эту задачу. У него не было надежды на то, что Матис или Лейтер успеют вовремя найти его. Но по крайней мере был шанс, что они смогут поймать Ле Шиффра прежде, чем тому удастся скрыться. Сейчас, должно быть, уже около семи, и разбитую машину уже обнаружили. Нужно сделать выбор меньшего из всех зол, но чем дальше Ле Шиффр его будет пытаться, тем больше шансов, что он будет отомщен.

Бонд поднял голову и посмотрел в глаза Ле Шиффру. Белки его глаз были красными от воспаленных сосудов, и поэтому зрачки напоминали две черные ягоды, плавающие в крови. Лицо у него было желтого цвета. Черная щетина вылезла из потной кожи. Из-за следов кофе в уголках его рта казалось, что Ле Шиффр улыбается. Полоски света, проникающие через шторы, причудливо играли на его лице.

— Нет, — ровным голосом сказал Бонд, — вы...

Ле Шиффр ухмыльнулся и яростно принялся за свою грязную работу, издавая рычание, как дикий зверь.

Через десять минут Бонд потерял сознание.

Ле Шиффр прекратил истязание. Свободной рукой он вытер пот с лица. Затем посмотрел на часы, казалось, он что-то решал про себя.

Он поднялся и встал рядом с неподвижным телом. Лицо Бонда было неестественного белого цвета. Грудь еле заметно вздымалась, что означало, что он еще был жив.

Ле Шиффр схватил Бонда за уши и резко рванул их вверх, после чего наклонился и несколько раз сильно ударил Бонда по щекам. От ударов голова Бонда моталась из стороны в сторону. Постепенно дыхание его стало более глубоким, и из раскрытых губ вырвался животный стон.

Ле Шиффр взял стакан с кофе и выплеснул немного его содержимого в открытый рот Бонда. Остатки он вылил ему на лицо. Глаза Бонда медленно приоткрылись.

Ле Шиффр вернулся на место и стал ждать. Он закурил сигарету, глядя на сочившуюся кровь, которая лужицами растекалась вокруг неподвижного тела сидящего напротив него человека.

Бонд снова жалостно застонал. Звук его голоса был мало похож на человеческий. Он открыл глаза и внимательно посмотрел на своего мучителя.

Ле Шиффр заговорил:

— Все, Бонд. Сейчас мы прикончим вас. Вы меня поняли? Не убьем вас, а именно прикончим. А потом притащим вашу подругу и посмотрим, что можно будет вытянуть из того, что от вас обоих останется.

Он протянул руку к столу.

— Попрощайтесь, Бонд.

Каменное лицо

Посторонний голос прозвучал как гром с ясного неба, ибо многочасовая процедура пытки предполагала присутствие только двоих, и лишь их голоса могли звучать здесь во время этих ужасных мучений. Затуманенное сознание Бонда с трудом восприняло это. И вдруг неожиданно он начал постепенно приходить в себя. Он понял, что снова может видеть и слышать. Он даже услышал, как наступила мертвая тишина после нескольких слов, прозвучавших от дверей. Он мог видеть, как Ле Шиффр медленно поднял голову и как выражение его лица, полное недоумения и неподдельного изумления, сменилось гримасой страха.

— Стоять на месте, — спокойно произнес голос.

За своей спиной Бонд слышал шаги медленно приближающегося человека.

— Бросьте это, — произнес голос.

Бонд увидел, как Ле Шиффр послушно разжал ладонь и нож с громким стуком упал на пол.

Бонд отчаянно пытался понять по лицу Ле Шиффра, что происходит у него за спиной, но оно ничего не выражало, кроме недоумения и ужаса. Ле Шиффр шевелил губами, но не мог произнести ни слова из-за напавшей на него икоты. Его толстые щеки задвигались, как будто он собрался накопить во рту побольше слюны, чтобы увлажнить язык и что-то сказать или спросить. Он слабо пошевелил руками, лежащими на коленях, и одну из них попробовал передвинуть ближе к карману, но тут же отказался от этой затеи. Его круглые, выпученные глаза на секунду опустились вниз, и Бонд догадался, что на Ле Шиффра навели пистолет.

Какое-то мгновение было тихо.

— СМЕРШ.

Это слово прозвучало почти как вздох, и прозвучало оно с такой уверенностью, что будто больше сказать было нечего. Оно окончательно ставило все на свои места и было вообще последним.

— Нет, — прохрипел Ле Шиффр. — Нет. Я... — Голос у него осекся.

Вероятно, он собирался объясниться или извиниться, но по выражению лица своего собеседника понял, что это было бесполезно.

— Ваши парни уже покойники, а вы пошлый дурак, вор и предатель. Меня прислали из Советского Союза, чтобы уничтожить вас. Вам повезло, что из-за недостатка времени я могу только расстрелять вас. У меня есть инструкции, если позволит время, помочь вам умереть самой мучительной смертью. Мы до сих пор не можем выпутаться из неприятностей из-за вас.

Голос смолк. В комнате было слышно только хриплое дыхание Ле Шиффра.

Где-то снаружи запела птица и слышались другие звуки, характерные для пробуждающейся природы. Солнечный свет высветил на лице Ле Шиффра яркие капельки пота.

— Вы признаете себя виновным?

Бонд изо всех сил старался не потерять сознание, он вращал глазами, тряс головой, чтобы прояснить мысли, но нервы его до того онемели, что не могли передавать команды мышцам.

Единственное, что он мог, — это держать в фокусе огромное бледное лицо человека с выпученными глазами, сидевшего перед ним. По подбородку Ле Шиффра стекала тоненькая струйка слюны.

— Да, — прошептали губы.

Раздался негромкий хлопок, похожий на звук вырвавшегося из тюбика зубной пасты пузырька воздуха, и все стихло. Внезапно между

глаз Ле Шиффра на переносице появился еще один глаз: меньше других и без ресниц.

Какое-то время все три глаза смотрели прямо перед собой. Вдруг лицо Ле Шиффра поплыло в сторону, и тяжелая голова откинулась к правому плечу, верхняя же часть его тела склонилась к ручке кресла. Казалось, что ему стало плохо и его вот-вот вырвет.

За спиной Бонда раздался стук каблуков, и протянутая сзади рука схватила его за подбородок и резко запрокинула его голову назад.

На Бонда глядели два блестящих глаза из-под низко опущенной шляпы. Лицо, словно высеченное из камня, закрывали черная маска и высоко поднятый воротник плаща.

— Вам повезло, — произнес голос. — У меня нет приказа убрать вас. За один день вам дважды подарили жизнь. Но можете передать вашему начальству, что СМЕРШ проявляет великодушные случайно или по ошибке. Что касается вас, то первый раз вы остались в живых случайно, а сейчас по ошибке. Мне должны были приказать убить любого иностранного агента, крутящегося вокруг этого предателя, как муха вокруг навозной кучи.

Но я все-таки оставляю вам свою визитную карточку. Вы любите азартные игры. Вы играете в карты. Может быть, когда-нибудь вы попро-

буете сыграть против нас. И неплохо будет, если все узнают, что вы шпион.

Незнакомец обошел Бонда справа. Послышался щелчок открываемого ножа, и Бонд увидел, как здоровенная волосатая рука, держащая тонкий острый нож, вынырнула из грязной манжеты белой рубашки. Она задержалась над тыльной стороной ладони Бонда, крепко привязанного к креслу. Кончиком ножа незнакомец быстро сделал три параллельных надреза на коже, а четвертым соединил их у основания костяшек пальцев Бонда. Из надрезов в форме буквы Ш брызнула кровь и каплями стала стекать на пол. По сравнению с тем, что Бонд испытал некоторое время назад, эта боль была мизерной, но достаточной для того, чтобы он снова впал в беспамятство.

Шаги удалились, и слышался звук закрываемой двери.

В наступившей тишине за закрытыми окнами слышались звуки летнего дня. Высоко на левой стене играли два зайчика розового цвета. Это в лучах июньского солнца отражались блики от двух разделенных несколькими футами луж крови.

С движением солнца розовые пятна медленно передвигались по стене, постепенно увеличиваясь в размерах.

Белый полотно

Если тебе снится, что ты видишь сон, это значит, что ты вот-вот должен проснуться.

Следующие два дня Джеймс Бонд постоянно находился без сознания. Перед ним чередой проходила вереница снов, и, хотя часть их была кошмарной и болезненной, у него не было сил повлиять на их очередность. Он осознавал, что лежит на спине в постели и не может двигаться. При кратковременных проблесках сознания он понял, что его окружают люди, но не захотел сделать усилие, чтобы открыть глаза и вернуться в этот мир.

Так он себя чувствовал в большей безопасности и старался продлить это состояние.

На третий день утром Бонд проснулся весь в поту от приснившегося ему кровавого кошмара. Он почувствовал на лбу чью-то руку и связал с нею свой сон. Он попытался пошевелиться и ударить стоявшего рядом человека, но не смог

сделать этого — его руки, как и все тело, были привязаны к кровати. Сверху его прикрывало нечто, напоминающее крышку большого белого гроба. У него вырвался поток ругательств, но это усилие отняло у него все силы, и слова были еле слышны. От одиночества и жалости к себе из глаз Бонда закапали слезы.

Послышался мягкий женский голос, и слова постепенно стали доходить до его сознания. Голос казался добрым, и он понял, что его успокаивают и что голос принадлежит другу. Он едва в это поверил. Он был абсолютно уверен, что все еще находится в плену и его опять сейчас начнут мучить. Бонд почувствовал, как ему осторожно протерли лицо пахнувшей лавандой салфеткой, и он опять погрузился в грезы.

Когда Бонд через несколько часов пробудился, страхи его развеялись, все тело наполнилось теплом, но чувствовал он себя еще очень слабым. Комната была наполнена ярким солнечным светом, через окно до него доносились звуки, раздававшиеся в саду. Где-то в отдалении легкие волны накатывались на пляж. Повернув голову, Бонд услышал шорох одежды. Сидевшая в изголовье Бонда медсестра поднялась со своего места и встала так, чтобы Бонд мог лучше ее видеть. Она была симпатичной и, щупая пульс на руке Бонда, улыбалась.

— Я очень довольна, что вы наконец-то пришли в себя. Никогда в жизни не слышала таких ужасных ругательств.

Бонд улыбнулся.

— Где я? — спросил он и удивился, что голос его звучит ясно и твердо.

— Вы находитесь в больнице Руайаля, а меня прислали из Англии, чтобы ухаживать за вами. Нас двое, и меня зовут сестра Гибсон. Теперь лежите спокойно, а я пойду сообщить врачам, что вы пришли в себя. Вы были без сознания все это время, и нас это очень беспокоило.

Бонд закрыл глаза и мысленно попытался определить, в каком состоянии его тело. Самую сильную боль он ощущал в запястьях и лодыжках, а также в том месте, где русский сделал ему надрезы. Среднюю часть туловища он не ощущал вообще. Бонд предположил, что ему сделали обезболивание. Все остальное тело глухо ныло, как будто его сильно избили. Он чувствовал, как бинты врезались в тело, а щетина на щеках царапалась о простыни. По длине волос можно было сказать, что он не брился уже дня три, тогда, значит, пытали его два дня назад.

Мысленно он заготовил краткий перечень вопросов, чтобы задать их врачу, появившемуся в дверях в сопровождении медсестры.

На заднем фоне он увидел фигуру дорогого

ему Матиса, который за широкой улыбкой пытался скрыть свое волнение. Матис приложил палец к губам, прошел на цыпочках к окну и сел.

Врач был молодой француз с интеллигентным лицом. Его откомандировало Второе бюро для оказания помощи Бонду. Он подошел к Бонду, пощупал лоб и посмотрел температурный лист.

— У вас, видимо, есть масса вопросов, которые вы хотели бы задать, мой дорогой Бонд, — произнес он на отличном английском. — На большинство из них я могу дать вам ответ. Я не хочу вас утомлять, поэтому сообщу только известные мне факты. Потом вы сможете уделить несколько минут месье Матису, который хотел бы выяснить кое-какие детали. Вообще-то еще рановато для проведения таких бесед. Я хочу, чтобы ваш мозг как следует отдохнул, а мы смогли бы заняться ремонтом вашего тела.

Сестра Гибсон пододвинула доктору кресло и вышла из комнаты.

— Вы у нас находитесь уже около двух дней, — продолжал врач. — Вашу машину обнаружил один крестьянин, который ехал на рынок в Рояль, и сообщил об этом в полицию. После некоторой проволочки месье Матис выяснил, что машина принадлежала вам, и немедленно

со своими людьми направился на виллу. Там они обнаружили вас, Ле Шиффра, а также вашу приятельницу мисс Линд. Она оказалась невредимой и, по ее словам, не подвергалась никаким унижениям. Она была в шоке, но сейчас полностью оправилась и находится в гостинице. Лондонское начальство приказало ей оставаться в Руайале под вашим руководством до тех пор, пока вы полностью не выздоровеете и не вернетесь в Англию. Телохранители Ле Шиффра мертвы. Каждый убит выстрелом в затылок из оружия 35-го калибра. По выражению их лиц можно сделать вывод, что они не слышали и не видели своих убийц. Их нашли в той же комнате, где находилась мисс Линд. Ле Шиффр тоже мертв. Он убит из аналогичного оружия. Пуля прошла между глаз. Вы видели момент убийства?

— Да, — подтвердил Бонд.

— Ваши повреждения довольно серьезные, но жизнь вне опасности, хотя вы и потеряли много крови. Если все пойдет хорошо, вы скоро полностью поправитесь и никакие функции вашего организма не будут нарушены. — Врач невесело усмехнулся. — Боюсь, что боль продержится еще несколько дней, но я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы облегчить ее. Так как вы пришли в сознание, мы развяжем

вам руки, но вы не должны шевелиться. А ночью, когда вы уснете, сестра получила указание привязать руки снова. Главное, и самое важное, вы должны отдохнуть и восстановить свои силы. В настоящий момент вы страдаете в основном от последствий морального и физического шока. — Врач замолчал. — Как долго вас пытали?

— Около часа, — ответил Бонд.

— Тогда просто удивительно, что вы остались в живых, и я поздравляю вас. Немногие могут вынести то, что пришлось пережить вам. В утешение могу сказать вам — и месье Матис может подтвердить, — мне уже приходилось лечить пациентов, с которыми обращались подобным образом, и никто из них не смог перенести это так мужественно и стойко, как вы.

Врач посмотрел на Бонда и обернулся к Матису.

— У вас есть в запасе десять минут, после чего вы будете удалены. И если из-за вас у пациента вдруг повысится температура, то вам придется отвечать за это.

Он широко улыбнулся и вышел из комнаты. Матис подошел к Бонду и сел на стул, на котором до этого сидел врач.

— Хороший человек, — вздохнул Бонд. — Он мне нравится.

— Он связан с разведкой, — сказал Матис, —

хороший парень. Я когда-нибудь расскажу вам о нем поподробнее. Кстати, он, как и я, считает вас уникальным человеком.

Однако с этим можно подождать. Как вы, должно быть, представляете, мне нужно многое прояснить. Мне все время надоедают с запросами из Парижа и, конечно, Лондона, а через нашего друга Лейтера еще и из Вашингтона. У меня с собой есть личное послание от М. Он разговаривал со мной по телефону и сказал, что на него все происшедшее произвело сильное впечатление. Я спросил его, что передать вам. Он считает, что вы основательно облегчили положение министерства финансов.

Бонд улыбнулся от удовольствия. Что наиболее согревало его, так это то, что М. лично позвонил Матису. Раньше он о подобном никогда не слышал. Сам факт существования М., не говоря уже о его личности, никогда не подтверждался. Он мог представить себе, какой шум подняли из-за этого звонка в его сверхсекретной организации в Лондоне.

— Из Лондона приезжал высокий однорукий и худой человек в тот же день, когда вас нашли, — продолжал Матис, зная из своего собственного опыта, что профессиональные детали заинтересуют Бонда больше, чем все остальное,

и доставят ему наибольшее удовольствие. — Этот человек привез медсестер и уладил все дела. Даже вашу машину сейчас ремонтируют. Кажется, он начальник Веспер. Он провел с ней много времени и дал ей строгое указание приглядывать за вами.

«Руководитель резидентуры «С», — подумал Бонд. — Со мной обращаются как с очень важным лицом».

— Теперь, — произнес Матис, — приступим к делу. Кто убил Ле Шиффра?

— СМЕРШ, — ответил Бонд.

Матис тихо присвистнул.

— Боже, — уважительно произнес он. — Так это ОНИ занялись им. Как выглядел этот человек?

Бонд рассказал все, что произошло до момента убийства, опуская малозначительные детали. Это стоило ему больших усилий, и он был рад, когда закончил свой рассказ. При воспоминании о пережитом к нему вернулся весь кошмар случившегося, по лбу вновь заструился пот, и резкая боль пронзила все его тело. Матис понял, что переборщил. Голос Бонда становился слабее, а глаза его стали затуманиваться. Матис решительно захлопнул блокнот и дотронулся рукой до плеча Бонда.

— Простите меня, приятель, — произнес он. — Все теперь в прошлом, и вы находитесь в надежных руках. Все хорошо, вам прекрасно удалось выполнить наше задание. Мы объявили, что Ле Шиффр убил своих подручных и затем покончил жизнь самоубийством, так как боялся расследования в связи с обнаружением недостачи профсоюзных денег. В Страсбурге поднялся страшный переполох. Там его считали героем и одним из столпов компартии во Франции. Эта история о борделях и казино здорово подрубила престиж этой организации, и сейчас они носятся, как ошпаренные коты. В настоящий момент компартия объявила Ле Шиффра ненормальным. Но после недавнего падения Тореза это им не очень помогло. Своей деятельностью они создали впечатление, что все их высшее руководство не совсем в своем уме. Одному богу известно, как им удастся выкрутиться из этой истории.

Матис заметил, что его слова достигли желаемого результата и глаза Бонда засветились ярче.

— Одна последняя загадка, — сказал Матис, — а затем я обещаю уйти. — Он посмотрел на часы. — Врач может появиться в любой момент, чтобы снять с меня скальп. Теперь о день-

гах. Где они? Где вы их спрятали? Мы прочесали всю комнату. Их там нет.

— Есть немного, — ухмыльнулся Бонд. — На двери каждой комнаты, как вы знаете, прикреплена маленькая квадратная пластинка из черного пластика с номером комнаты. Со стороны коридора, конечно. Когда Лейтер ушел от меня в тот вечер, я открыл дверь, отвинтил табличку с номером и поместил под нее сложенный вчетверо чек. Затем прикрутил ее на прежнее место. Она должна быть еще там.

— Я счастлив, что глупый англичанин смог научить кое-чему умных французов.

Матис довольно рассмеялся.

— Полагаю, что вы мне отплатили за то, что я выяснил, чем собирались заняться Мюнцы. Поэтому будем квиты. К слову, мы их прихватили. Они оказались мелкими сошками. Их просто наняли. Мы проследим, чтобы они получили несколько лет.

Он вскочил на ноги, так как врач ворвался в комнату и увидел, в каком состоянии находится Бонд.

— Вон, — приказал он Матису. — Немедленно вон, и не смейте сюда больше приходить.

У Матиса хватило времени только на то, чтобы приветливо помахать Бонду и быстро про-

изнести несколько слов на прощание, прежде чем его вытолкали из комнаты. Бонд слышал, как дробно застучали каблуки разгоряченного француза. Затем он обессиленно откинулся на кровати. Он поймал себя на том, что думает о Веспер. Затем забылся беспокойным сном.

У него были еще вопросы, на которые он хотел бы получить ответы, но они могли и подождать.

Природа зла

Бонд быстро выздоравливал. Когда три дня спустя Матис пришел навестить его, он все еще сидел в кровати, но руки у него были уже свободны. Правда, нижнюю часть тела по-прежнему прикрывал продолговатый полог, но выглядел Бонд бодро, хотя время от времени по глазам можно было понять, что боль еще не совсем оставила его.

Вид у Матиса был унылый.

— Вот ваш чек, — сказал он Бонду. — Я испытал большое удовольствие от прогулки с сорока миллионами франков в кармане, но думаю, что было бы лучше вам подписать его, с тем чтобы я мог положить эти деньги на ваш счет в банке «Японский кредит». Никаких следов нашего друга из СМЕРШа мы не обнаружили. Ни одного чертова следа. Вероятно, на виллу он пришел пешком или подъехал на велосипеде, так как ни вы не слышали, как он появился

там, ни телохранители Ле Шиффра. Это обстоятельство просто выводит из себя, но мы обладаем лишь мизерной информацией об этой организации — СМЕРШе, так же как и англичане. В Вашингтоне говорят, что у них есть кое-какие данные, но мы выяснили, что это обычная чушь, которую несут беженцы во время допросов. А это все равно что допрашивать о Секретной службе прохожих на улице.

— Он, вероятно, приехал в Берлин из Ленинграда через Варшаву, — высказал предположение Бонд. — У них в Берлине есть масса возможностей попасть в Европу. Он уже, видимо, вернулся домой и, вероятно, получил нагоняй за то, что оставил меня в живых. Я думаю, что папка с моим делом у них довольно пухлая, после того как я выполнил пару заданий М., которые он мне давал после войны. Агент СМЕРШа, очевидно, думает, что с его стороны было очень умно вырезать свои инициалы на моей руке.

— Что это? — спросил Матис.

— Врач утверждает, что порезы выглядят как квадратная буква m с хвостиком наверху. Он говорит также, что это ничего не означает. Я видел эти порезы мельком перед тем, как потерял сознание, но затем я видел их снова во время перевязки. Я уверен, что это русская бук-

ва, означающая звук Ш. Она похожа на перевернутую букву m. И в ней заключен смысл. Со-
кращенно СМЕРШ означает «Смерть шпионам». Теперь он думает, что этим клеймом он зачислил меня в шпионы. Это, конечно, неприятно, так как М., вероятно, скажет, когда я вернусь в Лондон, что мне опять нужно будет лечь в больницу и сделать пластическую операцию на тыльной стороне ладони. Но это необязательно. Я решил подать в отставку.

Матис смотрел на него с открытым ртом.

— В отставку? — недоверчиво переспросил он. — Какого черта?

Бонд перевел взгляд на свои перебинтованные руки.

— Когда меня били, — сказал он, — меня внезапно пронзила мысль, что надо обязательно остаться живым. Прежде чем приняться за меня, он произнес слова, которые меня глубоко поразили... «Хватит играть в индейцев», — сказал он. Думаю, это именно то, чем я занимаюсь. Вот я и неожиданно подумал, что он, вероятно, прав. Видите ли, — продолжал Бонд, все еще разглядывая свои руки, — когда ты молод, кажется, очень легко отличить правильное от неправильного, но с годами это становится более затруднительным. Когда учишься в школе, то очень легко определить для себя, кто злодей, а

кто герой, и ты вырастаешь с желанием стать героем и расправиться со злодеями.

Он внимательно посмотрел на Матиса.

— За последние годы я убил двух злодеев. Первого в Нью-Йорке. Это был японец — специалист по разгадыванию наших кодов. Он работал на тридцать шестом этаже в здании американской радиокорпорации в Рокфеллеровском центре, где у япошек было консульство. Я снял комнату на сороковом этаже соседнего небоскреба и мог через улицу, заглядывая в его комнату, видеть, как он работает. Затем я пригласил своего коллегу из нашей организации в Нью-Йорке и достал пару винтовок со снайперским прицелом и глушителем. Мы незаметно пронесли их ко мне в комнату и в течение многих дней ожидали, когда выпадет наш шанс. Коллега выстрелил на секунду раньше меня. Его задачей было пробить стекла, чтобы я смог произвести выстрел в японца. В Рокфеллеровском центре стекла очень крепкие. Наш план удался. Как я и ожидал, первая пуля срикошетила от стекла и улетела одному богу известно куда. Но я выстрелил через отверстие, которое мой напарник проделал сразу же вторым выстрелом, и попал японцу в рот, когда он обернулся и глазел из окна.

Бонд молча курил.

— Это была основательная работа. Прекрасная и чистая. С расстояния в триста ярдов. Никаких личных контактов. В следующий раз, в Стокгольме, это было не так приятно. Я должен был убить норвежца, который работал и на нас, и на немцев. Он выдал им пару наших людей, и, насколько я знаю, тех просто убили. По разным причинам работа должна была быть выполнена абсолютно бесшумно. Для нее я избрал спальню в его квартире и нож. Но умер он не так быстро.

За выполнение этих двух заданий мне прибавили к моему личному номеру два нуля в Секретной службе. Я чувствовал себя очень умным, у меня была хорошая репутация, и я считался очень жестким и решительным агентом. На нашей службе два нуля в личном порядковом номере означают, что агент должен быть способен хладнокровно убивать людей при выполнении какого-либо задания. А теперь, — он снова посмотрел на Матиса, — все это очень прекрасно, когда герой убивает двух злодеев. Но когда герой Ле Шиффр начинает убивать злодея Бонда, а злодей Бонд знает, что он вовсе не злодей, то вы видите другую сторону медали. И герои, и злодеи — все перемешалось.

Конечно, — добавил он, когда заметил, что Матис собрался возразить, — тогда здесь на сцене появляется патриотизм, и все становится на

свое место. Но сегодня это занятие, эти размышления о том, что хорошо для твоей страны и что плохо, немного устарели. Сегодня мы боремся с коммунизмом. Хорошо. А если бы я жил пятьдесят лет тому назад, то тот тип консерватизма, который мы имеем сегодня, был бы проклят и назван почти коммунизмом и нам бы приказали бороться с ним. В наши дни история делается очень быстро, и злодеи с героями все время меняются местами.

Матис с нескрываемым ужасом уставился на Бонда. Затем он слегка покачал головой и дотронулся до его руки.

— Вы хотите сказать, что драгоценный Ле Шиффр, который сделал все, что мог, чтобы превратить вас в евнуха, не подходит под определение злодея? — воскликнул он. — Все просто подумают, услышав чушь, которую вы несете, что он бил вас по голове, а не по... — он кивнул на кровать. — Подождите, когда М. прикажет вам заняться еще одним Ле Шиффром. Могу поспорить, что вы в лучшем виде займетесь им. А как насчет СМЕРШа? Могу сказать, что мне не нравится, когда эти парни шастают по Франции, убивают любого, кого они сочтут предателями их драгоценной политической системы. Вы — ужасный анархист.

Он поднял руки и беспомощно опустил их вниз.

Бонд рассмеялся.

— Возьмем нашего друга Ле Шиффра. Очень легко сказать, что он был плохим человеком. По крайней мере с ним все просто, потому что он причинил мне зло. Если бы он был сейчас здесь, то я бы без колебаний прикончил его. Причем из чувства личной мести, а, боюсь, не по причинам какой-то высокой морали или во имя моей страны.

Он посмотрел на Матиса, стараясь понять, насколько его изыскания в области того, что Матис считал своим служебным долгом, задели его.

Матис улыбнулся.

— Продолжайте, мой дорогой друг. Мне очень интересно познакомиться с новым Бондом. Англичане такие странные. Они напоминают мне китайскую головоломку из нескольких шкатулок, когда уходит масса времени, чтобы понять, как добраться до той, которая спрятана в самом центре. Пустяк, конечно. Но сам процесс поиска очень познавателен и забавен. Продолжайте. Давайте ваши доводы. Может быть, кое-что я смогу использовать, чтобы уклониться от неприятных заданий, которые мой шеф захочет мне дать. — Он воинственно улыбнулся.

Бонд не обратил на это внимания.

— Теперь, чтобы выяснить разницу между добром и злом, мы создали два образа, представляющие крайние противоположности. Один чрезвычайно светлый, другой абсолютно черный, и назвали один богом, другой дьяволом. Но при этом мы немного схитрили. Бог — это светлый образ. Вы можете различить каждый волосок в его бороде. Но дьявол! Каким вы его видите? — И Бонд торжествующе посмотрел на Матиса.

Матис иронически рассмеялся.

— В образе женщины.

— Прекрасно, — произнес Бонд. — Я размышлял об этих вещах и до сих пор не знаю, на какую сторону встать. Мне становится очень жалко дьявола и его учеников, таких как наш добрый Ле Шиффр. Для дьявола сейчас наступили плохие времена, а мне всегда хотелось быть на стороне неудачника. Мы не даем никакого шанса этому бедному парню. Есть книга Добра, в которой описывается, как делать добро и тому подобные вещи. Но не существует книги Зла, в которой описывается, как делать гадости. У дьявола нет пророков, которые бы написали для него десять заповедей, и у него нет писателей, которые бы могли описать его житие. Им полностью пренебрегли. Мы ничего о нем не зна-

ем, кроме массы сказок, рассказанных нам нашими родителями и учителями. О нем не написано ни одной книги, из которой люди могли бы узнать о природе зла во всех его проявлениях, могли прочесть притчи о негодах, познакомиться с пословицами о негодах и с фольклорным материалом на эту тему. Мы имеем дело только с живыми примерами подобных людей или с нашей собственной интуицией.

Поэтому, — продолжал Бонд, — Ле Шиффр служил изумительной цели, действительно очень важной, даже, может быть, наиважнейшей. Своим злодейским существованием, которое я так глупо, со своей стороны, помог уничтожить, он определял норму испорченности, только при помощи которой может существовать добро. Нам повезло, несмотря на краткое с ним знакомство, увидеть и оценить степень его испорченности и стать после этого самым лучше и более добропорядочными.

— Браво! — воскликнул Матис. — Я горжусь вами. Вас следует пытаться каждый день. Я должен подумать, какую гадость сделать вам сегодня вечером. И должен начать это сразу. У меня есть некоторое, правда не очень значительное, преимущество в этом вопросе, но я быстренько что-нибудь придумаю, чтобы достичь результатов. Давайте подумаем, с чего мне начать — с

убийства, поджога, изнасилования? Нет, это — мелочи. Я должен проконсультироваться с нашим добрым маркизом де Садом. В этих вопросах я абсолютно ребенок.

Его лицо осунулось.

— А как быть с совестью, мой дорогой Бонд? Что мы будем делать с ней, совершая эти сладкие грехи? Это ведь целая проблема. Совесть — очень умный инструмент, и она стара, так же как и та пара обезьян, которые дали нам жизнь. Мы должны очень тщательно проанализировать эту проблему. В противном случае мы испортим себе все удовольствие. Сначала мы, конечно, должны подавить в себе совесть, а это чрезвычайно тяжелая штука. Будет очень трудно, но, если удастся это сделать, мы можем стать еще хуже, чем Ле Шиффр.

Вам, мой дорогой Бонд, это легче. Вы можете начать с отставки. Это у вас, кстати, блестящая идея. Великолепное начало новой карьеры. Все очень просто. Мы все можем попугать отставкой, но это все равно что «наган» в кармане. Все, что нужно сделать, так это нажать на курок, и таким образом вы проделаете большую пробоину в вашей стране и в вашей голове одновременно. Убийство и самоубийство. И все одной пулей! Великолепно! Какая трудная и почетная профессия. Что касается меня, то я должен ид-

ти, чтобы сразу же заняться этим новым для меня делом.

Он посмотрел на часы.

— Хорошо. Я уже, кажется, начал и опоздал на встречу с начальником полиции на целых полчаса. — Со смехом Матис поднялся на ноги. — Вы доставили мне огромное удовольствие, мой дорогой Бонд. Вам следовало с этим выступать с эстрады. А теперь два слова об этой маленькой проблеме, которая стоит перед вами, — это как отличить хорошего человека от плохого, негодяя от героя и тому подобное. В теории это, конечно, очень сложная проблема. Секрет заключается в личном опыте. И неважно, кто вы, китаец или англичанин.

Он задержался еще на минуту в дверях.

— Вы признаете, что Ле Шиффр причинил зло лично вам и что, если бы он появился перед вами, вы бы убили его?

Так вот, когда вы вернетесь в Лондон, вы найдете там много таких Ле Шиффров, которые хотели бы уничтожить вас или ваших друзей или причинить вред вашей стране. М. вам о них расскажет. А сейчас, когда вам удалось действительно встретиться с негодным человеком, вы знаете, как опасны они могут быть, и вы снова будете охотиться за ними, чтобы защитить самого себя и людей, которые вам небезразличны.

И здесь вы не будете колебаться. Вы знаете, как они выглядят и что они могут причинить людям. Конечно, вы можете немного покапризничать, выбирая себе задание. Вы, может быть, захотите быть абсолютно уверенным, что ваша цель неблагородна. Но таких целей вокруг вас будет множество, и для вас всегда найдется масса работы. И вы ее будете делать. А когда вы влюбитесь и у вас появится любовница или жена, появятся дети, о которых вам нужно будет заботиться, то ваша работа не покажется вам слишком тяжелой.

Матис открыл дверь и остановился на пороге.

— Окружите себя живыми людьми, мой дорогой Джеймс. За них легче сражаться, чем за принципы. — Он засмеялся. — Но не подводите меня и не становитесь человеком сами. Мы бы не хотели потерять такого прекрасного робота. — И он, взмахнув рукой, закрыл за собой дверь.

— Эй! — закричал Бонд.

Но шаги быстро замерли в конце лестницы.

Веспер

На следующий день Бонд попросил пригласить Веспер. До этого он избегал видеться с ней. Ему говорили, что она приходила в больницу каждый день и справлялась о его здоровье. Она посылала ему цветы. Бонд не любил цветов и поэтому каждый раз просил сестру относить их другому больному. После того как он проделал это дважды, цветов больше не приносили. Бонд не желал обидеть Веспер, просто он не любил, когда его окружали вещи, более присущие женскому полу. Цветы предполагали какие-то ответные действия с его стороны и необходимость передавать приветы и выражать другие знаки внимания, а для Бонда это было довольно утомительно, кроме того, он не любил, когда к нему проявляли повышенный интерес женщины. Он чувствовал себя осажденным со всех сторон, и это вызывало у него клаустрофобию.

И Бонда не вдохновляла перспектива объяснять это все Веспер. К тому же он чувствовал себя несколько неловко оттого, что ему предстояло задать девушке пару вопросов, которые мучили его, — вопросы о том, как она вела себя в той драматической ситуации. А ответы почти несомненно должны показать, что она не во всем вела себя всегда умно. Затем ему нужно было обдумать, о чем писать в докладе М. В этом докладе ему не хотелось критически отзываться о Веспер, так как в результате она легко могла потерять работу.

Но больше всего он не хотел услышать ответ на наиболее болезненный для него вопрос.

Врач часто обсуждал с Бондом характер полученных им травм и ранений, и он всегда подчеркивал, что у него не предвидится каких-либо серьезных осложнений в результате тех побоев, которые он перенес. И также говорил, что здоровье Бонда полностью восстановится и ни одна из функций его организма не будет нарушена. Однако то, что видел и ощущал сам Бонд, заставляло его сомневаться в столь оптимистических прогнозах. Тело его все еще было распухшим и все в синяках, а когда прекращалось действие уколов, боль снова пронизывала все тело. Кроме того, его подводило воображение. В течение часа, проведенного наедине с Ле

Шиффром, ему вколачивалась мысль, что он пожизненно останется импотентом, а такие шрамы, нанесенные душе, могли зарубцеваться только в течение всей последующей жизни.

С того самого дня, когда Бонд впервые встретил Веспер в баре «Эрмитажа», она была желанна ему, и он знал, что, если бы в ночном клубе все пошло по-другому и если бы Веспер была более отзывчивой и ее не похитили бы, он бы попробовал переспать с ней в тот вечер. И даже позже, уже в машине, и у входа на виллу, когда он должен был думать совсем о другом, он испытывал волнение от ее обнаженного вида.

А теперь, когда он снова мог встретиться с ней, он вдруг испытал страх. Он испугался, что его душа и тело не смогут ответить на чувственную красоту девушки, что желание его может погаснуть и кровь так и останется холодной. Про себя он решил, что их первая встреча будет испытанием всего этого и даст ответы на многие вопросы. Но результатов этого испытания он боялся. Это было истинной причиной, как он определил сам, почему он столь долго ждал и откладывал их встречу почти целую неделю. Он хотел дать отдых своему телу, с тем чтобы оно было готово к их встрече. Он и дальше оттягивал бы ее, но в конце концов убедил себя в том, что нужно начинать писать отчет о проделанной

работе, так как в любой день могли появиться посланцы из Лондона и попросить его рассказать все, что произошло. Лучше сделать это сегодня, чем откладывать на завтра. Во всяком случае, если с ним действительно случилось худшее, то он должен знать об этом.

Таким образом, на восьмой день своего пребывания в больнице Бонд попросил, чтобы Веспер пришла, но рано утром, когда он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим после ночного сна.

Неизвестно почему, но Бонду казалось, что девушка все еще находится во власти пережитого, что она будет бледной и даже чувствовать себя больной, он абсолютно не был готов увидеть высокую загорелую девушку в кремовом платье, украшенном черным поясом, которая с веселой улыбкой появилась в палате.

— Боже, Веспер, — произнес Бонд, поприветствовав ее слабым взмахом руки, — вы просто великолепны. Вы буквально расцвели после всего этого. Как и когда вам удалось так здорово загореть?

— Я чувствую себя страшно виноватой перед вами, — произнесла она, присаживаясь рядом с кроватью. — Пока вы лежали здесь, я каждый день купалась в море. Мне это посоветовали врачи. И мой шеф тоже сказал, чтобы я это

делала. Я подумала, что вряд ли будет польза от того, что целый день я буду слоняться по комнате. Я нашла великолепный пляжик, беру с собой завтрак и каждый день отправляюсь туда с книгой и сижу там до вечера. До пляжа я доезжаю на автобусе и потом немного иду пешком через дюны. Я смогла убедить себя не обращать внимания на то, что дорога, по которой я езжу, проходит недалеко от той самой виллы.

Голос ее осекся.

При упоминании о вилле глаза Бонда заблестели. Но девушка невозмутимо продолжала свой рассказ, стараясь не замечать, как Бонд отреагировал на эти ее слова.

— Врачи говорят, что вам скоро разрешат вставать, и я подумала... я подумала, что как-нибудь мы сможем отправиться на этот пляж вместе. Они говорят, что вам это будет полезно.

Бонд хмыкнул.

— Одному богу известно, когда я снова смогу купаться. Доктора говорят что-то невнятное насчет этого. А когда я снова смогу плавать, то, вероятно, какое-то время будет лучше заняться этим в одиночестве. Я не хочу никого пугать. Помимо всего прочего, — он глазами указал на низ кровати, — все мое тело покрыто синяками и шрамами. Но вы наслаждаетесь сейчас, и я не

вижу никаких причин, почему бы вам не делать этого.

Веспер была ошеломлена горечью и отчаянием, которые звучали в голосе Бонда.

— Извините, — сказала она. — Я просто думала... Я пыталась...

Неожиданно глаза девушки наполнились слезами. Она с трудом проглотила комок, застрявший у нее в горле.

— Я хотела... хотела помочь вам поправиться поскорей. — Она не могла говорить и смотрела на него с состраданием. В глазах Бонда она увидела вдруг упрек. Все его поведение говорило об этом.

В этот момент она не выдержала, закрыла лицо ладонями и зарыдала.

— Простите меня, — проговорила она приглушенным голосом. — Я действительно прошу извинить меня. — Одной рукой она пыталась достать платок из сумки. — Это все из-за меня. — Она вытерла глаза. — Я знаю, что это моя вина.

Бонд сразу же смягчился. Он протянул к девушке забинтованную руку и дотронулся до ее колена.

— Все в порядке, Веспер. Извините меня, я был груб с вами. Я просто позавидовал вам, что вы загораете на пляже, а я вынужден валяться

здесь. Как только почувствую себя лучше, мы поедем с вами вместе и вы покажете мне свой пляж. Конечно, я очень этого хочу. Будет просто великолепно, когда я смогу выбраться отсюда.

Девушка пожала ему руку и отошла к окну. Некоторое время она приводила себя в порядок, припудрив лицо и утерев глаза, затем снова подошла к кровати.

Бонд смотрел на Веспер с нежностью. Как это бывает с решительными, холодными мужчинами, его легко было сделать сентиментальным. Девушка была трогательной и печальной, и он испытывал к ней теплые чувства. Он решил поговорить с ней как можно более деликатно, задавая свои вопросы так, чтобы ей было нетрудно отвечать на них.

Он угостил Веспер сигаретой, и некоторое время они поговорили о визите начальника резидентуры «С» и о том, как восприняли в Лондоне ликвидацию Ле Шиффра.

Из того, что Веспер рассказала, было ясно, что они выполнили свое задание более чем успешно. История с Ле Шиффром все еще будоражила мир, корреспонденты английских и американских газет не покидали Руайаля. Все сбились с ног, пытаясь найти ямайского миллионера, который победил Ле Шиффра за карточным

столом. Тогда они обнаружили Веспер, но ей удалось отбиться от них. Она сказала им, что Бонд собирался продолжить игру в Каннах или в Монте-Карло, и они ринулись в поисках его на юг Франции. Матис с помощью полиции искусно замел все остальные следы, и газеты были вынуждены переключить свое внимание на похождения «Страсбургских ангелов» и тот хаос, который воцарился в рядах французских коммунистов.

— Между прочим, Веспер, — через некоторое время поинтересовался Бонд, — а что в самом деле произошло с вами после того, как вы меня покинули в ночном клубе? То, что я видел, выглядело как настоящее похищение.

— Боюсь, что я тогда потеряла голову, — сказала Веспер, стараясь не смотреть в глаза Бонду. — Когда я не нашла Матиса в холле, я вышла на улицу. Ко мне подошел швейцар, спросил, как меня зовут, и сказал, что человек, передававший мне записку, ждет меня в машине справа у входа. Меня это не особенно удивило. Я была знакома с Матисом всего несколько дней и не знала, как он работает. Поэтому, ничего не подозревая, я направилась прямо к машине. Она стояла в тени справа от входа. Когда я подошла, из-за другой машины выскочили

люди Ле Шиффра и просто задрали на мне юбку выше головы.

Веспер покраснела.

— Конечно, это весьма примитивный трюк, — она выжидающе посмотрела на Бонда, — но он ужасно эффективен. Ты полностью находишься в их власти, и, хотя я кричала, я не думаю, чтобы толстая юбка пропускала мои вопли. Я брыкалась, как только могла, но все было бесполезно, и в придачу еще я абсолютно не могла ничего сделать руками. Я чувствовала себя, как связанный цыпленок. Эти люди встали у меня по бокам и затолкали на заднее сиденье. Я все еще пыталась сопротивляться, а когда машина тронулась и они начали завязывать веревкой юбку над моей головой, мне удалось высвободить одну руку и выбросить мою сумочку в окно. Надеюсь, что это чем-то помогло.

Бонд кивнул.

— Я действовала чисто инстинктивно. Просто подумала, что вы не будете знать о произошедшем со мной, и это привело меня в ужас. Я сделала первое, что пришло мне на ум.

Бонд понимал, что охотились именно за ним, и если бы даже Веспер не выбросила свою сумочку, то это сделали бы люди Ле Шиффра сами, увидев Бонда, появившегося на крыльце.

— Конечно, это здорово помогло мне, —

поддакнул Бонд. — Но почему вы никак не отреагировали, когда я пытался заговорить с вами в машине, куда они перенесли меня после аварии? Это меня сильно беспокоило, поскольку я подумал, что они оглушили вас или еще чего сделали похуже.

— Боюсь, я была без сознания, — ответила Веспер. — Я один раз уже теряла сознание из-за нехватки воздуха, и когда пришла в себя, они прорезали в юбке дырку, чтобы я могла дышать. А потом, наверное, я еще раз потеряла сознание. Я почти не помню, как мы добрались до этой виллы. Я поняла, что вас тоже захватили, только тогда, когда вы попытались помочь мне в коридоре.

— И они ничего не сделали вам? — спросил Бонд. — Не пытались ли они что-нибудь сделать с вами, когда пытали меня?

— Нет, — ответила Веспер. — Они просто бросили меня в кресло, а сами стали пить спиртное и играть в карты. Игра называлась «белотте», как я слышала, а потом они отправились спать. Я думаю, что тут-то СМЕРШ и расправился с ними. Смершевцы связали мне руки и посадили в кресло лицом к стене, чтобы я никого не могла видеть. Я слышала лишь какие-то странные звуки. Потом раздался звук, как будто

кто-то упал со стула, затем я слышала что-то вроде удаляющихся шагов, звук закрываемой двери, и больше ничего не было слышно, пока в комнату не ворвался Матис с полицией. Я проспала большую часть времени и не имела ни малейшего представления о том, что они с вами сделали, но, — она запнулась, — один раз я слышала ужасный крик. Он раздался где-то далеко. По крайней мере мне показалось, что это был крик. Но в то время я подумала, что мне это приснилось.

— Боюсь, что это кричал я, — задумчиво сказал Бонд.

Вечер, с глазами, полными слез, дотронулась до руки Бонда.

— Это ужасно, — прошептала она, — что они с вами сделали. И все это из-за меня. Если бы только... — Она закрыла лицо руками.

— Все хорошо, — успокаивающе произнес Бонд. — То, что произошло, не изменишь. Все в прошлом, и слава богу, что они не тронули вас. — Он постучал по ее коленке. — После меня, если бы я поддался им, они собирались приняться за вас, стоило мне размякнуть («Размякнуть — это слишком хорошо сказано», — подумал он). Мы должны поблагодарить за все СМЕРШ. А теперь давайте забудем об этом.

К вам это не имеет никакого отношения. Любой мог попасться, получив такую записку. Во всяком случае, хорошо все то, что хорошо кончается, — весело добавил он.

Веспер с благодарностью смотрела на него сквозь слезы.

— Вы действительно простили меня? — спросила она. — Я думала, что никогда не смогу заслужить это. Я... Я постараюсь отблагодарить вас, чем только могу.

«Чем только могу?» — подумал про себя Бонд и посмотрел на девушку. Веспер улыбалась. Он тоже ответил ей улыбкой.

— Будьте осторожны — я могу вас поймать на слове.

Девушка посмотрела ему в глаза, но ничего не сказала. В ее глазах светился вызов.

— Обещание есть обещание, — тихо произнесла она.

На этот раз они оба прекрасно понимали, что означало это обещание.

Веспер взяла свою сумочку, лежащую на кровати, и направилась к двери.

— Могу я завтра навестить вас? — обернулась она уже у выхода.

— Да, конечно, Веспер, я буду очень рад. Только, пожалуйста, подумайте еще, чем бы мы

могли заняться после того, как я поправлюсь. Это бы мне здорово помогло. Вы подумаете?

— Обязательно, — с готовностью ответила Веспер. — И поправляйтесь поскорее.

Какую-то секунду они с нежностью смотрели друг на друга. Затем она вышла из палаты и закрыла за собой дверь, а Бонд слушал, как постепенно затихал стук ее каблуков.

Спешащий фургон

С этого дня Бонд начал быстро поправляться. Сидя в постели, он наконец закончил свой отчет М. В нем Бонд не стал придавать значения некоторым моментам в поведении Веспер, которые считал не совсем профессиональными. Умело переставив акценты, он изобразил ее похищение куда более хитроумным и коварным, чем это было на самом деле. Воздав должное хладнокровию девушки и ее собранности во время их приключений, Бонд умолчал о том, что некоторые из ее действий были трудно объяснимы.

Веспер навещала Бонда каждый день, и каждый раз он с нетерпением ждал ее прихода. Девушка весело рассказывала ему о том, как провела предыдущий день, о своих походах по побережью и о ресторанах, в которых обедала. Она подружилась с начальником полиции и с одним

из директоров казино, и те приглашали ее по вечерам с собой, а в дневное время иногда одалживали ей машину. Она следила за тем, как протекал ремонт «Бентли», который отбуксировали в ремонтную автомастерскую в Руан. Она даже организовала доставку кое-какой одежды Бонда из его лондонской квартиры, так как от его здешнего гардероба ничего не осталось. В поисках сорока миллионов все его вещи изрезали в ключья люди Ле Шиффра.

Они никогда больше не говорили о Ле Шиффре. Иногда девушка рассказывала Бонду забавные истории о своем начальнике в резидентуре «С». Она, очевидно, была переведена туда из королевских военно-морских сил. А Бонд рассказывал ей о некоторых своих приключениях за время работы в Секретной службе.

Он обнаружил, что чувствовал себя с ней легко, и был очень удивлен этому. Обычно, общаясь с женщинами, Бонд был немногословен, хотя и предупредителен. Его одинаково утомляли как длительный процесс ухаживания за ними, так и последующая неразбериха с расставанием. Его всегда пугала неизбежность такого развития событий в отношениях со своими знакомыми. Схема была обычной: сначала возникновение чувства, затем прикосновение рук, по-

том поцелуй, страстный поцелуй, и, наконец, слияние тел — наивысшая точка в постели, потом опять постель, еще чуть-чуть, и затем все надоедает. Начинаются слезы, за которыми следует горечь разрыва. В этих случаях ему всегда было стыдно за свое лицемерие. Кроме того, он обычно еще и сокращал количество мизансцен в каждом из актов этой пьесы — встреча на какой-нибудь вечеринке, ресторан, такси, его квартира, ее квартира, выходные дни на море, потом опять квартиры, хитрые отговорки и, наконец, окончательное расставание под дождем на чьих-нибудь ступеньках.

Но с Веспер такое не должно было повториться. Она в этой мрачной палате казалась оазисом радости, и он каждый день с нетерпением ждал ее прихода. Разговоры они вели как старые приятели с отдаленным намеком на чувственные симпатии. Но где-то в воздухе витало не обсуждаемое ими обещание, которое должно материализоваться тогда, когда они решат сами. Сейчас его сдерживали так медленно и мучительно заживающие раны.

Так что нравилось это Бонду или нет, но садовник уже упустил момент, когда нужно было обрезать побеги. Теперь они были готовы распуститься пышным цветом.

Выздоровление Бонда шло очень обнадеживающе. Ему уже разрешили вставать, затем сидеть в саду и совершать короткие прогулки, и наконец он получил разрешение на длительные поездки на автомобиле. И вот в один прекрасный день из Парижа прилетел врач и объявил Бонду, что тот полностью здоров. Веспер принесла ему одежду, они распрощались с сестрами и, сев в такси, покинули больницу.

Всего три недели отделяли его от того дня, когда он находился на грани жизни и смерти. А сейчас уже наступил июль и жаркое солнце ярко светило над раскаленными пляжами и морем.

Место, куда они направлялись, Бонд не знал. Он не хотел возвращаться в большие гостиницы Руайаля, и Веспер пообещала подобрать что-нибудь за городом. Она не говорила ему, куда они едут, уверяя, что там ему понравится. Бонд был счастлив чувствовать себя пленником у нее в руках, но, чтобы как-то скрыть это, он всячески заранее поругивал это место, называя его «дырой у моря» (Веспер призналась, что место это на берегу моря), и утверждал, что там их ждет миллион маленьких радостей в виде туалета во дворе, клопов и тараканов. Надо сказать,

что их поездка была омрачена любопытным инцидентом.

Когда они ехали по приморской дороге по направлению к вилле «Полуночники», он рассказал ей о том, как гнался тогда на своей машине с сумасшедшей скоростью, преследуя Ле Шиффра, и показал тот самый поворот, за которым произошла авария. Показал он и то место, где лежала металлическая лента с шипами. Бонд притормозил и высунулся в окно, чтобы разглядеть следы на шоссе, оставленные дисками колес его машины. Их взору предстали поломанные кусты на обочине дороги и следы масла там, где остановилась его машина.

Но все это время казалось, что Веспер думает о чем-то другом, отвечая не всегда впопад и весьма односложно. Пару раз Бонд заметил, что девушка поглядывает в зеркальце заднего вида, но, когда у него появилась возможность обернуться и посмотреть назад самому, машина уже вошла в поворот и он ничего не смог увидеть.

Наконец он взял девушку за руку.

— Вы о чем-нибудь думаете, Веспер? — спросил он.

Она напряженно улыбнулась.

— Нет, ни о чем, так, пустяки. Это, конечно, глупо, но мне показалось, что нас пресле-

дуют. Думаю, все это из-за нервов. Эта дорога полна привидений. — И, рассмеявшись, она обернулась назад. — Смотрите! — В голосе у нее вдруг прозвучали панические нотки.

Бонд послушно повернул голову. И точно, на расстоянии нескольких сот метров за ними на большой скорости следовал черный фургон.

Бонд рассмеялся.

— Мы же не одни пользуемся этой дорогой, — проговорил он. — Кому мы нужны? Мы ничего плохого не сделали. — Он погладил ее по руке. — Это какой-то пожилой торговец автомобильными красками, спешащий по своим делам в Гавр. Он сейчас, наверное, думает о своей любовнице в Париже, а может быть, о том, где бы пообедать. В самом деле, Веспер, не следует думать плохо о безобидных людях.

— Возможно, вы правы, — нервно произнесла девушка. — Во всяком случае, мы почти приехали.

Она погрузилась в молчание, уставившись в окно.

Бонд почти физически ощущал, в каком напряжении она находилась. Он улыбнулся, представив себе, что это было результатом воспоминаний об их недавних приключениях. Чтобы разрядить обстановку, он решил пошутить над

Веспер. Когда их машина повернула на узенькую дорожку, ведущую к морю, и замедлила ход перед поворотом, Бонд попросил водителя остановиться. Укрытые густыми кустами, они наблюдали за шоссе через заднее стекло.

За звуками летнего дня они слышали шум приближавшейся машины. Веспер впилась пальцами в руку Бонда. Фургон продолжал двигаться с прежней скоростью, и, когда он пролетел мимо того места, где они прятались, Бонд успел заметить только профиль сидящего за рулем человека.

Ему показалось, что он бросил быстрый взгляд в их сторону. Правда, над кустиками был установлен ярко раскрашенный щит с надписью: «Таверна «Запретный плод». Дары моря в любом виде». Бонд не сомневался, что взгляд водителя привлек именно этот щит.

Когда звук мотора затих, Веспер сжалась в комок в уголке сиденья. Лицо у нее побледнело.

— Вы видели, как он посмотрел на нас? — воскликнула Веспер. — Я вам говорила, что за нами следят. Теперь они знают, где мы.

Бонд не смог сдержать нетерпения:

— Ерунда, он смотрел на этот щит.

Веспер немного успокоилась.

— Вы так думаете? — спросила она. — Да,

конечно. Я понимаю. Вы, наверное, правы. Извините, что я так глупо вела себя. Не знаю, что на меня нашло.

Она наклонилась вперед и попросила водителя ехать дальше.

Повернув к Бонду порозовевшее лицо, она сказала:

— Я и правда очень извиняюсь. Это все потому, что... Я все еще не верю, что все наконец кончилось и что больше не нужно никого бояться. — Она взяла его руку. — Вы, должно быть, думаете, что я просто глупа.

— Конечно, нет, — ответил Бонд. — Но нами действительно никто больше не интересуется. Забудьте все это. Задание выполнено. У нас отпуск, и на небе нет ни облачка. Не так ли? — уверенным голосом говорил он.

— Нет, конечно, нет. — Вesper слегка повела плечами. — Я просто сошла с ума. Все, через несколько минут мы будем уже на месте. Я очень надеюсь, что вам там понравится.

Оба наклонились вперед, лицо девушки снова стало оживленным. Случившееся в дороге оставило лишь легкое недоумение. Но и оно рассеялось, когда они пересекли дюны и увидели море, на берегу которого среди сосен приютилась скромная маленькая гостиница.

— Не очень шикарно на вид, но здесь очень чисто и изумительно готовят. — Веспер с беспокойством посматривала на Бонда. Но волноваться ей не следовало. Бонду с первого взгляда понравилось это место. Терраса дома доходила до набегающих волн. Маленькое двухэтажное здание было украшено ярко-красными навесами, затенявшими окна. Голубой серповидный залив обрамляли золотистые пески. Сколько раз он мечтал о том, чтобы забросить все дела, свернуть с шоссе и поискать затерянный уголок, похожий на этот, где бы он мог забыть обо всем на свете и с утра до вечера болтаться в море. Сейчас у него впереди была целая неделя. Он мысленно пересчитал все дни, которые ему предстояло провести здесь с Веспер.

Они обогнули дом, и на крыльце дома их встретил любезный хозяин гостиницы.

У месье Версуа не было одной руки, которую он потерял на Мадагаскаре, сражаясь за свободную Францию. На вид ему было около пятидесяти. Он был приятелем начальника полиции Руайаля, который порекомендовал Веспер именно это место и обо всем договорился по телефону с владельцем гостиницы. Ничего лучшего для них и не могло быть.

Мадам Версуа они застали в разгар приго-

товления обеда. На ней был надет фартук, а в руке она держала большую деревянную ложку. Это была молодая симпатичная женщина с круглым приветливым лицом и добрыми глазами.

Инстинктивно Бонд почувствовал, что у Версуа нет детей и все свои нерастраченные чувства они выплескивали на своих друзей, постоянных клиентов и, судя по всему, даже на своих домашних животных. Бонд подумал, что вся жизнь этой пары, вероятно, прошла в борьбе за существование. Гостиница была слишком мала, и в ней, должно быть, особенно одиноко было с приходом зимы, с ее штормами и воем ветра в соснах.

Хозяин проводил их до дверей комнат.

У Веспер был двойной номер. Номер Бонда находился рядом, в углу здания. Одно окно выходило на открытое море, а из другого была видна далекая береговая излучина залива. Номера соединяла ванная комната. Кругом царили безукоризненная чистота и уют.

Хозяин был очень доволен, увидев, что гостям их апартаменты понравились. Он сообщил им, что обед будет в семь тридцать, а хозяйка приготовит лобстеров в топленном масле.

— Извините, что у нас так тихо, — сказал

он, — но сегодня лишь вторник, и к субботе людей прибавится. Нынешний сезон не очень удачный. Обычно здесь останавливается много англичан, но времена сейчас трудные, и англичане теперь приезжают на пару дней в Рояль и, проиграв деньги в казино, отбывают, как правило, восвояси. Раньше было не так. — Он философски пожал плечами. — Тогда ни один день не был похож на предыдущий, а в прошлом веке вообще было лучше и...

— Вы совершенно правы, — успокоил его Бонд.

Прилив нежности

Они разговаривали на пороге комнаты Веспер. Когда хозяин гостиницы оставил их наедине, Бонд подтолкнул ее внутрь и закрыл дверь. Затем положил руки ей на плечи и поцеловал в обе щеки.

— Божественно, — произнес он.

Он увидел, как заблестели ее глаза. Девушка подняла руки и обняла его. Бонд прижался к ней и обвил руками ее талию. Его голова склонилась вниз и нашла ее открытые губы.

— Моя милая, — прошептал он, прижимаясь к ее губам и разжимая языком ее зубы. Он чувствовал, как язык девушки, сначала робко, а затем со все возрастающей страстью, стал откликаться на его ласки. Его руки скользнули вниз и крепко сжали ее бедра. Тяжело дыша, она оторвалась от его губ, но они остались стоять, плотно прижавшись друг к другу. Бонд чувствовал упругую грудь девушки. Он нежно раз-

гладил пальцами ее волосы и, отклонив ее голову назад, снова поцеловал ее. Девушка оттолкнула его и в изнеможении опустилась на кровать. Какое-то мгновение они с вождением смотрели друг на друга.

— Извините, Веспер, — произнес он. — Я не хотел этого.

Она покачала головой не в силах говорить, обуреваемая наплывом чувств, которые пронеслись в ее душе. Он подошел к ней и присел рядом на край кровати. Они смотрели друг на друга с нескрываемой нежностью.

Она склонилась над ним и поцеловала его в уголки губ, затем убрала прядь спутанных черных волос с его взмокнувшего лба.

— Дорогой мой, — прошептала она. — Дайте мне сигарету. Я не знаю, где моя сумочка. — Она беспомощно оглядела комнату.

Бонд зажег сигарету и приложил ее к губам Веспер. Девушка глубоко затянулась и выпустила дым тоненькой струйкой.

Бонд обнял ее, но она поднялась на ноги, подошла к окну и остановилась там, повернувшись спиной к Бонду.

Он посмотрел на свои руки, они дрожали.

— Мне нужно некоторое время, чтобы привести себя в порядок к обеду, — произнесла Веспер, не оборачиваясь. — Может быть, вы пойте-

те сейчас искупаться? А я пока разложу ваши вещи.

Бонд поднялся с кровати и подошел к ней. Обняв ее, он положил ладони на ее грудь. Он почувствовал, как она напряглась от прикосновения его пальцев. Она поглаживала руки Бонда, еще крепче прижимаясь к нему.

— Не сейчас, — сказала она тихим голосом.

Бонд нежно поцеловал ее в шею, на секунду крепко прижал к себе и затем отпустил.

— Хорошо, Веспер, — проговорил он, направляясь к дверям. У дверей он оглянулся. Она все еще стояла у окна, не двигаясь. Ему почему-то показалось, что она плачет. Он сделал шаг в ее сторону, но понял, что сейчас Веспер не в его власти. — Любовь моя, — произнес он, выходя и закрывая за собой дверь.

Бонд прошел в свой номер и присел на край кровати. Он чувствовал слабость от страсти, охватившей его тело.

В душе он боролся с двумя желаниями: или растянуться на кровати во весь рост, или пойти на море и, освежившись, снова почувствовать себя бодрым. Какое-то мгновение он колебался, а затем раскрыл чемодан, достал оттуда белые плавки и темно-синюю куртку от пижамы.

Бонду никогда не нравились пижамы, и он предпочитал спать голым, но однажды в Гон-

конге в конце войны он случайно увидел великолепную куртку. Это была пижамная куртка, которая доходила ему до колен. Закрытой ее вместо пуговиц сдерживал пояс, свободно завязывающийся на талии, рукава были широкими и короткими, не доходящими даже до локтей. В ней было не так жарко и удобно. Бонд надел именно эту куртку, которая скрыла все его кровоподтеки и шрамы, кроме белых полосок на запястьях и лодыжках с клеймом СМЕРШа на руке. Сунув ноги в темно-голубые кожаные сандалии, он спустился вниз по лестнице и, пройдя через террасу, направился на пляж. Выходя из дома, он подумал о Веспер, но решил не оборачиваться, чтобы убедиться, стояла ли она по-прежнему у окна. Во всяком случае, если она его и видела, то не дала ему об этом знать.

Он брел по рассыпающемуся золотистому песку у кромки воды, пока гостиница не скрылась из вида. Там он скинул куртку, разбежался и быстро нырнул под набегающую волну. Дно круто уходило вниз. Он старался продержаться под водой как можно дольше, чувствуя, как мягкая прохлада обволакивает все его тело. Затем он вынырнул и отбросил волосы, упавшие на лоб. Было около семи вечера, и солнце грело уже не так сильно. Пройдет еще много времени, пока оно скроется за дальним берегом залива, а

сейчас оно светило ему прямо в глаза. Бонд перевернулся на спину и поплыл вслед его лучам, чтобы подольше понежиться в солнечных бликах.

Когда он вышел на берег, вечерние тени уже накрыли место, примерно в полутора километрах отсюда, где он оставил свою пижаму. Бонд рассудил, что у него еще осталось немного времени полежать здесь и обсохнуть на еще горячем песке, прежде чем тень дойдет и сюда.

Он скинул плавки и осмотрел свое тело. Следов побоев почти не осталось. Бонд плюхнулся на песок, широко раскинув руки и ноги и уставясь в безбрежное голубое небо. Он думал о Веспер.

Его чувства по отношению к этой девушке были какими-то смешанными, и это его беспокоило и немного раздражало. Все должно быть очень просто. Он интимно потянулся к ней сразу же, как только увидел ее. Она была желанна ему, и, как он признался себе, ему просто хотелось окончательно проверить, на что было способно его тело после перенесенных пыток. Он надеялся, что сможет провести с ней несколько ночей здесь и, возможно, потом еще в Лондоне. А затем наступит неизбежное расставание, которое не обещало быть особенно сложным из-за разницы их положения в Секретной службе.

В случае каких-либо непредвиденных осложнений он легко сможет выпросить себе задание за границей или — об этом он тоже подумал — уйти в отставку, отправившись путешествовать по всему свету. Об этом он, кстати, давно и безнадежно мечтал.

Но какими-то неисповедимыми путями она так вошла ему в душу за эти последние две недели, что отношение к ней у него круто стало меняться.

В ее обществе Бонд чувствовал себя исключительно легко, и их отношения ни к чему его не обязывали. В этой девушке было что-то загадочное, и это обостряло его чувства. Вesper почти не давала возможности до конца понять, какой же она была на самом деле. Бонд чувствовал, что, как бы долго они ни находились вместе, ему не удастся познать ее по-настоящему глубоко. Она была предупредительна, относилась к нему с искренним уважением, но без той рабской покорности, которая ущемляла бы ее гордость. Сейчас он убедился, что она чрезвычайно чувствительна, но обладание ее телом вследствие ее природной скрытности будет скорее смахивать на насилие. Его физическая близость с ней каждый раз будет напоминать волнующее путешествие без пункта окончательного назначения. Она отдастся ему с жадностью, думал он,

наслаждаясь интимностью, но никогда не разрешит, чтобы ею обладали целиком.

Бонд лежал, стараясь отогнать от себя разывавшееся воображение, потом повернул голову и увидел, что тень почти вплотную приблизилась к нему.

Он встал, слегка отряхнул с себя песок, решив, что остальное он смоет под душем в номере. Затем рассеянно поднял плавки и направился в сторону гостиницы. И только тогда, когда он подошел к месту, где лежала куртка, и нагнулся, чтобы поднять ее, он сообразил, что все еще голый. Не надевая плавок, он накинул на себя куртку и направился в гостиницу.

В этот момент он окончательно все решил.

Запретный плод

Когда он вернулся к себе в номер, его очень растрогало то, что все его вещи были аккуратно разложены; в ванной комнате на стеклянной полочке над умывальником лежали зубная щетка и бритвенные принадлежности. Тут же лежала зубная щетка Веспер, стояли несколько маленьких флакончиков и баночка с кремом для лица.

Он был удивлен, когда обнаружил, что в одном из флаконов находилось снотворное. Вероятно, она испытала гораздо более сильное нервное потрясение тогда, на вилле, чем он предполагал.

Ванна была заполнена водой, а на ее краю стояла нераспечатанная бутылка с дорогой хвойной эссенцией. На стуле рядом с ванной висело полотенце.

— Веспер, — окликнул он.

— Да?

— С вами действительно не соскучишься. Вы делаете все, чтобы я чувствовал себя расточительным человеком, живущим за счет женщины.

— Мне приказано заботиться о вас. И я делаю только то, что мне было поручено.

— Дорогая, с ванной вы это здорово придумали. Выходите-ка за меня замуж.

Девушка хихикнула.

— Вам нужна рабыня, а не жена.

— А я хочу именно вас.

— Ну а я хочу омара и шампанского. Поэтому поторопитесь.

— Хорошо, хорошо, — ответил Бонд.

Он насухо вытерся, надел белую рубашку и темно-синие брюки. Он надеялся, что она оденется так же просто, как и он, и был очень доволен, когда она без стука открыла дверь, одетая в голубую хлопчатобумажную кофточку, которая очень подходила к цвету ее глаз, и темно-красную плиссированную юбку.

— Я не могу больше ждать. Я умираю от голода. Моя комната находится как раз над кухней, и я буквально измучилась от исходящих оттуда запахов.

Бонд подошел к девушке и обнял ее. Она взяла его за руку, и они вместе направились вниз на террасу, где для них был накрыт столик, на

который падал свет сквозь открытые двери безлюдного в этот час зала ресторана.

Шампанское, которое Бонд заказал по приезде сюда, уже дожидалось их в серебряном ведерке со льдом. Он сразу же налил до краев два больших бокала. Веспер занялась печеночным паштетом домашнего приготовления. Она намазывала его на хлеб и украшала бутерброд толстым куском масла, лежавшего перед ней среди кубиков льда. Они обменялись взглядами и сделали по большому глотку шампанского. Бонд вновь наполнил бокалы до краев.

Бонд рассказывал ей о своем купании, а потом они вместе обсудили планы на следующее утро. Во время обеда они старались избегать темы взаимоотношений, но по глазам Веспер, так же как и Бонда, было видно, что они с нетерпением ожидали наступления ночи. Время от времени их руки или ноги соприкасались, и это как бы ослабляло напряжение, сковывающее их тела.

Когда они расправились с омаром и вторая бутылка шампанского была наполовину пуста, Бонд предложил Веспер взбитые сливки с клубникой. Девушка от удовольствия издала глубокий восхищенный вздох.

— Я веду себя как поросенок! — воскликнула она. — Вы всегда заказываете для меня то, что мне больше всего нравится. Меня так рань-

ше никогда не баловали. — Она посмотрела на залитую лунным светом водную гладь залива. — Я такого не заслуживаю. — В ее голосе послышалась какая-то тревога.

— Что вы имеете в виду? — не понял Бонд.

— Ну, я не знаю. Я полагаю, что люди получают то, чего они стоят. Поэтому я, наверное, тоже чего-то заслуживаю, я надеюсь.

Она испытующе посмотрела на Бонда и улыбнулась.

— Вы же действительно обо мне почти ничего не знаете, — вдруг неожиданно проговорила Веспер.

Бонда удивила серьезность, с какою она произнесла эти слова.

— Нет, я думаю, что знаю достаточно, — смеясь, возразил он. — Все, что мне нужно знать на завтра, и на послезавтра, и на послепослезавтра. Вы обо мне даже столько не знаете. — Он налил еще шампанского.

Веспер задумчиво смотрела на него.

— Люди — как острова, которые никогда не соприкасаются друг с другом. И как бы близко они ни находились, они все равно разделены расстоянием. Даже если они и были связаны друг с другом полсотни лет.

Бонд с изумлением подумал, что Веспер немного захмелела от выпитого и стала меланхо-

личной. Но неожиданно она весело рассмеялась.

— Не волнуйтесь так. — Веспер наклонилась вперед и дотронулась до руки Бонда. — Меня просто потянуло в сентиментальность. Во всяком случае, мой остров чувствует, что сегодня он подошел очень близко к вашему. — Она сделала глоток шампанского, и Бонд с облегчением рассмеялся.

— Давайте соединим наши острова и образуем континент. Прямо сейчас, как только закончим с клубникой.

— Нет, — кокетничая, возразила девушка. — Я должна еще выпить кофе.

— А я коньяку, — в тон ей ответил Бонд. Он почувствовал, что в сознании его мелькнула какая-то тень.

Сейчас у него опять неожиданно возникли какие-то сомнения. И опять в воздухе повис маленький вопросительный знак. Но эти сомнения тут же растворились, и их снова охватили теплые чувства, подогреваемые интимностью окружающей их обстановки.

Когда с кофе было закончено и Бонд допивал коньяк, Веспер взяла сумочку, поднялась и встала за его спиной.

— Я устала, — сказала она, положив руку на плечо Бонда. Он прижался к ней, и они на ка-

кое-то мгновение безмолвно застыли. Веспер наклонилась и нежно подула на прядь его волос.

Она оставила Бонда одного, и через несколько секунд в ее окнах загорелся свет. Бонд закурил. Дождавшись, когда свет погас, он, пожелав по дороге спокойной ночи хозяину гостиницы и его жене и поблагодарив их за великолепный обед, стал медленно подниматься по лестнице.

Когда Бонд через ванную зашел в комнату Веспер и закрыл за собой дверь, было уже половина десятого вечера.

Сквозь полузакрытые жалюзи в комнату проникал лунный свет, лаская белоснежное тело на широкой кровати...

Бонд пробудился на рассвете в своем номере и какое-то время лежал, вспоминая, что с ним произошло.

Затем медленно выбрался из постели, надел свою куртку, прокрался мимо комнаты Веспер и, выйдя из дома, направился на пляж.

Освещенная лучами восходящего солнца, вода была гладкой и спокойной. Мелкие, окрашенные в розовый цвет волны лениво лизали прибрежный песок. Было прохладно, но он снял куртку и обнаженный побрел к тому месту, где купался накануне вечером. Осторожно и медленно Бонд вошел в воду и шел до тех пор,

пока вода не достигла ему подбородка. Там он оторвал ноги ото дна и нырнул, зажав рукою нос и закрыв глаза. Он чувствовал, как холодная вода обтекала его тело и волосы.

Поверхность залива была похожа на блестящее зеркало. Только однажды ее покой нарушила выпрыгнувшая из воды рыбка. Плывая под водой, Бонд представил себе, как сейчас из-за сосен выходит Веспер... Вот бы он удивил ее, вынырнув на зеркальную гладь.

Проведя под водой почти целую минуту, Бонд с шумным всплеском вынырнул на поверхность. На берегу, к его огорчению, никого не было. Он немного поплавал, полежал на воде и, когда ему показалось, что солнце стало пригревать сильнее, выбрался из воды и лег спиной на песок, радостно вспоминая ночь, которая вновь подарила ему его крепкое тело.

Так же, как и накануне вечером, он разглядывал пустынное небо, ища в нем ответы на мучившие его вопросы.

Некоторое время спустя Бонд поднялся и направился к месту, где он оставил свою куртку.

Сегодня он попросит Веспер выйти за него замуж. Он был абсолютно уверен в этом. Вопрос заключался лишь в том, чтобы правильно выбрать момент.

Черная повязка

Когда Бонд прошел через террасу в полутемный зал ресторана, он удивился, увидев Веспер, вышедшую из застекленной телефонной будки, помещавшейся у выхода. Она поднималась к себе в номер.

— Веспер! — окликнул он ее, полагая, что она получила какое-то важное сообщение, которое могло касаться их обоих.

Девушка резко обернулась, прижав руку к губам. На какое-то мгновение, дольше, чем нужно, она смотрела на него широко открытыми глазами.

— Что случилось, дорогая? — слегка обеспокоенный и чувствуя, как между ними опять возникает что-то непонятное, спросил он.

— Ах, — почти не дыша, прошептала она. — Вы меня напугали. Это только... я лишь звонила Матису. Да, Матису, — повторила она. — Я просто хотела, чтобы он помог мне достать другое

платье. У моей подруги. Вы помните, я вам о ней говорила. У продавщицы. Видите ли, — она говорила быстро, стараясь сделать свои слова убедительными, — мне ведь правда нечего надееть. И я подумала, что смогу застать его дома, пока он не ушел на работу. Я не знаю, к сожалению, телефона моей подруги, я хотела сделать вам сюрприз. Я не хотела вас будить. Как вода? Вы купались? Вы должны были подождать меня.

— Вода была просто великолепна, — ответил Бонд, решив облегчить ее положение, хотя ему показалось, что за всеми этими детскими уловками скрывалось что-то более серьезное. — Спускайтесь, мы позавтракаем на террасе. Я умираю от голода. Извините, что напугал вас. Я просто удивился, увидев живую душу в такое время.

Он обнял Веспер за талию, но девушка выскользнула из его рук и побежала вверх по лестнице.

— Я так удивилась, увидев вас, — сказала девушка, пытаясь как-то смягчить происшедшее. — Вы были похожи на привидение, на утопленника. — Она громко засмеялась. Поняв, что смех этот прозвучал неестественно, она сделала вид, что закашлялась. — Надеюсь, что я не простудилась, — сказала она.

Веспер все пыталась как-то скрыть возникшую неловкость, и у Бонда появилось желание

отшлепать ее и заставить рассказать всю правду. Вместо этого он лишь ободряюще похлопал ее по спине и попросил поторопиться, чтобы пойти на пляж. Сам он отправился в свою комнату.

На этом их любовь дала трещину. Все последующие дни являли собой смесь притворства и еле прикрытой фальши, которые сменялись то ее слезами, то приливами животной страсти, которая на фоне их вынужденного безделья временами становилась неумемной.

Бонд несколько раз пытался разрушить стену недоверия, которая возникла между ними. Снова и снова он возвращался к телефонному звонку, но она упорно держалась своей версии, дополняя ее новыми деталями, которые, как считал Бонд, она придумывала на лету. Вesper пыталась даже обвинить Бонда в том, что он относится к ней так небрежно из-за того, что решил, будто у нее есть другой любовник.

Такие сцены всегда оканчивались горькими слезами, а иногда даже и истерикой.

С каждым днем атмосфера становилась все более напряженной.

Бонду казалось невероятным, что человеческие отношения могут вот так в один миг превратиться в свою противоположность, и мысленно он все время пытался найти причину случившемуся.

Он видел, что Веспер, так же как и он сам, искренне переживает. Во всяком случае, она чувствовала себя гораздо хуже, чем он. Но загадка телефонного разговора, которую Веспер упрямо отказывалась объяснить, омрачала их отношения. Это усугублялось и другими мелкими недомолвками, постоянно возникавшими между ними. Бонду казалось, что она просто боится назвать истинные причины всего.

Но в один прекрасный день ситуация вдруг ухудшилась еще больше. После завтрака, который они с трудом провели за одним столом, Веспер сказала, что у нее болит голова, она не хочет выходить на солнце и останется у себя в номере. Бонд взял книгу и ушел далеко от гостиницы на пустынный пляж. Ко времени своего возвращения он убедил себя в том, что они решат все наскоившиеся проблемы во время обеда.

Как только они сели за стол, Бонд шутливо извинился за то, что напугал ее тогда у телефонной будки. Затем он сменил тему разговора. Сначала он описал ей все, что видел во время своей последней прогулки, потом начал расспрашивать девушку о ее впечатлениях о проведенном дне. Но Веспер сидела молча, погружившись в свои мысли, и лишь односложно отвечала на его вопросы. Она безучастно возила вилок

по тарелке и смотрела куда-то в сторону, упорно избегая взгляда Бонда.

Когда она пару раз не ответила на расспросы Бонда, он тоже замолчал и углубился в свои мрачные раздумья.

Неожиданно девушка вся напряглась, вилка выпала из ее руки, со звоном ударившись о тарелку, упала на пол террасы.

Бонд поднял глаза. Вesper стала белой как полотно и с выражением ужаса на лице смотрела куда-то через плечо Бонда. Повернув голову, он увидел, как за столик на противоположном конце террасы усаживается какой-то человек. Выглядел он довольно-таки обычно, правда, в глаза бросался его слишком темный костюм. Бонд решил, что этот человек мог быть бизнесменом, путешествующим по этим местам и случайно наткнувшимся на эту таверну. Может быть, он вычитал про эту гостиницу в каком-нибудь путеводителе.

— Что случилось, дорогая? — обеспокоенно спросил Бонд.

Вesper не могла оторвать глаз от сидевшего на расстоянии человека.

— Это тот самый — из машины, которая гналась за нами, — прошептала она сдавленным голосом. — Человек, преследовавший нас. Я точно знаю, что это он.

Бонд снова посмотрел через плечо. Хозяин гостиницы обсуждал меню с новым посетителем. Сцена была абсолютно мирной. Оба улыбались, обсуждая какое-то блюдо, и, видимо, пришли к взаимопониманию, так как хозяин забрал карточку меню и, перекинувшись с гостем несколькими словами относительно выбора сорта вина, удалился.

Очевидно, человек заметил, что за ним наблюдают, он поднял голову и без всякого любопытства посмотрел в сторону Бонда и Веспер. Затем протянул руку к портфелю, лежавшему на стуле рядом с ним, достал газету и начал читать ее, оперевшись локтями в стол.

Когда новый посетитель посмотрел в их сторону, Бонд увидел, что один глаз его закрывала черная повязка. И еще Бонд заметил, когда этот человек разговаривал с хозяином гостиницы, что у него были довольно крупные белые зубы. Во всем остальном он казался приятным на вид, средних лет мужчиной с темно-каштановыми волосами, зачесанными назад.

Бонд повернулся к Веспер.

— Ну что вы, дорогая. У этого человека весьма безобидный вид. Вы уверены, что это тот самый? Нельзя же ожидать, что здесь, кроме нас, не может быть никого.

Лицо Веспер все еще было белым, словно

маска. Она вцепилась обеими руками в край стола. Бонд подумал, что она вот-вот потеряет сознание, и стал подниматься, чтобы поддержать ее. Но Веспер жестом попросила его оставаться на месте. Она взяла целый стакан вина и сделала большой глоток. Краешек стакана застучал по ее зубам, и девушке пришлось держать его двумя руками, чтобы вино не расплескалось. Она смотрела на Бонда испуганными печальными глазами.

— Я не сомневаюсь, что это тот самый человек.

Бонд попытался еще раз разуверить и успокоить девушку, но она явно не воспринимала его доводы. Посмотрев на него каким-то странным, покорным взглядом и пожаловавшись на головную боль, Веспер сказала, что хотела бы весь этот день провести у себя в номере, затем быстро поднялась и, не оборачиваясь, ушла в дом.

Бонд решил дать ей немного отдохнуть. Он попросил, чтобы ему принесли кофе, а сам быстро поднялся и вышел во двор. Черный «Пежо», стоявший там, конечно, мог быть именно той машиной, которая преследовала их. Но этот автомобиль мог быть и одним из миллионов других, следующих по дорогам Франции. Бонд бросил беглый взгляд внутрь машины — пусто.

Тогда Бонд попробовал открыть багажник, но он оказался на замке.

Записав номер машины, а он был парижский, Бонд быстро прошел в туалет, находившийся рядом с рестораном, шумно спустил воду и вернулся на террасу.

Человек ел, не обращая на него никакого внимания.

Бонд пересел в кресло Веспер, чтобы было лучше наблюдать за действиями незнакомца.

Несколько минут спустя человек попросил счет, заплатил по нему и ушел. Бонд слышал, как заработал мотор «Пежо», и вскоре его звук затих на дороге, ведущей в Рояль.

Хозяин гостиницы подошел к столику Бонда и поинтересовался, где его спутница. Бонд сказал ему, что Веспер, вероятно, получила легкий солнечный удар и поэтому ушла к себе. После того, как хозяин выразил свое соболезнование и рассказал обо всех неприятностях, которые могут случиться от чрезмерного пребывания на улице в любую погоду, Бонд как бы невзначай спросил его об уехавшем посетителе.

— Он напомнил мне одного друга, потерявшего глаз. Тот носил такую же черную повязку, — пояснил Бонд.

— Я вижу его впервые, — ответил хозяин гостиницы, — но мой завтрак ему понравился, и

он обещал на обратном пути вновь завернуть сюда через пару дней и пообедать. Судя по акценту, он швейцарец и, наверно, занимается торговлей часами. Конечно, ужасно, когда у тебя всего один глаз. Целый день ходить в этой повязке. Но, наверно, он привык, — глубокомысленно закончил хозяин.

— Да, конечно, все это очень печально, — согласился с ним Бонд. — Вам тоже не очень повезло, — Бонд указал на пустой правый рукав хозяина. — Между прочим, — перевел он разговор на другую тему, — мадам как-то рано утром звонила в Париж. Я бы не хотел забыть оплатить этот разговор. Номер телефона приходится вроде на район Елисейских полей, я думаю, — добавил Бонд, вспомнив, что Матис жил именно в этом районе.

— Благодарю вас, месье, но вопрос этот уже улажен. Я звонил сегодня в Рояль на телефонную станцию, и мне сказали, что один из моих постояльцев звонил в Париж, но номер не ответил. Они спросили, не хочет ли мадам повторить вызов. Боюсь, что я забыл сказать вам об этом. Может быть, месье сам скажет об этом мадам. Но позвольте мне заметить, что номер, который вызывала мадам, относится, видимо, к площади Инвалидов.

«Спи спокойно, моя дорогая»

Последующие два дня мало чем отличались друг от друга.

На четвертый день пребывания в гостинице Веспер рано утром отправилась в Рояль. Туда и обратно она съездила на такси. Она объяснила свою поездку тем, что ей нужно было купить кое-какие лекарства.

В этот вечер девушка старалась быть особенно веселой. Она много пила и, когда они поднялись наверх, пригласила Бонда к себе в комнату и со всей страстью отдалась ему. Тело Бонда с готовностью отвечало на ласки Веспер, но, когда они расставались, девушка горько разрыдалась в подушку, и Бонд ушел к себе в мрачном настроении. Он почти не спал и рано утром услышал вдруг, как дверь комнаты Веспер тихо открылась и снизу слышались еле уловимые звуки. Бонд был уверен, что Веспер опять отправилась в телефонную будку. Вскоре закры-

лась дверь ее комнаты, и он понял, что Париж опять не ответил на вызов мисс Линд.

Была уже суббота.

В воскресенье в гостинице вновь объявился человек с черной повязкой. Бонд понял это сразу, подняв глаза от своей тарелки и увидев остановившийся взгляд Веспер. Он рассказал ей о своем разговоре с хозяином гостиницы об этом человеке, утаив лишь то, что знал, что этот человек должен был заехать сюда еще раз. Бонду не хотелось еще больше разволновать Веспер.

Он позвонил Матису в Париж и попросил навести справки о «Пежо». Машина была взята напрокат в одной солидной фирме пару недель тому назад. Клиент предъявил швейцарский паспорт на имя Адольфа Геттлера, сообщил номер своего банковского счета и домашний адрес. Матис навел справки в швейцарской полиции, и в банке оказался счет, открытый на это имя, но им редко пользовались. Предполагалось, что герр Геттлер был связан с часовой промышленностью. Если он в чем-нибудь вызывает подозрения, то они могут продолжить расследование.

Услышав все это, Веспер лишь пожала плечами, но в этот раз она ушла к себе в номер, даже не доев завтрак.

Бонд решил действовать. Закончив свой зав-

трак, он поднялся следом за Веспер. Обе двери, ведущие в ее комнату, были заперты, и когда он наконец сумел открыть их, то увидел, что девушка с окаменевшим лицом сидит, спрятавшись за занавеской. Она не сводила глаз с припаркованной машины. Бонд подвел девушку к постели и усадил ее рядом с собой. Они сидели в напряженных позах, как пассажиры в вагоне.

— Веспер, — произнес он, дотрагиваясь до ее ледяной руки, — так больше не может продолжаться. Нужно кончать это. Мы напрасно мучаем друг друга, и есть только один способ прекратить все это. Или ты мне расскажешь, что все это значит, или мы должны расстаться. И немедленно.

Она ничего не ответила и сидела не двигаясь.

— Дорогая, — ласково произнес он. — Неужели ты не хочешь рассказать мне все? А ведь знаешь, в то самое утро я вернулся в гостиницу, чтобы попросить тебя выйти за меня замуж. Неужели мы не можем вернуться обратно в то утро? Что за ужасный кошмар. Это же просто убийственно для нас обоих.

Она ничего не ответила, только по щеке медленно поползла слезинка.

— Вы говорите, что хотели на мне жениться? Бонд кивнул.

— Боже, — прошептала она. — Боже мило-

стивый. — Она повернулась и прижалась к нему, уткнувшись лицом в его грудь.

Он крепко прижал ее к себе.

— Расскажи, моя любовь, что мучает тебя?

Рыдания Веспер затихли.

— Оставьте меня одну сейчас, хоть на минуту, — попросила она, и в голосе ее прозвучали новые нотки. — Дайте мне немного подумать. — Она целовала лицо Бонда, крепко прижимаясь к нему и глядя на него с нежностью. — Дорогой мой, я стараюсь делать все, чтобы нам было хорошо. Пожалуйста, поверьте мне. Но все, что происходит, просто ужасно. Я в отчаянном положении... — И она снова разрыдалась, прижавшись к нему словно ребенок, которому приснился нехороший сон.

Бонд стал успокаивать девушку, нежно гладя ее волосы и беспрерывно целуя.

— Пожалуйста, оставьте меня на минуту, — попросила она. — Мне нужно время, чтобы подумать. Нам нужно что-то предпринять.

Веспер взяла протянутый Бондом платок и вытерла слезы.

Проводив его до двери, она остановилась и прижалась к нему. Бонд снова поцеловал девушку, и она закрыла за ним дверь.

Этот вечер они провели необычайно весело и непринужденно, словно близость, которая

возникла между ними еще в первый день, снова вернулась к ним. Веспер была сильно возбуждена, хотя иногда смех ее звучал печально. Но Бонд решил подстроиться под ее настроение, и только в конце вечера произошла заминка, когда Бонд как бы мимоходом снова попросил ее объяснить все. Девушка замерла, сжав его руку.

— Не говорите об этом сейчас, — попросила она. — Забудьте об этом. Это все уже в прошлом. Я вам все расскажу завтра утром.

Она посмотрела на него, и внезапно ее глаза наполнились слезами. Она достала платок и приложила его к глазам.

— Налейте мне еще шампанского, — вдруг попросила Веспер, громко рассмеявшись. — Я хочу много шампанского. Вы пьете больше меня, а это нечестно.

Когда бутылка опустела, девушка встала, зацепив стул, и захихикала.

— Мне кажется, я сегодня немного перебрала, — проговорила она. — Как это нехорошо. Пожалуйста, Джеймс, не осуждайте меня. Мне так хотелось быть сегодня веселой. И мне действительно весело.

Веспер склонилась над Бондом и стала перебирать руками его черные локоны.

— Пойдемте быстрее отсюда, — попросила она. — Я очень хочу быть сегодня вашей.

Она послала Бонду воздушный поцелуй и удалилась. Более двух часов они со всей страстью, о которой за день до этого Бонд не мог и мечтать, ласкали друг друга. Барьеры взаимной настороженности и недоверия, казалось, рухнули. Слова, которые они говорили друг другу, были невинны и наполнены искренностью, и ничто не омрачало их счастья.

— Теперь вы должны уйти, — сказала она, заметив, что Бонд засыпает. Но, словно испугавшись своих собственных слов, она стала нашептывать ему ласковые слова, еще крепче прижалась к его телу.

Когда Бонд наконец поднялся и наклонился, чтобы поцеловать ее глаза и губы и пожелать спокойной ночи, она протянула руку и включила свет.

— Посмотрите на меня! — воскликнула она. — И дайте мне возможность еще раз посмотреть на вас.

Бонд послушно встал на колени рядом с ней. Она пристально вглядывалась в каждую черточку его лица, как будто видела его в первый раз. Затем она обвила руками его шею. Ее глубокие голубые глаза наполнились слезами, когда она притянула его голову к себе и нежно поцеловала в губы. Потом отпустила его и выключила свет.

— Спокойной ночи, мой самый любимый человек, — прошептала она.

Бонд наклонился и поцеловал ее. Он почувствовал, что на щеках ее были слезы. Подойдя к двери, он оглянулся.

— Спи спокойно, дорогая, — пожелал он. — Не беспокойся, теперь все будет в порядке.

Бонд тихо прикрыл за собой дверь и отправился к себе, переполненный неясными чувствами.

Кровоточащее сердце

Утром хозяин гостиницы ворвался в комнату Бонда, держа перед собой какой-то конверт. Тот будто обжигал ему руки.

— Ужасное несчастье. Мадам...

Бонд вскочил с постели и бросился к двери ванной комнаты, но она была заперта. Он кинулся назад, выскочил из комнаты и помчался по коридору мимо сжавшейся от ужаса горничной.

Дверь в комнату Веспер была открыта. Солнечный свет, пробивавшийся через открытые жалюзи, освещал комнату. Он увидел только черные волосы девушки. Остальное было накрыто простыней, под которой угадывалось вытянутое, как каменное изваяние надгробия, тело.

Бонд рухнул на колени рядом с кроватью и откинул простыню.

Она спала. Она, должно быть, крепко спала. Глаза ее были закрыты, и он не заметил никаких

изменений на ставшем для него дорогим лице. Веспер выглядела как обычно, если бы не эта мраморная неподвижность. Пульс и дыхание отсутствовали. Так вот в чем дело — она не дышала.

Вошедший в комнату хозяин гостиницы дотронулся до плеча Бонда и указал на пустой стакан, стоявший на столике рядом с кроватью. На дне стакана были видны какие-то белые разводы. Рядом с раскрытой книгой лежали сигареты со спичками, осколок зеркала, губная помада и носовой платок. На полу валялся пустой флакон из-под снотворного — тех самых таблеток, на которые Бонд обратил внимание еще в первый вечер.

Бонд поднялся на ноги, его била лихорадка. Он взял конверт, который протянул ему хозяин.

— Пожалуйста, сообщите комиссару полиции, — попросил Бонд, — если я ему понадобится, то он может найти меня в моем номере.

Не оглядываясь, словно слепой, он побрел к своему номеру. Там он присел на край кровати и уставился в окно, сквозь которое виднелась спокойная гладь моря. Затем он с горечью уставился на конверт. Крупными округлыми буквами на нем было написано только одно слово: «Тебе».

Внезапно в голову Бонду пришла мысль,

что, должно быть, Веспер попросила прислугу разбудить ее пораньше, с тем чтобы не он первым обнаружил ее тело.

Он перевернул конверт. Похоже, что заклеен он был совсем недавно и сделала это сама Веспер, лизнув кромку клея своим еще теплым языком.

Бонд глубоко вздохнул и распечатал письмо. Оно было коротким. Особенно трудно было читать первые несколько слов. Тяжело дыша, он быстро пробежал письмо до конца и рывком отбросил его от себя на кровать, как будто держал в руках не лист бумаги, а живого скорпиона.

«Мой дорогой Джеймс, — так начиналось это письмо. — Я люблю тебя всем сердцем и надеюсь, что сейчас, когда ты читаешь эти слова, ты все еще любишь меня и твоя любовь ко мне будет длиться, пока ты не дочитаешь это письмо до конца. Итак, я говорю тебе прощай, мой любимый, пока мы еще любим друг друга. Прощай, мой милый.

Я — агент МВД. Да, я была двойным агентом и работала на русских. Меня завербовали через год после войны, и с тех пор я работала на них. Я полюбила одного поляка из британских ВВС и любила его, пока не встретила тебя. Тебе нетрудно узнать, кто этот человек. Он был дважды награжден крестом «За выдающиеся заслуги». После войны он прошел подготовку у М. и был заброшен в Польшу. Там его схватили, и под пытками он

многое рассказал им, в том числе и обо мне. Тогда они пришли за мной и сказали, что сохраняют ему жизнь, если я соглашусь на них работать. Он не знал ничего об этом, но ему разрешили писать мне. Пятнадцатого числа каждого месяца я получала от него письма. Я не могла допустить, чтобы эти письма прекратились. Это означало бы, что я убила его собственными руками. Я старалась сообщать им как можно меньше сведений. Ты можешь мне поверить. Потом дошла очередь и до тебя. Я сообщила им, что ты направляешься в Рояль с особым заданием, а также раскрыла твою легенду и прочее. Вот почему они знали о тебе все еще до твоего приезда и у них было время, чтобы подготовиться и установить микрофоны. Они уже подозревали в нечистой игре Ле Шиффра, но ничего точно не знали о твоей миссии, кроме того, что она каким-то образом была связана с их агентом. О твоём задании я им ничего не говорила.

Там, в казино, мне было приказано не становиться позади твоего кресла и сделать так, чтобы ни Матис, ни Лейтер также не оказались за твоей спиной. Вот почему их человеку едва не удалось застрелить тебя. Кроме того, мне предстояло еще разыграть это похищение. Наверное, ты удивлялся, почему я была такой спокойной в ночном клубе. Я не пострадала лишь потому, что работала на МВД.

Но когда я узнала, что они сделали с тобой, хотя пытал тебя предатель Ле Шиффр, я решила, что дальше работать на них не могу. К этому времени я поняла, что безраздельно люблю только тебя. Они требовали, чтобы, пока ты лежал в больнице, я выяснила кое-какие сведения, но я решительно отказалась. Они контролировали меня через Париж. Я должна была дважды в день звонить туда по условному телефону. Они сначала угрожали мне, потом прекратили, видимо убедившись, что выполнять их приказания я не буду. Я же поняла, что мой друг в Польше обречен на смерть. Вероятно, из опасений, что я могу заговорить, мне было сделано последнее предупреждение: если я окончательно откажусь работать на них, то мной займется СМЕРШ. Но я не испугалась их угроз. Я любила тебя. А потом в «Сплэндиде» я увидела того человека с черной повязкой и выяснила, что он наводит справки обо мне. Это было накануне нашего приезда сюда. Я надеялась тогда еще, что смогу улизнуть от него. Я решила, что сделаю все, чтобы и ты полюбил меня. Я надеялась, что мне удастся незаметно уехать через Гавр в Южную Америку. Я верила, что у меня будет от тебя ребенок и я смогу начать новую жизнь. Но они следовали за нами по пятам.

Я знала, что если я расскажу тебе все, то это будет конец нашей любви. И я поняла, что у меня

остался только один выбор: либо ждать, пока меня уничтожит СМЕРШ, и тогда, возможно, они убьют и тебя, либо покончить с собой.

Вот так, любовь моя. Ты не можешь запретить мне так называть тебя и повторять, что я люблю тебя. Все это и память о тебе я забираю с собой.

К сожалению, помочь тебе я почти ничем не могу. Номер в Париже, по которому я звонила: 5-5200. Я никого из них не встречала в Лондоне. Все переправлялось через связного — продавца газетного киоска на площади Чаринг-Кросс, 450.

Помнишь, во время нашего первого обеда ты рассказал мне об одном югославе, которого обвинили в предательстве, и перевел его слова: «Меня закрутил водоворот мировых событий». То же самое произошло и со мной, и это единственное, что меня может извинить. Это и еще любовь к человеку, которому я пыталась спасти жизнь.

Уже поздно, и я устала, а ты совсем близко — всего лишь за этими двумя дверьми. Но я должна оставаться мужественной. Ты мог бы спасти мне жизнь, но я не смогла бы вынести взгляд твоих таких дорогих мне глаз.

Любовь моя, моя любовь.

Вечер».

Бонд отбросил письмо. Машинально он потер руки и, вскочив на ноги, с силой потер вис-

ки. Некоторое время он смотрел на спокойное море, потом крепко выругался вслух.

В глазах у него стояли слезы.

Натянув затем на себя рубашку и брюки, Бонд с каменным, ничего не выражающим лицом спустился вниз и вошел в телефонную будку.

Пока он ждал, когда его соединят с Лондоном, он хладнокровно перебирал в уме факты, о которых писала в своем письме Веспер. Отныне все встало на свои места. Все неясности и недоумения последних четырех недель, которые отмечали, но тут же отбрасывали прочь разум и интуиция Бонда, теперь становились понятными и простыми, как указатели на дорогах.

Теперь он видел в ней только матерую шпионку. Их мимолетная любовь и его горе отошли на задний план. Возможно, когда-нибудь позже они опять напомнят о себе и он попытается беспристрастно разобраться во всех своих чувствах, чтобы поглубже запрятать их туда, где память хранит другие сентиментальные воспоминания, которые он предпочел бы забыть совсем. В эту минуту Бонд мог думать только о предательстве Веспер, а также о том, какой ущерб она успела нанести Секретной службе и стране. Будучи профессионалом, он думал о последствиях ее измены — о проваленных явках, расшифрованных противником кодах, о секретных операциях

с целью проникновения в Советский Союз, сведения о которых наверняка утекли из Центра.

Все это было ужасно и отвратительно. Одному лишь Бонду было известно, как выбраться из этого кошмарного хаоса.

Бонд сцепил зубы. Внезапно в памяти всплыли слова Матиса: «Вокруг нас множество невидимых мишеней». И еще раньше он спросил: «А что делать с агентами СМЕРШа? Мне абсолютно не нравится даже сама мысль о том, что эти парни свободно разгуливают по Франции, убивая каждого, кто, по их мнению, предал столь дорогую для них политическую систему».

«Как скоро подтвердились слова Матиса», — подумал Бонд, осознав, как быстро рассыпались его собственные иллюзии.

Все то время, пока он, Бонд, «играл в индейцев» (да, пожалуй, это выражение Ле Шиффра оказалось весьма точным), настоящий противник делал свое грязное дело расчетливо и хладнокровно, без всяких претензий на героизм, прямо у него под носом.

Бонд вдруг представил себе Веспер, идущую по коридору штаб-квартиры с документами в руках. Враг получал документы прямо на подносе, пока он, секретный агент с двумя нолями в личном номере, опытный офицер совсем

не робкого десятка, носился по всему миру и... «играл в индейцев».

Бонд сжал кулаки так, что ногти почти впились в ладони. От охватившего его чувства стыда он весь покрылся потом.

Ну что ж, было еще не поздно. Совсем рядом имелась подходящая для него цель. Он займется этими ребятами из СМЕРШа, он выследит этого парня, как затравленного зверя. Когда СМЕРШ, это безжалостное орудие смерти и мести, будет выведен из строя, МВД превратится в самую заурядную агентуру, не хуже и не лучше любой из существующих на Западе разведслужб.

СМЕРШ — это карательный кнут. Будь преданным агентом, веши слежку за своими и чужими, или в противном случае ты обречен. Тебя затравят и убьют.

В этом заключается механизм действия этой безжалостной машины. Ее движущей силой являлся страх. Для них всегда было безопаснее идти напролом вперед, нежели отступить. Иди вперед на врага, и пуля, может быть, минует тебя. Отступишь, сделаешь шаг в сторону, предашь, и пуля тебя найдет.

Теперь Бонд отсечет эту руку, которая держит кнут и оружие. Разведкой и ловлей шпионов пусть занимаются парни с белыми ворот-

ничками. Он же займется теми, кто при помощи угрозы страха втягивает людей в шпионские сети.

Зазвонил телефон, и Бонд тотчас снял трубку. На проводе было «Звено», офицер внешней связи, единственный человек в Лондоне, с которым Бонду разрешалось связываться по телефону из-за границы. Звонить разрешалось только в случае крайней необходимости.

— Говорит 007 по открытой связи. Ситуация критическая. Вы меня слышите? Немедленно передайте следующее: 3030 была двойным агентом, работавшим на красных. Да, черт возьми, я сказал «была». Эта стерва мертва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Секретный агент	5
Глава 2. Досье для М.	17
Глава 3. Номер 007	30
Глава 4. L'Ennem' esonte	37
Глава 5. Девушка из центра	48
Глава 6. Двое в соломенных шляпах	61
Глава 7. Красное и черное	68
Глава 8. Розовые абажуры и шампанское	82
Глава 9. Игра называется «баккара»	92
Глава 10. Стол для игры по-крупному	105
Глава 11. Момент истины	115
Глава 12. Смертоносная трость	126
Глава 13. Шепот любви и шепот ненависти	137
Глава 14. Жизнь в розовом свете?	150
Глава 15. Черный заяц и серая гончая	158
Глава 16. Мурашки по коже	165
Глава 17. «Мой дорогой мальчик»	175
Глава 18. Каменное лицо	191
Глава 19. Белый полог	196

Глава 20. Природа зла	207
Глава 21. Вечер	219
Глава 22. Спешащий фургон	232
Глава 23. Прилив нежности	243
Глава 24. Запретный плод	250
Глава 25. Черная повязка	257
Глава 26. «Спи спокойно, моя дорогая»	266
Глава 27. Кровоточащее сердце	273

Литературно-художественное издание

Йен Флеминг
КАЗИНО «РОЯЛЬ»

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Ю. Комов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Л. Баскакова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 12.10.2006.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 10 100 экз. Заказ № 4892.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Новые бестселлеры от автора знаменитых блокбастеров

Том Клэнси

В издательстве «Эксмо» выходят как уже известные российскому читателю, так и новые книги Тома Клэнси:

«Охота за Красным Октябрем», «Прямая и явная угроза», «Игры патриотов», «Кремлевский кардинал», «Все страхи мира», «Красный шторм».

«Радуга – 6», «Красный кролик» и «Медведь и Дракон» – издаются на русском языке впервые.

Романы Тома Клэнси – национальные бестселлеры Америки.

По его произведениям сняты такие известные фильмы, как «Охота за Красным Октябрем» и «Игры патриотов» с Харрисоном Фордом и Шоном Коннери в главных ролях.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ КНИГ

Альтернативная история – один из самых захватывающих жанров фантастики!

ТОЛЬКО ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
самых известных мастеров жанра!

В СЕРИИ:

Марина и Сергей Дяченко «АЛЕНА И АСПИРИН» Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов «ТИРМЕН»

Генри Лайон Олди Андрей Валентинов
«ПУТЬ МЕЧА» «ДАЙМОН»

ЮРИИ НИКИТИН

**НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!**

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru
www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Также в 2006 году вышли новые романы мастера:
«Трансчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»

